

СМЕНА

MADE IN RUSSIA

ИРВИНГ БЕРЛИН
 ВЕРНОН ДЮК
 ЕВГЕНИЙ МАЛКИН
 ВИЛЬЯМ БРУЙ
 МАРК РОТКО
 СЕРГЕЙ СУДЕЙКИН
 ПИТЕРИМ
 СОРОКИН
 СЕРГЕЙ ЧОБАН
**ПРИДУМАЛИ ТО,
 ЧЕМ ГОРДЯТСЯ
 АМЕРИКА
 И ЕВРОПА**

№8 / август / 2009

Совместный проект Группы Компаний «Социальные технологии» и Фонда «Галерея Винсент».

ОБЪЕДИНЕННОЕ ИСКУССТВО

ЖИВОПИСЬ ЛИТЕРАТУРА ДИЗАЙН ФОТОГРАФИЯ МУЗЫКА ТЕАТР КИНО

Творческая социальная сеть UNITEDART.RU

Мы надеемся, что наш проект поможет объединить людей творческих профессий, укрепить социальные связи внутри профессиональной среды и положит начало зарождению новой культуры созидания – совместного творчества.

ПРИГЛАШАЕМ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В РАЗВИТИИ ПРОЕКТА

тел. +7 (495) 625-9189 факс +7 (495) 625-1951

Москва Кривоколенный пер. д. 12 стр.1

Главный редактор
Михаил Кизилев
Заместитель главного редактора
Надежда Панченко

Редактор отдела
Тамара Чичина

Корреспонденты
Анна Шеркунова,
Светлана Подорванова

Арт-директор
Анастасия Григорьева

Бильд-редактор
Тимур Аникин

Дизайн и верстка
Александр Манаенков

Корректор
Марина Силакова

Использованы фотографии
ИТАР-ТАСС, Istockphoto, Dreamstime
ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Джемир Дегтяренко

Издательский директор
Дмитрий Мережко

Зам. генерального директора
Елисей Долгих

e-mail: evd@smena-online.ru

Менеджер по распространению

Мария Яркина

e-mail: sales@smena-online.ru

тел. (499) 257-31-37

Менеджер по рекламе

Кристина Бурякова

e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07, (499) 257-31-37

Главный бухгалтер

Надежда Молчанова

Офис-менеджер

Людмила Калинина

Редакция: 127994, Москва, ГСП-4,
ул. Правды, 24, стр. 4
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса»
127137, Москва, ул. Правды, 24
Тираж — 55000 экз. Зак. № 91458

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован в Комитете
Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832)

www.smena-online.ru

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» 70820
каталог «Объединенный» 88998
каталог «Почта России» 99406

Подписка в интернете: www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Исключительные права на текстовые
и фотоматериалы, публикуемые в жур-
нале «Смена», принадлежат ИД «Сме-
на» и охраняются в соответствии с зако-
нодательством РФ и международными
соглашениями.

Разработка дизайн-макета
Алексей Шелепов,
Александр Жуков

Обложка: **Doping-Pong**

СМЕНА

Издается с января 1924 года

№ 8 (1738) август 2009

ЧИТАТЕЛЮ

Во многих странах выпущены энциклопедии с условным названием: «Гениальные ученые всех времен и народов», в которых есть и российское имя – Дмитрий Менделеев, создатель периодической системы химических элементов. В аналогичных изданиях по литературе и искусству наших соотечественников намного больше. Это известный факт.

А вот что внесли в развитие науки и культуры те, кто, волею или неволею, оказался за пределами России и Советского Союза, и есть ли среди них равные Д.И. Менделееву, известно далеко не каждому.

Поэтому мы, с помощью наших авторов и экспертов, попытались разобраться в столь актуальном для России явлении, как «наши за границей», чтобы понять, кого и что Россия потеряла, и потеряла ли?

В этой связи необходимо сказать об уникальном историческом памятнике, сотворенном «нашими за границей» в середине XX века, о котором мало кто знает.

15 000 российских эмигрантов со всех уголков планеты прислали свои пожертвования, чтобы в 1950 году в будущей столице Европы – Брюсселе на Авеню де Фре был освящен храм Святого Иова Многострадального, на стенах которого, вместо фресок, – мемориальные доски, потрясающие душу каждого, переступающего его порог:

«Помяни, Господи, в царствии своем всех русских людей, на Тебя свое упование возложивших, умученных и убиенных богоборческой, большевистской властью...».

И имена, имена, имена...

Самое интересное, что через несколько лет на эту же улицу перебралось Советское посольство, сотрудники которого в те времена боялись даже смотреть в сторону храма.

Сегодня же среди прихожан этой церкви – российские дипломаты со своими семьями.

Видимо, и вправду в истории случайностей не бывает.

Михаил Кизилев

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

Made by Russians ЗА ЧТО МИРУ СТОИТ СКАЗАТЬ СПАСИБО РУССКИМ

- 6** All that jazz. Ирвинг Берлин и другие
- 16** «Metro-Goldwyn-Mayer», «Лолита», американская фантастика и балет
- 18** Расчет генетического кода, теория межотраслевого анализа, американская социология, лекарство от туберкулеза, нейролингвистика, терменвокс, вертолет и телевизор
- 20** Гений абстракционизма Вильям Бруй
- 26** Культовый немецкий архитектор Сергей Чобан
- 30** Как русские медведи стали символом столицы Германии
- 32** Олег Тактаров: мистер Голливуд
- 34** Не такое кино. Русский арт-хаус ценят на Западе и не понимают дома
- 36** Слава Цукерман и его «Жидкое небо»
- 40** За что сражаются на чужих полях русские хоккеисты?
- 42** Ту-144 versus Конкорд
- 44** Парижский романс Эдуарда Хилия
- 47** Краткое руководство по поиску в социальных сетях
- 50** Самые известные в мире «компьютерщики», рожденные в СССР

АФИША

- 54** 1/6 плюс. Современное искусство стран Содружества и Балтии в Москве
- 60** Фестиваль редких фильмов
- 62** Захар Прилепин: «Россия держится на слове»
А также – новинки dvd, cd, аудиокниг и литературы, лучшие выставки и концерты августа

ХОББИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

- 68** Роупджампинг
- 70** Обзор ресторанов по-настоящему экзотической кухни
- 72** Бордо: край высоких вин
- 74** Индия. Фотопутешествие

ИСТОРИЯ

- 80** Константин Коровин, основатель русского импрессионизма
- 84** Королева Анна Русская

ЛИТЕРАТУРА

- 88** Сергей Рафальский. «Наши за границей»
- 96** Тэа Тауэнтцин. «Любовь моя последняя»

MADE by RUSSIANS

ЗА ЧТО МИРУ СТОИТ СКАЗАТЬ СПАСИБО РУССКИМ

«...Я говорю с вами, испытывая глубокое уважение к непреходящему российскому наследию. Российские писатели помогли нам понять сложность человеческого опыта и постичь для себя вечные истины. Российские художники, композиторы и танцоры открыли нам новые грани прекрасного. Российские ученые научились бороться с болезнями, нашли новые границы прогресса и помогли нам отправиться в космос.

Этот вклад не заключен в границах России, как бы широки эти границы ни были. Наоборот, российское наследие коснулось каждого уголка мира и принадлежит всему человечеству. Это касается и моей страны, благословляемой российскими иммигрантами в течение десятилетий; российская культура обогатила нас, сотрудничество с Россией открыло новые возможности...»

Так говорил президент США Барак Обама, выступая перед слушателями Высшей школы экономики в Москве, 7 июля. Г-н Обама, разумеется, не мог себе позволить приводить конкретные примеры. А вот «Смена» решила это сделать.

Потому что это русские, уехав в Штаты, придумали телевидение, вертолет и самолет-амфибию. Потому что именно наши эмигранты подарили миру лекарство от туберкулеза и музыкальный инструмент терменвокс. Это они стали первооткрывателями астрофизики и космологии, нейролингвистики и сопротивления материалов. Это русские придумали множество бродвейских хитов, которые исполняли Луи Армстронг, Фрэнк Синатра, Билли Холидей. Французам стоит поблагодарить русских за то, что они придумали стандарты модельного бизнеса, немцам – за то, что наши архитекторы создают облик современной Германии, а японцам – за их экономическое чудо. Звучит невероятно? Мы тоже не верили, пока не узнали, что...

С то лет назад в кафе Нью-Йорка не было ни динамиков, транслирующих инди или прогрессив-хаус, ни плазменных панелей, показывающих Fashion TV. В заведениях звучали песни, которые под аккомпанемент фортепиано исполняли сами официанты. Такие кафе находились в Чайнатауне на каждом углу, а их владельцы старались переплюнуть друг друга в борьбе за посетителей. Майку Салтеру, хозяину «Пелхэма», больше известного как Nigger Mike's, срочно требовался новый номер – слишком часто клиенты стали предпочитать соседнее заведение, чтобы послушать песню, которая звучала только там. «Пелхэму» тоже была нужна своя песня. Музыку взялся написать пианист кафе Ник Николсон. С текстом было сложнее. Майк решил поручить его молодому пареньку с хорошим английским, который недавно начал работать в его кафе поющим официантом. Новая песня «Мери из солнечной Италии» позволила не только вернуть посетителей. Она имела такой успех, что вскоре была напечатана. Тот самый поющий официант получил от издательства свой первый гонорар, а вместе с ним – новое имя, ставшее легендой.

Он вовсе не был итальянцем. Израэль Бейлин, уроженец сибирского города Тюмень, из-за ошибки печатников стал И. (а затем Ирвингом) Берлиным, человеком, про которого известный бродвейский композитор Джером Керн сказал: «У него нет места в американской музыке. Он и есть американская музыка».

Текст
Елена
Федотова

Фото LIFE

ALL THAT JAZZ

Ирвинг Берлин, кровь
и плоть американской
культуры, родился
в сибирской глуши

Russian lullaby

Когда Берлин устроился в «Пелхэм», ему было 14 лет от роду, а за плечами – два класса образования и шестилетний трудовой стаж. Работать разносчиком газет мальчик начал после того, как через несколько лет эмигрантской жизни в крохотной комнатке на Нижнем Ист-Сайде семья Бейлиных потеряла отца.

В России конца XIX века, которую покинули Бейлины, даже неосторожное слово могло вызвать антисемитские выступления. Семья Моисея Бейлина уехала в Америку после погрома в белорусском городке Толочин, в который они переехали из Тюмени.

Если бы кто-нибудь издал справочник, посвященный евреям российского происхождения, покоровшим Бродвей, книжка, на удивление, оказалась бы весьма увесистой. Родившийся где-то под Киевом «король свинга» и «патриарх кларнета» Бенни Гудман только еще подрастал, когда литовский певец и актер Эл Джолсон стал любимцем Америки. Отец Джорджа и Айры Гершвинов был талантливым петербургским оружейником, но его дети никогда не смогли бы получить образование в России. В столице была установлена процентная норма евреев, поступающих в средние и высшие учебные заведения.

Мелодии евреев, бежавших от погромщиков, поразительно напоминали входившую в моду «черную» музыку. Официальная нацистская пропаганда 30-х называла джаз «музыкой негров и евреев».

Музыкальное образование Берлина ограничилось несколькими походами в синагогу, где его отец время от времени подрабатывал кантором. Получив первый гонорар в 37 центов, Берлин решил всерьез заняться написанием текстов, предлагая их композиторам, которые могли бы положить их на музыку. Однако результатами сотрудничества он остался недоволен. Выход был один – писать музыку самому.

Рэгтайм

Ирвинг Берлин не мог самостоятельно записывать свои мелодии. Музыка своих первых песен он надиктовывал композитору Артуру Джонсону. Но главные песни Берлина записала его помощница Хельма Креса, которая была рядом с ним в течение почти всей творческой карьеры. Играть на фортепиано без посторонней помощи Берлин научился только в 45 лет.

Именно таким образом в 1911 году Берлин написал свой первый хит – «Alexander's Ragtime Band». Эл Джолсон, Луи Армстронг, Рэй Чарльз, Бинг Кросби, Элла Фицджеральд, Билли Мюррей и Лайза

Ирвинг Берлин, культовый американский композитор, научился играть на фортепьяно только в 45 лет и только в одной тональности.

Бинг Кросби. Песня «White Christmas», написанная Берлином и исполненная Кросби, вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самый успешный сингл.

Ирвинг Берлин с женой
Эллин Маккейн. 1943 год.

Минелли – вслед за Эммой Карус ее спели все прославленные американские джазисты. Говорят, именно этот рэгтайм играл оркестр на палубе тонущего «Титаника».

После успеха «Everybody's Doin' It Now» и «Alexander's Ragtime Band» в офис Берлина рвались толпы молодых певцов, одной из которых была Дороти Гозтц. Девушка не сомневалась, что новая песня Берлина будет ее. Она была талантлива, а ее брат Э. Рэй Гозтц был соавтором Берлина. Но семейные связи не помогли: Берлин отдал песню другой исполнительнице, а Дороти пригласил на свидание. Через пару месяцев они поженились и отправились в медовый месяц на Кубу, где девушка заболела брюшным тифом. Врачи ничего не смогли сделать, и вскоре после возвращения Дороти Гозтц умерла. После ее смерти Берлин написал, пожалуй, свою самую трагичную песню «When I Lost You».

По странному совпадению, за год до смерти Дороти Ирвинг Берлин в соавторстве с Тэдом Снайдером и Э. Рэй Гозтцом, братом своей трагично умершей жены, написал песню под названием «There's a Girl in Havana».

Некоторое время после смерти Дороти Гозтц по Нью-Йорку ходили слухи, что Ирвинг Берлин собирается написать «рэгтайм-оперу», однако самого композитора интересовал совсем другой проект. В 1914 году состоялась премьера первого в его карьере мюзикла «Watch Your Step». К тому времени Берлин прошел процедуру натурализации и был призван в американскую армию. В 1918 году, во время Первой мировой войны, правительство США отправило композитора в военный лагерь Кэмп-Аптон.

Командующий лагерем Дж. Франклин Белл решил, что автору «Alexander's

Ragtime Band» найти деньги на строительство нового центра для родственников, приезжающих к солдатам, будет гораздо проще, чем ему, и сообщил об этом Берлину. Берлин сделал то, что умел лучше всего – поставил мюзикл «Yip Yip, Yaphank!» и написал для него песни «Oh! How I Hate to Get Up in the Morning» и «God bless America», которую отложил в стол.

Белл просил 35 тысяч долларов, Берлин заработал в пять раз больше. Правда, центр для посетителей так и не построили.

Коммерческое везение сопровождало Ирвинга Берлина и по возвращении из армии. Он создал фирму для публикации собственных произведений, открыл на Бродвее театр Music Box и основал крупнейшую американскую ассоциацию по защите авторских прав в сфере шоу-бизнеса ASCAP.

Cheek to cheek

Удача отвернулась от Берлина за одну ночь. Биржевой крах 1929 года лишил его всех сбережений, а он только отшутился: «Хорошо, что у меня богатая жена». Вторая жена Берлина была не просто богата, она была сказочно богата. Внучка миллионера и любимца Америки, дочка почтового магната, красавица Эллин Маккей вышла замуж за композитора-вдовца тайком от родителей, не одобрявших выбор дочери, и родила Берлину трех дочерей и сына. В газетах их брак называли «великой американской love story».

Уже известный композитор Ирвинг Берлин встретил начинающую журналистку Эллин Маккей в отеле «Ритц». Как и в первый раз, Берлин не стал затягивать со свадьбой: 4 февраля 1926 года они зашли в муниципалитет и расписались. А несколькими годами позже Берлин написал в честь этой встречи «Puttin' on The Ritz» – песню, ставшую неофициальным гимном Голливуда.

Первым актером, исполнившим «Puttin' on The Ritz», стал Гарри Ричман. В «Счастье идиота» ее перепел Кларк Гейбл, в «Blue Skies» – Фред Астер. В «Молодом Франкенштейне» Питер Бойл и Джин Уайлдер исполнили шутивную версию песни, а «золотой ребенок» Эдди Мерфи заставил танцевать под нее банки с «Пепси».

В 1935 году Фред Астер искал композитора для романтической комедии «Цилиндр». Влюбленный в жену Берлин подходил как нельзя лучше. Композитор заперся в гостиничном номере вместе с личным пианистом Астера Хэлом Борне

и продиктовал ему одну из самых цитируемых мелодий Голливуда – «Heaven, I'm in heaven, and my heart beats so that I can hardly speak...». Название «Щечка к щечке» Берлин приписал, когда увидел, как на съемках фильма Фред Астер танцевал, прижавшись щекой к щеке Джинджер Роджерс.

Мало кто знал, что самый романтичный период в творчестве Ирвинга Берлина протекал на фоне семейной драмы.

White Christmas

В конце тридцатых годов журналисты раскопали еще одну смерть в жизни Ирвинга Берлина. Газеты поместили фотографию старшей дочери композитора Мэри Эллин с заголовком: «У Ирвинга Берлина умер новорожденный сын». Девочка была в ярости: «Я – девочка, и я жива».

Ансамбль «Alexander's Ragtime Band». После появления первого хита Берлина многие джазовые коллективы стали называться его именем.

У Эллин Маккей не было легких родов, вторые были особенно сложные. Новорожденный сын композитора прожил 25 дней и умер в рождественскую ночь 1928 года. Дочери об этом не рассказывали.

Однажды, когда скандал уже утих, Ирвинг Берлин пришел в офис и сказал своей музыкальной помощнице: «Хватай ручку и записывай эту песню. Я только что написал лучшую песню из тех, что я когда-либо писал – черт, я только что написал лучшую песню из тех, что кто-либо писал». Хельма Креса записала «White Christmas», песню о счастливом Рождестве, которого у композитора не было уже 10 лет:

«Я мечтаю о белом Рождестве,

О таком, которое я когда-то знал...»

«White Christmas» стала самой любимой рождественской песней американцев, а сингл Бинга Кросби, ее первого исполнителя, до сих пор продается лучше всего.

Элла Фицджеральд. Легенда американского джаза спела единственную по-настоящему русскую песню Берлина – «Russian Lullaby».

Фред Астер и Сид Чаррис в фильме «Театральный фургон».

Фред Астер. Название для своей песни «Cheek to cheek» Берлин придумал, когда увидел танец Фреда Астера и Джинджер Роджерс в фильме «Цилиндр».

Обложка «Time» с Ирвингом Берлином, май 1934 года. Для американцев появление на обложке «Time» всегда было символом признания.

God bless America

Оригинальную версию этой песни, которую называют и молитвой, и неофициальным гимном, американцы услышали 11 ноября 1938 года. В предчувствии скорой войны Ирвинг Берлин достал набросок, пролежавший в столе 20 лет, и через несколько дней отдал уже готовую песню популярной певице Кэт Смит. Успех будущего гимна обеспечило страшное совпадение: в день премьеры «God bless America» Америка узнала о Хрустальной ночи*.

Эта песня могла бы стать его самым выгодным проектом, но Ирвинг Берлин считал, что на патриотизме не зарабатывают. Все права на «God bless America» он передал ассоциации бойскаутов: проекты американских пионеров до сих пор реализуются на авторские выплаты Берлину.

Ничего не заработал Берлин и на мюзикле «Это армия». В Нью-Йорке 1942 года обсуждали только одну премьеру – мюзикл «This is The Army», а песни «This is the Army, Mr. Jones» и «God bless America» стали настоящими хитами военных лет. После успешной премьеры на Бродвее Берлин провез мюзикл по всей стране. Фонд помощи раненым и семьям погибших, куда композитор перечислял все сборы от выездных спектаклей, получил 2 миллиона долларов.

В 1944 году постановка приехала в Англию. Прочитав о приезде Берлина в газетах, советники Уинстона Черчилля предложили встретиться ему с прославленным американцем. Премьер-министр согласился и пригласил композитора к себе домой. Первый вопрос Черчилля («Что вы думаете о военной индустрии США?») был, мягко говоря, неожиданным. Когда же английский политик начал выяснять, что думает песенник Берлин о переизбрании Рузвельта и войне в Европе, Ирвинг заключил: «Возможно, Черчилль и самый великий человек в мире, но я не понимаю, почему он со мной так странно разговаривал». Причина такого поведения открылась спустя несколько лет: советники Черчилля забыли уточнить, какой из двух Берлинов приглашен – композитор Ирвинг Берлин или философ и политолог Исайя Берлин.

В 1943 году на основе мюзикла «This is The Army» было решено поставить фильм. Берлин искал на главную роль парня с внешностью классического американского героя и нашел. У Ирвинга Берлина была только одна просьба к актеру: «Избавишься от хрипотцы в голосе, – и я обещаю тебе большое будущее после этого фильма». Будущее,

действительно, было большим – актером был 40-й президент США Рональд Рейган.

В конце 50-х Ирвинг Берлин представил еще несколько удачных бродвейских мюзиклов. По мотивам «Annie Get Your Gun» сняли фильм и телевизионную версию, а 20th Century Fox позаимствовал название одной из главных песен «There's No Business Like Show Business» для фильма с участием Мэрилин Монро. Эта же компания экранизировала и другой мюзикл Берлина – «Call Me Madam». Он стал финальным успехом композитора на Бродвее.

Ревущие 60-е

А последний мюзикл Ирвинга Берлина не спас даже Джон Кеннеди – после премьеры «Mr. President» президент поспешил поздравить Берлина с очередным бродвейским хитом. Хита не получилось: мюзикл терпел убытки, а критики твердили, что Берлин безнадежно устарел.

В 1957 году Берлин включил радио и услышал, как Элвис Пресли «рок-н-роллит» его «Белое Рождество». Берлин устроил скандал, заставив все радиостанции Америки замолчать: переделывать свои песни может только он и только в крайнем случае.

Но Америка уже копировала движения Элвиса Пресли и походку Мэрилин Монро, раскупала дебютные альбомы Боба Дилана и подпевала «Битлз», готовилась сказать «нет войне» и голосовала за Кеннеди.

В рок-н-рольный ритм 60-х Ирвинг Берлин не впился и предпочел уединиться. Но в рождественское утро 83 года затворничество 95-летнего композитора было нарушено: десятки людей запели под его окнами «Белое рождество». Растроганный Берлин, одетый только в пижаму, рассадил неожиданных гостей на своей кухне и угостил их какао.

А еще через три года на экраны вышел полнометражный мультфильм Стивена Спилберга «An American Tail», снятый по мотивам биографии Берлина – воплощенной американской мечты.

Он умер в 101 год.

«Я очень счастлива, что Америка не забывает моего отца. Он – плоть и кровь американской культуры – этого сплава разных культур мира, – говорила средняя дочь композитора, Линда. В 90-х годах она приезжала на родину отца, в Тюмень, на джазовый фестиваль. Потому что русская родина Берлина тоже помнит. Правда, в лице отдельных энтузиастов.

* Хрустальная ночь или ночь разбитых витрин – еврейский погром, прошедший с 9 на 10 ноября во многих городах Германии и Австрии. Гитлеровская молодежь громила витрины магазинов, 91 еврей был убит, сотни ранены, около 3500 человек отправлены в концентрационные лагеря.

6

езусловно, Берлин не был единственным русским эмигрантом. Из России в другие страны уезжали и до, и после него. Другое дело, что до – а, конкретнее, до начала XX века – эмиграция для России была естественным процессом, как и для всех остальных стран. Она не сводилась к единичным случаям, но и не приобретала стихийных размеров. Страну покидали затем, чтобы получить образование в Европе или обрести лучшую жизнь в Новом Свете. Первые эмигрантами не считались и сохраняли за собой все права российского подданного и свое имущество. А вторые бежали от нищеты нелегально, и потому никем на Родине не регистрировались. Таким образом, эмиграционная статистика в Российской Империи практически отсутствовала.

Четыре волны эмиграции, или как
русские рассредоточились по миру

Исследовали:

Анна Веклич,
Мария
Семенова,
Анна
Шеркунова,
Александр
Назаровский,
Анастасия
Чеховская,
Ольга
Займенцева,
Алена
Максимова,
Ольга
Иванова

ВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

Началом массовой российской эмиграции стала Февральская революция 1917 года. А сама российская эмиграция стала явлением настолько значимым и неоднородным, что его принято делить на временные периоды или «волны».

Первый период, продлившийся в течение 1920–1930-х годов, ученые называют «культурным феноменом». В истории он известен как «белая эмиграция» – массовое бегство за границу участников белого движения. Пришедшие к власти большевики депортировали за рубеж деятелей науки, искусства и всех инакомыслящих людей, в качестве альтернативы предлагая неминуемый расстрел.

Кроме политических эмигрантов, в первую волну бежали люди, решившие переждать тяжелые времена за границей. Так, к 1925 году страну покинуло около 3 млн. человек, осевших в Европе, США, Канаде, и Австралии. Эмигранты первой волны в голос заявляли о том, что не все русские согласны с большевистской диктатурой, и считали своим долгом сохранить культурное наследие России за рубежом. Но, кроме этого, щедро снабжали своими идеями западноевропейскую и американскую культуру. За рубежом быстро росло число русских учебных заведений, газет и журналов, а центром жизни эмигрантов и их духовной поддержкой была Русская православная церковь, созданная за границей в 1920 году.

О следующей волне эмиграции, которая датируется периодом Второй мировой войны, многое неизвестно в силу понятных причин. «Вторая эмиграция» также сделала немало для истории российского зарубежья, хоть эти заслуги старательно пытались скрыть советские чиновники. В число эмигрантов в это время попали военнопленные, а также мирные жители, оказавшиеся на территории, занятой силами Вермахта. Опасаясь сталинских

лагерей, многие предпочли статус «невозвращенцев».

«Третья» эмиграция, периода Холодной войны и диссидентского движения, составила около 1,1 млн. человек. Все советские эмигранты делились на две категории: принудительно высланные и «нормальные», которых все равно не отпускали без публичного порицания. В основном, это были представители художественных профессий, «задыхавшихся» в Советском Союзе. Особым пунктом здесь стала массовая репатриация евреев, составлявших значительный слой советской интеллигенции – только с 1969 по 1975 год в Израиль прибыло около 100 тыс. человек, и до сих пор 1 млн. человек израильтян говорят на русском языке.

Разрешение свободного выезда из СССР в 1988 году положило начало четвертой, «колбасной», волне. В этот период преобладающей была экономическая причина эмиграции – россияне уезжали за рубеж в надежде получить те блага, которые им были недоступны на Родине. В четвертую волну, по некоторым оценкам, Россия утратила треть своего интеллектуального потенциала из-за массовой «утечки умов». Во время первой волны потери в среде науки тоже были велики. Разница заключается в том, что сто лет назад из страны были высланы преимущественно гуманитарии, а сейчас – представители точных и естественных наук.

По имеющимся в открытых источниках оценкам, ущерб, нанесенный эмиграцией в 1992–2004 гг., оценивается в 25–30 млрд. долл.

И она – четвертая волна – все еще продолжается, пусть уже и не так интенсивно.

«Философский пароход» – знаменитая кампания большевистского правительства по высылке неугодных власти интеллектуалов. Сегодня эту депортацию назвали бы грамотным PR-ходом. В энциклопедиях пишут, что на двух немецких судах, «Oberburgermeister Haken»

и «Prussia», осенью 1922 года была выслана вся интеллектуальная элита нашей страны. На самом деле пассажиров было всего около 160 человек, включая их родственников. Куда больше инакомыслящих было изгнано менее заметными способами.

Благодаря эмигрантам в мире появлялись города с русскими названиями. Одних «Санкт-Петербургов» за два столетия в США насчитывается 16(!). Также города с таким названием зафиксированы в Австралии, Канаде, Чехии и Швейцарии.

Русские эмигрантки в Париже положили начало профессии модели. «Настоящие русские принцессы», называла их Коко Шанель, были аристократками и вели себя соответственно. Благодаря им холодный взгляд и надменный вид стали для моделей традиционными.

Сергей Рахманинов (1873-1943) – великий русский композитор, пианист и дирижер.

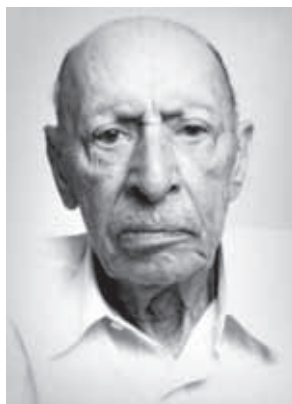
Родился на Новгородчине в музыкальной семье. В девять лет поступил на фортепианное отделение Санкт-Петербургской консерватории, продолжил образование в Московской консерватории, которую окончил с большой золотой медалью и первой оперой – «Алеко», по произведению А. С. Пушкина «Цыганы». Позже много работал и гастролировал, а в 1917 году эмигрировал в Европу. Через год перебрался в Нью-Йорк. Во время Второй мировой дал в США несколько концертов, сбор от которых переправил на Родину, чтобы помочь своему народу в борьбе с врагом.

Джордж Гершвин (1898-1937) – автор опер Porgy and Bess и Blue Monday (известной, как 135th Street), мюзикла Strike Up the Band, композиций «Rhapsody in Blue» и An American in Paris.

Он родился в семье эмигрантов из Белоруссии. Настоящее имя композитора – Янкель Гершовиц. Карьеру начал скромным аккомпаниатором. Но очень скоро стал известен на Бродвее. Самой удачной стала постановка Of Thee I Sing, за которую Гершвин вместе со своим братом Айрой получили Пулитцеровскую премию. Эту награду тогда впервые присудили музыкальной постановке.

Дмитрий Темкин (1894 -1979) – американский композитор российского происхождения, который внес большой вклад в развитие жанра киномузыки.

В 1921 году Темкин эмигрировал в Берлин, а в 1924 году отправился на гастроли в Париж, откуда вскоре, по совету Федора Шаляпина, переехал в Соединенные Штаты. Там он стал известным композитором и дважды получал «Оскар» за свои саундтреки.

Стравинский в 1914 году эмигрировал в Европу, а во время Второй мировой войны – в Америку.

Игорь Стравинский (1882-1971) – великий композитор, дирижер и пианист XX века, родился в Ораниенбауме.

Учителем Игоря Стравинского был Римский-Корсаков. Именно под его руководством композитор написал «Фейерверк» для оркестра, после чего получил предложение поработать с Дягилевым. Так появились три балета, принесшие Стравинскому мировую известность – «Жар-птица», «Петрушка» и «Весна священная». Во время Второй мировой войны Стравинский переехал в Америку. Именно там он создал свои Requiem Canticles для контральто и баса соло, хора и оркестра, которые считаются апофеозом творчества Стравинского.

All that music

Владимир Дукельский
(за роялем) вел передачи на «Радио Свобода», которое пыталась «глушить» советская власть. В СССР исполнялись его композиции (!), но имя автора не указывали по идейным соображениям.

Во все словари мира Горовиц вошел, как американский пианист. Его называли «Королем Королей пианистов». Владимир исполнял сочинения Ф. Листа, в том числе в собственных транскрипциях, Ф. Шопена, а также произведения русских композиторов.

Владимир Горовиц (1903-1989) – один из величайших пианистов двадцатого века.

Родился в Киеве и учился у лучших преподавателей тогдашнего времени (например, у Сергея Тарновского). После окончания консерватории гастролировал с концертами по стране. В 1925 году, под предложением продолжения обучения, уехал в Европу. Там он так подействовал на публику, что парижские жандармы вынуждены были успокаивать слушателей, в экстазе ломавших кресла. С 1940 г. Горовиц поселился в Америке. В 1943 году своими концертами он заработал для военных нужд США 10 миллионов долларов. Эта сумма до сих пор является рекордной для сбора от концертов классической музыки.

Вернон Дюк (1903-1969) – автор знаменитых бродвейских хитов *Autumn in New York*, *April in Paris*, которые в разное время исполняли Луи Армстронг, Фрэнк Синатра, Билли Холидей и многие другие. Дюк вошел в Зал славы «Грэмми», стал популярным композитором в Америке и Франции.

Его настоящее имя – Владимир Дукельский, родом из Минской губернии. В 10 лет (!) Дукельский поступил в Киевскую консерваторию на курс знаменитого музыканта и дирижера Рейнгольда Глиэра. А в 1919 году его семья отправилась в эмиграцию. Первой работой Дюка стала рояльная партия для «Рассодии в стиле блюз» Гершвина. Именно Гершвин посоветовал начинающему композитору взять более звучный для американской публики псевдоним. Но свои серьезные произведения автор подписывал «длинным вариантом» своего имени – Владимир Дукельский. В 1924 году Вернон Дюк уехал в Париж, где сотрудничал с Игорем Стравинским и Сергеем Дягилевым. В этот период Дюк сочинил основную часть балета «Зефир и Флора». В 1929 году он вернулся в Нью-Йорк, где позже воспел столицу Франции в знаменитом хите *April in Paris*, написанном для бродвейского мюзикла «Шагай чуть быстрее». Пожалуй, самый узнаваемый мюзикл Дюка – «Небесная хижина», один из первых классических негритянских мюзиклов, где все роли исполняли исключительно афроамериканцы. Дукельский часто обращался к наследию русской культуры в своих классических произведениях. Он написал музыку к произведениям на слова Мандельштама, Ломоносова, Державина, Пушкина, Тютчева, Кузмина, Ахматовой, Блока и др. В 1958 году увидела свет опера «Барышня-крестьянка» по мотивам произведения А.С. Пушкина.

Терменвокс, вертолет, телевизор

Зельман Ваксман,
(1888-1973) – микробиолог и биохимик.

Родился в украинском селе. Пережив смерть маленькой сестры, поклялся найти лекарство от туберкулеза. В Америку он отправился, поняв, что в Российской империи еврей получить хорошего образования не сможет. В США гений Ваксмана развернулся во всю мощь, благодаря чему был открыт стрептомицин: мощное средство для лечения многих инфекционных болезней и наступила эра антибиотиков. Кстати, именно Ваксман в 1941 г. предложил термин «антибиотики». Был удостоен Нобелевской премии.

Роман Якобсон
(1896-1982). Был одним из крупнейших лингвистов XX в., основал фонологию, нейролингвистику и структурализм в языкознании и литературоведении.

Якобсон эмигрировал из России в 1921 году. Стал профессором славянских языков и литературы Гарвардского университета. Вместе с Н. Трубецким Якобсон создал новую отрасль лингвистики – фонологию. На основе его работ Клод Леви-Стросс построил свой французский структурализм. Якобсон увлекся психоанализом и стал родоначальником нейролингвистики.

Питирим Сорокин
(1889-1968) – социолог, основатель теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

Родился в Вологодской губернии, в крестьянской семье. Мальчику повезло – с помощью добрых людей он смог окончить школу, а потом петербургский университет. Его выслали за границу в 1922 году. В 1931 году Питирим основал социологический факультет в Гарвардском университете и руководил им до 1942 года, был президентом Американской социологической ассоциации.

Георгий (Джордж) Гамов
(1904-1968). Физик и астрофизик. Во всем мире он известен по таким крупным разработкам, как теория альфа-распада, расчет генетического кода, гипотеза «горячей» Вселенной.

Одесит, закончивший физико-математический факультет Петроградского университета, часто выезжал за рубеж, где и остался в 1933 году. Гамов стал профессором Вашингтонского университета и родоначальником американской астрофизики и космологии.

Василий Леонтьев (1906-1998). Создатель теории межотраслевого анализа, метода «затраты-выпуск», позволяющего легко корректировать развитие любой отрасли.

Родился и вырос в Петрограде, окончил факультет общественных наук Петроградского Университета. Эмигрировал после запрета его статьи в журнале «Анналы». В Гарварде он создал фундаментальную таблицу межотраслевых связей и точный портрет экономики США сначала за 1919 г., а затем и за целое десятилетие. Стал руководителем Русского экономического подразделения стратегических служб США, в

задачу которого входил анализ потенциальных возможностей советской экономики, а также выработка эффективных способов помощи союзникам в годы Второй мировой войны. И Леонтьев справился блестяще: поставки по ленд-лизу не только восполнили нехватку советской продукции, но и помогли перестроить экономику СССР. В 1973 году ученый был удостоен Нобелевской премии по экономике.

Степан Тимошенко (1878-1972).

Он успешно работал в механической лаборатории Петербургского и Киевского политехнических университетов, преподавал, ездил на научные симпозиумы, занимался любимым делом. Но в 1919 году ему пришлось эмигрировать, причем Америка ему совершенно не нравилась. Тимошенко разработал прибор для исследования напряжений в материалах с использованием поляризованного света. До сих пор высокий уровень развития прикладной механики в США связывают с именем Степана Тимошенко. А он в своем последнем интервью открыто подчеркнул, что причина его успеха в Америке – это блестящее образование, полученное им в России.

Игорь Сикорский (1889-1972), конструктор.

Американцы первыми стали использовать винтокрылые машины для коротких перелетов. Это были вертолеты S-58 конструкции Игоря Сикорского. Еще на Родине он создал четырехмоторный гигант «Илья Муромец» с экипажем 10 человек и мощным вооружением. В 1918 году Сикорский покинул страну. На новой Родине, в США, ученому сначала пришлось подрабатывать частными уроками по математике и астрономии. Свое дело ему удалось открыть с помощью Сергея Рахманинова. Создание двухмоторного самолета-амфибии S-98 принесло Сикорскому успех. В 1931 году он запатентовал проект столь знакомой всем модели вертолета с двумя пропеллерами: большим на крыше и маленьким на хвосте. Сегодня компания, основанная Сикорским, занимается проектированием и производством вертолетов для коммерческих и военных нужд Нового света и других стран.

Владимир Зворыкин, (1888 -1982). Разработчик и изобретатель многих электрических систем, считается отцом американского телевидения. Именно он первым в мире запатентовал систему передачи телевизионного изображения на расстоянии.

Родился Владимир Кузьмич в Муроме, закончил Технологический институт в Петербурге. Продолжил образование в Париже под руководством известного физика П.Ланжевена. В 1919 году переехал в США. В 1923 году, работая в фирме «Вестингауз-электрик» в Питсбурге, подал свою первую заявку на электронный передатчик изображения с использованием электронно-лучевой трубки. Это было мировым достижением. Патент на передатчик Зворыкин получил лишь в конце 1938 года. Он же является изобретателем цветной телевизионной системы, электронно-лучевой трубки с мозаично-фоточувствительной структурой (иконоскоп); телевизионной системы. В 1936 году прямую передачу с Олимпийских игр в Берлине вели три камеры телевизионной системы Зворыкина. В период Второй мировой войны Зворыкин занимался разработкой бомбометания, управляемого по телевидению. Ему принадлежат 120 патентов и более 80 научных работ.

Лев Термен (1896-1993), изобретатель.

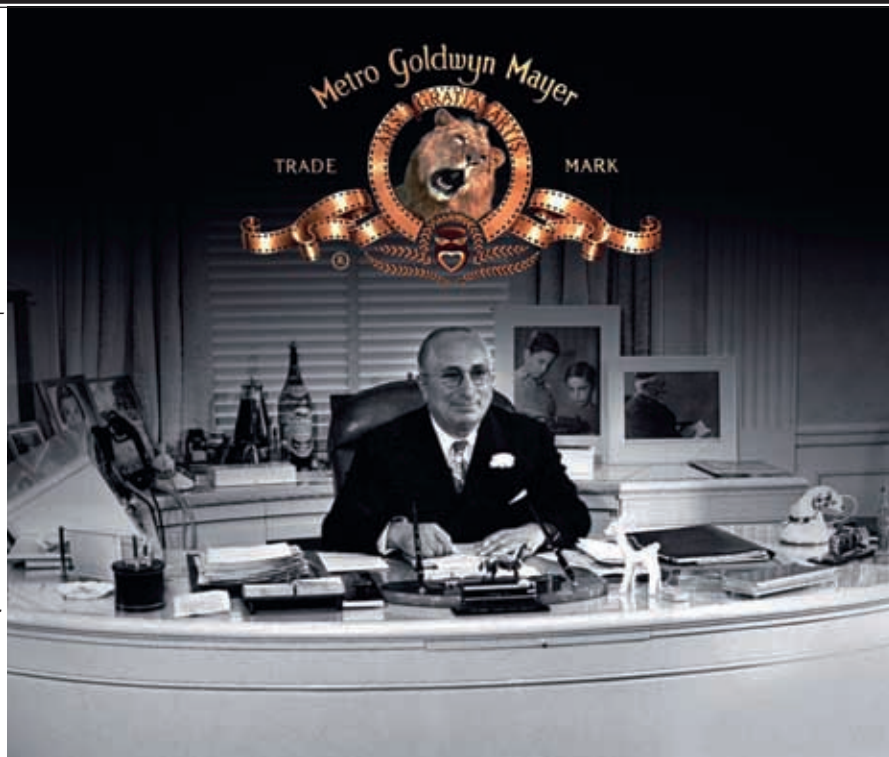
Изучал физику и астрономию в Петербургском университете, одновременно обучаясь игре на виолончели в консерватории. Заведовал самой мощной в России Царско-сельской радиостанцией. В 20-х годах, в лаборатории профессора Йоффе изобрел эфиротон, позднее названный «терменвоксом», что означает «голос Термена». С разведывательной миссией Термен переехал в США, где основал лабораторию, в которой, помимо терменвоксов, разрабатывал по контракту охранные системы – например, для небыстрого тюрьмы Алькатрас. Пиком его славы было выступление в Карнеги Холле, где он руководил концертом из десяти терменвоксов. Термен стал миллионером, давал концерты по всему миру, играл вместе с Альбертом Эйнштейном, принимал у себя в гостях Чарли Чаплина. Изобретал все новые и новые вещи: системы дальновидения, автоматически открывающиеся двери, музыкальные ритм-машины, электронные виолончели без струн. По невыясненной причине вернулся в Союз (самовольно или по воле КГБ), где попал в тюрьму по обвинению в убийстве Кирова. Ученого отправили на Колыму, где он изобрел монорельсовую тележку, облегчившую работу тысячам заключенных. Затем Термен работал с Туполевым и Королевым. Созданная им аппаратура подслушивания на десятилетия опередила аналогичные американские приборы. Тот самый «жучок», который встроили в герб США таким образом, что его не смогли обнаружить лучшие эксперты (о нем писала «Смена» № 11 за 2008 г.), придумал Термен.

Ленин играл на терменвоксе «Жаворонка» Глинка. Он дал изобретателю напутствие вступить в партию и показывать новый инструмент народу.

Луис Барт Майер (1884-1957), основатель киностудии Metro-Goldwyn-Mayer (MGM), создатель премии «Оскар», а также Американской Академии кинематографических искусств и наук, которая эту церемонию проводит.

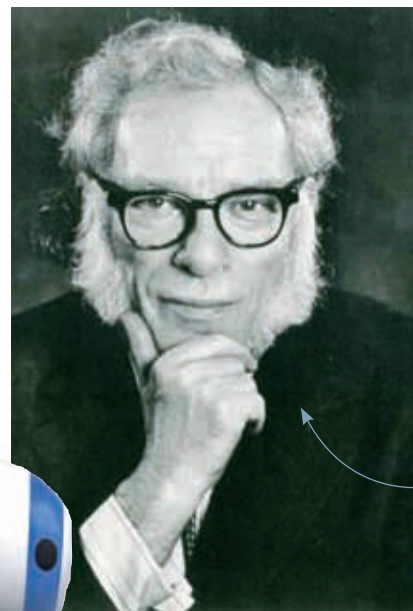
При рождении мальчику дали имя Лазарь. Родители вывезли двухлетнего Лазаря сначала в Канаду, потом – в Бостон. Поработав в кинотеатре, Майер решил открыть собственный зал, для чего взял в аренду одно из масшасусетских зданий. Вскоре у него уже было пять кинотеатров. Позже Майер преуспел в продюсерской и производственной деятельности: умело презентуя свои бизнес-планы инвесторам, он основал киностудию Metro Pictures, а впоследствии – еще ряд компаний. В 1924 году киномагнат Маркус Лоу выкупил и слил воедино активы трех успешных кинокомпаний – Metro Pictures, Goldwyn Pictures и Mayer Pictures – в корпорацию «Метро-Голдвин-Майер» (MGM). Майер стал вице-президентом империи по вопросам производства. Под его управлением бизнес был настолько успешным, что акционерам дивиденды выплачивались даже во время Великой депрессии. Майер делал упор на семейные ценности и патриотизм, вмешивался в режиссуру, был деспотичен до омерзения и предпочитал то, что сейчас определяют как «масс маркет» и «попса». В фильмах MGM снимались Кэтрин Хепберн, Джуди Гарланд, Грета Гарбо, Спенсер Трейси и Кларк Гейбл.

Hollywood, ballet & fantasy

Михаил Чехов (1891-1955). По праву считается родоначальником голливудской актерской школы, так называемой «кузницы театральных талантов». Через нее прошли многие голливудские звезды.

Племянник Антона Павловича Чехова. Талантливый актер, взявший лучшее из системы Станиславского. Эмигрировал в Европу, а затем и в США, где создал свою школу. Михаил Чехов работал в кино, в частности, снимался в фильме Альфреда Хичкока «Завороженный», в котором сыграл роль профессора. За нее же номинировался на «Оскара» как «Лучший актер второго плана». Написал книгу «О технике актера», которая имела успех в США.

«Я, робот» входит в число наиболее известных работ Айзимова. Именно Айзек разработал этический кодекс роботов и Три закона роботехники.

Джордж Бэлэнчайн (1904-1983) – один из самых значительных балетмейстеров в истории балета.

Он получил образование в Петербурге, жил в России, остался в Европе в 1925 году во время гастролей. Там начал сотрудничать с Сергеем Дягилевым, а позже основал свою собственную труппу. А еще позже –

переехал в Америку. Джордж всегда отличался передовыми взглядами, и одним из первых сделал балет обязательным элементом оперы, музыкальных постановок. К 1948 году его американское Общество Балета стало Балетом Нью-Йорка. Под руководством Бэлэнчайна труппа стала одной из самых известных в мире. Репертуар Балета до сих пор состоит из произведений Бэлэнчайна: Джордж ставил балеты на музыку Гершвина и Прокофьева, Стравинского и Роджерса.

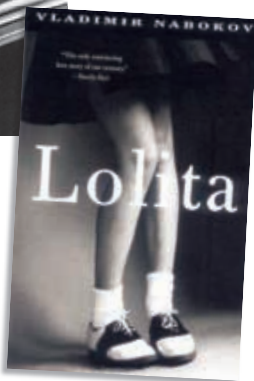
Владимир Набоков (1899-1977) – писатель, поэт, энтомолог.

Родился в аристократической семье, получил хорошее образование. В 1917 году Набоковы всей семьей эмигрировали в Германию. Владимир окончил Кембридж, работал в берлинских газетах и издательствах. Первый роман написал в 1927 году, затем издал еще восемь произведений,

которые стали популярными в среде эмигрантов, а ныне считаются шедеврами русской (именно русской!) литературы.

Перед началом Второй мировой писатель вместе с женой-еврейкой уезжает в Америку. В своем творчестве ему пришлось перейти на английский язык. Он пишет романы и преподает литературу в университете. Первые англоязычные произведения писателя не пользовались популярностью, но «Лолиту» ждало признание и коммерческий успех. Он перевел «Евгения Онегина» и «Слово о полку Игореве» на английский язык и сделал ряд открытий в области энтомологии. О себе Набоков говорил так: «Я – американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию. ... Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски».

Набоков известен не только легендарной «Лолитой» – он создал собственный литературный стиль, включающий неявные цитаты из других произведений и прочие лингвостилистические игры.

Айзек Азимов (1920-1992) стал выдающимся американским фантастом, автором 500 (!) книг, включая научно-популярные работы.

В англо-американской литературной традиции Азимов вместе с Артуром Кларком и Робертом Хайнлайном относят к «Большой Тройке» писателей-фантастов. Исаак Азимов родился в Могилевской губернии, а через несколько лет его родители эмигрировали в Штаты, где открыли кондитерский магазин. Он получил магистерскую степень по химии, но доктором наук так и не стал – помешала война. В 1942 году работал на верви Филадельфии, где трудился и Роберт Хайнлайн. После войны Азимов сделал серьезную научную карьеру, но более известен как писатель. Первый успех ему принес рассказ «Приход ночи».

Михаил Барышников – балетмейстер, артист балета.

Родился в Риге в 1948 году, танцевал в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова до 1974-го, когда стал «невозвращенцем» в ходе гастролей театра по Канаде. Далее работал в труппе «Американский театр балета», в том числе в качестве солиста и директора. Оказал существенное влияние на американскую и мировую хореографию, снимался в кино, участвовал в бродвейских постановках.

Вильям Бруй рядом
со своей работой
из серии «Вещества/
Существа».
Нормандия
2008

Вильям Бруй

ЧЕЛОВЕК

ПРОТИВ

АБСТРАКЦИИ

Вильям Бруй – один из самых известных русских художников-абстракционистов на Западе, уроженец Санкт-Петербурга. Он покинул Советский Союз в начале 70-х годов прошлого века. Спустя почти 40 лет – в этом июне – Бруй вернулся на Родину со своей персональной выставкой в Государственном Русском Музее. Другой питерский художник, никогда не покидавший свою Родину – Дмитрий Мишенин – сидя на скамейке в Парке Мраморного Дворца, побеседовал с Вильямом о судьбах абстрактного искусства, знаменитых соотечественниках за рубежом и значении тусовки в карьере поп-артиста.

Текст – Мне дико повезло – в эмиграции я познакомился с людьми такого же класса мастерства, что и люди, с которыми был знаком, дружил и работал в Питере.

Фото – С Бродским ты встречался там или еще когда был здесь?

Йозеф Киблицкий – Еще здесь. Анна Андреевна*, войдя в свой юношеский возраст около 70 лет, опекала молоденьких мальчиков. Вокруг нее была целая тусовка. И Нейман, и Женя Рейн – мои корешки – и Бродский. Когда он увидел мою «Греческую Церковь», то немножко обалдел – я написал гравюру за несколько дней до сноса здания. А Бродский в это же время написал стихотворение. То есть, мы одновременно посвятили себя одному объекту. И он от этого словил кайф.

Бродскому нравились его вещи, которые и не были изданы потому, что были эскизами. Он хвастался ими по дороге в Комарово. Я там прожил целый год у Гарика Арбелина, Бродский – у Бергеля.

– Я не понимаю, как можно в гостях останавливаться на год.

* Ахматова

— Люди потому и приглашали нас, знали: это — поэт, художник, писатель... Пруст тоже жил у людей, которые понимали: пригласив художника в свой дом пожить, они поставят себе памятник. Это и сейчас происходит — моя выставка в Санкт-Петербурге проходит только благодаря одному человеку. Ему не нужно видеть свое имя на обложке моих каталогов. Он — истинный меценат, из тех, которые становятся известными потом.

— Откуда, кстати, европейское имя у советского ребенка — Вильям?

— У питерского ребенка. Мама назвала Вильямом в честь Шекспира.

— С бакенбардами ты больше похож на Пушкина. А ты, как и я — в первую очередь считаешь себя питерцем, а потом уже иудеем? Космополитом? Советским? Французским?

— На первой же вечеринке с местной богемой я заявил, что я — из Санкт-Петербурга, что открыло мне если не все двери, то все сердца присутствующих там людей.

Санкт-Петербург для интеллектуалов и аристократов планеты остается Столицей половины Мира. Пока я покорял Другую половину мира, мои близкие обсуждали между собой — сохнет там Бруй от голода или не сохнет. Ан не сох. Рисовал картины и тусовался.

— Денис Хоппер всегда появлялся в том месте, где надо, и с теми людьми, с кем надо. Он тусовался и с Роем Линкештейном и с Энди Уорхолом...

— Я тоже все время так и жил и со всеми тусовался. Правда, Энди Уорхол меня... на дух не переносил!

— И я догадываюсь, почему. Вы деградировали по-разному.

— Знаешь, к чему это привело, дорогой?

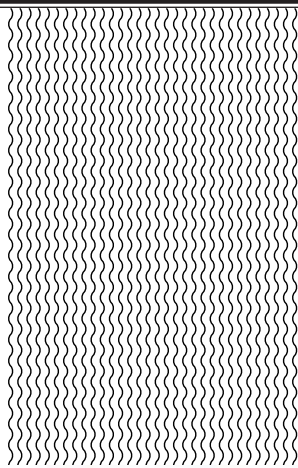
— К всеобщей деградации музейного современного искусства.

— Деградация тут не при чем. В каждой деревне всегда был кто-то, кто отлично рисовал лебедей, играл на гармошке, сочинял частушки. На всю деревню из 20-30 домов обязательно были два-три человека, которые это делали гениально.

Уорхол, царствие ему небесное, — хороший парень, но он не то чтобы упростил искусство и опустил его... Нет — он захотел, чтобы ВСЕ были художниками. А это невозможно! Это утопия.

— Когда я приехал на Запад, на пике был минимал-арт. Вот эти мои черные картины — точно то, что делали в Нью-Йорке Ротко и другие постмодернисты. Между прочим, я еще в России двигался в этом направлении, сам того не зная.

— Скажи, с кем ты из наших еще общался за рубежом?

Из серии
«Unified Fields»
1980

Иосиф Бродский, Вильям Бруй, Сильвия Бруй на даче у Алекса Либермана. Коннектикут. 1973. Фото Алекса Либермана.

— В мою лавку приходили Боря Петрушанский, Костя Кузьминский, который сказал мне: Бруй, я благодаря твоим картинам понял, что такое абстракция. Общался я не только с русскими эмигрантами, но и с американцами, замечательными и талантливыми европейскими художниками, деятелями искусств: Татьяной Яковлевой, Шапиро и другими...

— Расскажи немного о Татьяне Яковлевой, что это был за человек? Как все произошло?

— Что произошло? Ты имеешь в виду — как она отказала Маяковскому? Она говорила мне об этом в приватном, интимном порядке...

Татьяна, как и Ия Ге, которая была лицом Шанель, работала моделью. Маяковский был влюблен в Татьяну. Он был замечательным парнем, но вел себя очень вызывающе и ярко. В буржуазно-аристократическое общество — молоденький Онассис, будущий премьер Черчилль и многие другие молодые люди, ставшие потом влиятельными лицами — поэт не влился. Также не пускали в этот круг и Алексея Толстого. Они эпатировали своей «советскостью», что бы привлечь к себе внимание буржуазии.

Вот Дягилев гораздо лучше понял западную публику, поэтому и пользовался таким успехом со своим балетом.

— Так все-таки Татьяна была любовницей Маяковского?

— Послушай, ну это все — литература, не более. У нее уже был муж — принц-виконти-или-как-его-там, и притом, она всегда была очень умной и расчетливой женщиной. В 50-70-х годах Татьяна имела во Франции колоссальный вес. Ей тогда уже было за шестьдесят, ее очередному мужу, выходцу из России, Алексу Либерману — чуть поменьше.

— И они при этом были бодры и молоды?

— Абсолютно! Алекс работал в лучшем французском журнале Vu. Потом, уже в Америке, он работал в Vogue, и обложки.

сделанные им, сейчас выставляются в музеях (Например в Третьяковке, см. стр. 24). Помимо этого, CondeNast выпускал потрясающие альбомы по искусству.

И Алекс, и Татьяна многое сделали для Vogue. Собственно, это они сохранили журнал. В начале 70-х они стали приглашать к себе 18-летнего Саймона Ньюхауса, сына бизнесмена, который купил CondeNast и собирался закрыть его флагман, журнал Vogue.

Алекс водил парня по музеям и рассказывал о современном искусстве, без задней мысли. Парень поверил в идеи Алекса, принял его взгляд на искусство. На папины деньги он начал покупать картины. Мою тоже потом купил, уже на свои. И, в конце концов, Vogue остался в живых.

– Лишь мысль о том, что журнал, которым ты занимаешься, могут закрыть, а ты останешься без работы, заставляет изыскивать пути и средства?

– Да. Я только на старости лет осознал, что я – счастливый человек, потому что ко мне все шли сами.

– Влияли на тебя Миро и Танги? Я вижу определенное сходство – аморфный сюрреализм, более графический.

– Естественно, на каком-то этапе формирования каждый художник впитывает в себя актуальные тенденции. Ротко никогда не сделал бы своих картин, если бы на него не повлиял Макс Эрнст. Но главное, что потом ты отпочковываешься. Естественно, на меня влияли Малевич и Филонов с одной стороны, и Поллок-Ротко – с другой. И я сделал некий мост между стилями.

Для кого-то мое искусство декоративно – как и поп-арт в принципе. Как обои. Один парень, купивший мою картину из серии черных почеркушек Unified Fields, поставил перед ней африканские черные скульптуры, и конструкция зажила совершенно по-новому.

– Отличная идея. Он прочувствовал твою природу оформителя интерьеров. А ты понимаешь, что твоё творчество, особенно если посмотреть серию Unified Fields – реально антисоветское искусство, как оно есть, хотя там и не написано «долгой КПСС!».

– Я тебе больше скажу, западная пресса писала, что я изображаю колючую проволоку, но за ней светится светлячок надежды.

Я думал, что изображаю соединение четырех фундаментальных сил Вселенной, что в моих работах показано человеческое ничтожество через его величие. Я думал, что изображаю там соединение бесконечно большого и бесконечно малого. И мне на фиг было не нужно, что какие-то холодные войны или теплые войны употребляли мои работы в своих символах!

– Тебе не кажется, что твои «Вещества/Существа» – какая-то наскальная живопись? А с другой стороны, там возникает ощущение цифровой графики, 3D.

– Ты прекрасно сказал! Это именно объединение наскальной живописи с цифровой! Куда дальше мне, с моими корявыми руками, можно запрыгнуть? Это невозможно!

– У тебя нет ощущения, что в своем развитии творческом ты двигался от этрусского «храма» к какой-то новой реальности – в Храме ты дошел до абсолюта, а потом пошло возвратное движение к началу, когда ты малевал? То есть, сейчас ты вернулся в свою молодость.

– Умник! Я всегда возвращаюсь в молодость. Все, что я сюда привез – сделано здесь. Не для того, чтобы просто выставиться, а выпендриться перед несколькими уважаемыми мною людьми.

– Это клево, что через сорок лет ты возвращаешься ради чистой воды выпендрежа!

– Да все искусство – выпендрей! Возьми какое-нибудь распятие, рассмотри – там человек в муках умирает на кресте, прибитый гвоздями, весь в кровище, а на заднем плане – красоты невероятные. И не смотришь на уходящую жизнь, и не чувствуешь ты этой боли, а любишь этим выпендреем.

– А рок-звезды? В самоубийстве нет ничего привлекательного, но молодежь смотрит новостную ленту, где показывают репортаж с места суицида рок-звезды, и думает – вот это – красота, вот это – романтика!

– А Поллок, Ротко?! Все покончили жизнь самоубийством. Николас Десталь... Я тоже хочу покончить жизнь самоубийством! Но я не могу посягнуть на божье дело – я верующий человек. Я могу лишь поиграть в Него, подражая Ему в творчестве. Но я не могу лишить себя жизни. И даже если я буду в самом говне плескаться и ужасно жить – все равно буду радоваться.

– Расскажи в двух словах о женщинах своих.

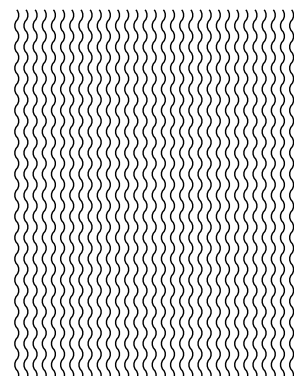
– Ой! Где мой юный ангел? (Бруй озирается в поисках своей девушки, годящейся ему во внучки – прим. авт.).

– Кто этот юный ангел?

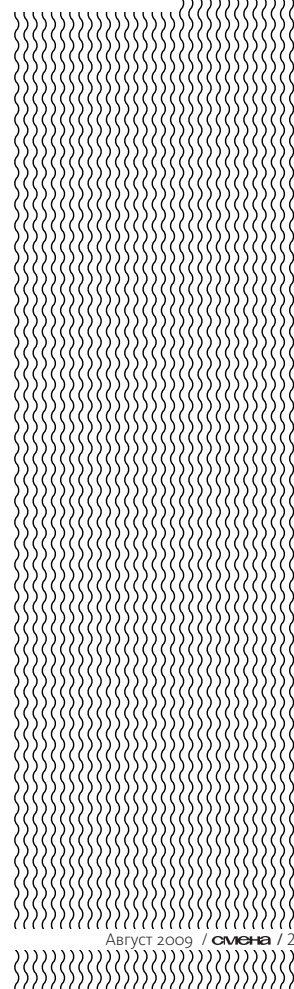
– Это Танечка из Москвы. Моя любовь. В 2002-м я решил завязать с семейственностью (я нарожал уже кучу детей) и уединился в Нормандии. Но каждые семь месяцев появляется какая-нибудь юная фея, которая пытается меня очаровать! И она таки умудрилась со мной сделать бэйби год назад. То есть, ей был нужен не я, а мой сперматозоид!

– Русская?

– Нет, местная барышня.

Из серии «Демо»
1969

Август 2009 / **overa** / 23

АВАНГАРД, КОТОРЫЙ ПРИДУМАЛИ РУССКИЕ

Текст и фото
Анна
Шеркунова

В Третьяковке выставили произведения американских художников – выходцев из России

... Они наслаждались свободой, которую давала эта страна. Свободой творить, писать, говорить и при этом не бояться, что рано или поздно за тобой придут.

Они стали знаменитыми, но мир запомнил их американцами.

О том, что «лица» американского сюрреализма и авангарда – выходцы из России, напомнила Третьяковская галерея, открыв экспозицию «Американские художники из Российской империи».

В нее вошли произведения художников и скульпторов, эмигрировавших в Америку в первой половине 20-го столетия. Большинство из них уехали из страны, будучи детьми (Бен Шан, Макс Вебер, Марк Ротко, Арчил Горки, Луиза Невельсон). Некоторые эмигрировали уже в сознательном возрасте, после первой Октябрьской революции (Борис Анисфельд, Борис Григорьев, Сергей Судейкин, Николай Фешин, Николай Васильев).

Их всех объединило одно государство – Америка.

Судя по работам бывших соотечественников, по России-матушке они совсем не скучали: национальные мотивы в их работах тоже не прослеживаются. В отличие от русских, эмигрировавших во Францию, американские художники диаспор не создавали.

Лучше всего их работы отражают именно заокеанскую жизнь и влияние именно американских (коренных) мастеров.

Единственное исключение – Сергей Судейкин, который в театральных постановках пытался передавать русский колорит. Да и то – только потому, что приехал в Америку в зрелом возрасте и мучался ностальгией по своей родной стране. Остальные же «американские художники из российской империи», напротив – впитали все лучшее, что давала Америка.

Многие из них заняли достойное место в истории американского искусства и оказали большое влияние на своих коллег. Русские подарили Америке авангард в лице Марка Ротко, Луизы Невельсон, Макса Вебера. Осип Цадкин и Жак Липшиц стали первооткрывателями модернистского направления в скульптуре, а Павел Челищев погрузил Штаты в сюрреалистический мир, его работами восхищался сам Дали.

Бывший смотритель музея Метрополитен Джон Грэхем (псевдоним Ивана Добровского) не слишком известен широкому зрителю в России, однако в Америке его считают ни много, ни мало, а основателем школы абстрактного экспрессионизма. В свое время Добровского чуть не расстреляли в России, но он сумел сбежать в Америку.

Именно Грэхем оказал большое влияние на будущего гуру абстракции Джексона Поллока, написав в 1937 году статью «Примитивная живопись Пикассо». Впоследствии Поллок утверждал, что именно

Сергей Судейкин.
«Портрет Нины
Шик»

Грэхэм «открыл ему мир примитивизма». Работы самого Джона Грэхема пропитаны творчеством все того же Пикассо, хотя уже позже художник отрешивался от этого влияния и называл своего кумира «салонным живописцем». В рамках русской экспозиции представлены три работы Джона Грэхема из цикла «Солдаты».

Звездой выставки стал Павел Челищев. Именно у его психоделических работ в Третьяковке собиралось наибольшее количество посетителей. Челищев родился в Калужской области, в первую революцию с родителями уехал в Киев, где брал уроки живописи у знаменитой авангардистки Александры Экстер. Он жил во Франции, Турции, Болгарии, Италии и в США, где снискал мировую славу. Долгое время был театральным художником, занимался сценографией, успел поработать с Дягилевым.

Самое знаменитое произведение художника – «Феномен», часть триптиха «Чистилище-Ад-Рай». Именно эту работу он завещал подарить Третьяковской галерее, что и исполнил в 1958 году друг Челищева Линкольн Кирстайн. В центре полотна – пирамида, окруженная монстрами и каменными джунглями. Челищев создал это произведение под впечатлением от посещения американского цирка уродов.

Примечательно и то, что в обезображенных узнаются реальные исторические личности, в числе которых – друзья художника: композитор Игорь Стравинский,

Павел Челищев.
«Феномен»

американская писательница Гердруда Стайн, с которой гомосексуалист Челищев поссорился из-за своего любовника, балетмейстер Сергей Лифарь, и другие. Как писал сам художник, в этой работе «он хотел придать сюрреалистичность «Аду» Данте и всей нашей Вселенной».

Еще один скульптор, представленный на выставке, – Луиза Невельсон. В ее честь назвали одну из площадей Манхэттена. Луиза эмигрировала из Киева в Америку в 1905 году, была ассистентом знаменитого мексиканского художника Диего Риверы. Создавала монументальные инсталляции и скульптуры размером с человеческий рост из обломков и мусора, и придавала им «товарный» вид с помощью распыляемой краски, предпочитательно белой, черной и золотой. В Третьяковке представлена скульптура Невельсон «Античная колонна» – нечто, напоминающее не то камин, не то стул из дерева, покрытый черной краской.

Всего в рамках экспозиции выставлено около 80 работ сорока американских авторов, услышав имена которых, многие вряд ли догадаются, что все они – бывшие выходцы из России и СССР. В России экспозиция «Американские художники из российской империи» демонстрируется впервые. В феврале прошлого года ее можно было увидеть в Русском музее Санкт-Петербурга. Выставка в Третьяковской галерее продлится до 13 сентября. ☐

Павел Челищев.
«Мальчики,
дерущиеся
в пшенице»

ПО его проектам в историческом центре Берлина построены комплекс «Дом Акваре» напротив Берлинского собора, кинотеатр «Кубикс» и «Альфред Дёблин-Хаус» на Александрплатц, галерея Арндт в Хакеш Хёфе. Эти здания, ставшие знаковыми, вошли во многие архитектурные путеводители, без них невозможно представить образ современного Берлина.

«АРХИТЕКТУРА ДОЛЖНА БЫТЬ АТТРАКЦИОНОМ»

Текст
Марина
Шония

СЧИТАЕТ КУЛЬТОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ АРХИТЕКТОР СЕРГЕЙ ЧОБАН

Панорамный лифт,
расположенный в
атриуме отеля «Рэдиссон
САС» в комплексе «Дом
Акваре», проезжает сквозь
вертикальный аквариум
20-метровой высоты.

Когда-то Сергей Чобан не мог представить себе жизни вне России. Окончив Санкт-Петербургскую Академию художеств, он занимался так называемыми «бумажными» проектами, не имевшими реального воплощения. В 1990 году состоялась выставка этих проектов в Германии, после которой он получил приглашение поработать. К тому времени Сергей понял, что «для архитектора-профессионала наличия интересных идей мало, важно знать, как эти идеи реализовать», и решил, что ему нужно учиться на практике там, где есть реально строящиеся объекты и хорошее качество рабочего проектирования – в России тогда ни того, ни другого не было.

Ему было 30 лет. Он приехал в Германию и остался. Сергей сумел не только встроиться в новые реалии, но и занять лидирующие позиции в профессии, выдержав конкуренцию с западными коллегами. Он говорит, что это был благоприятный для работы период – сразу после объединения двух Германий, когда ощущалась нехватка хороших архитекторов и новых идей.

Среди наших соотечественников, решивших сделать карьеру за рубежом, представители различных творческих профессий неодинаково успешны. Можно назвать многих музыкантов, художников, артистов балета, а вот архитектор, сделавший себе имя за рубежом. – пока единственный. Сергей Чобан.

Архитектор, который приезжает в город, обладающий культурной традицией, должен быть открыт ей

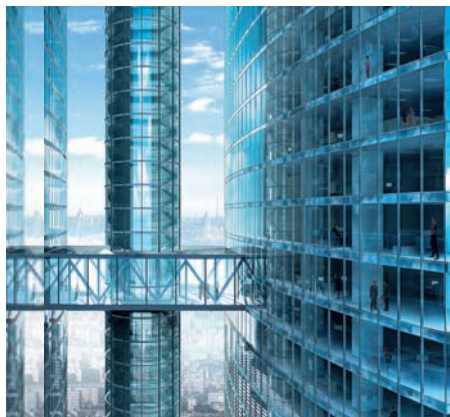
Отчасти это объясняется необходимостью свободного владения иностранным языком. Конечный продукт в архитектуре, как и в изобразительных искусствах, перевода не требует. Но для того, чтобы его построить, архитектор должен обладать даром убеждения и провести не одну серию переговоров с заказчиками и подрядчиками.

Первые годы, поскольку Чобан не знал языка, он занимался архитектурной графикой. А с 1995 года Сергей Чобан стал партнером и главой берлинского офиса архитектурного бюро «nrs tchoban voss» с филиалами в Берлине, Гамбурге и Дрездене (в бюро работает около 100 сотрудников).

Внешне его берлинские постройки достаточно сдержанные, минималистские, вся архитектурная интрига упрятана внутрь здания. Так в «Доме Акваре» за фасадами отеля скрывается четырехэтажный морской аквариум, внутри которого движется лифт с

«Башня Федерация» – многофункциональное здание, настоящий вертикальный город, в котором, помимо офисов, будут расположены апартаменты, роскошный отель, фитнес-центр, бар и ресторан. Центральная «игла», которая служит осью динамической симметрии композиции из двух башен, оборудована панорамными лифтами, а на самой верхней площадке устроена платформа обозрения.

«Набережная Европы» –

партнерский проект Сергея Чобана и питерского архитектора Евгения Герасимова. Проект с большим отрывом победил на международном конкурсе, состоявшемся весной этого года, и является одним из наиболее крупных из «не съеденных» кризисом объектов. Новый городской квартал должен быть построен на месте выводимой химической промзоны в самом центре Санкт-Петербурга, между Петропавловской крепостью и Стрелкой.

прозрачными стенками. На первый взгляд, это чистый аттракцион, и архитектора упрекали в потакании вкусам публики, желающей видеть «необычное». Впрочем, Чобан и не скрывает, что верит в аттракционы, которые могут стать архитектурой, и считает, что современная архитектура и должна быть аттракционом.

С другой стороны, архитектура для него – это, прежде всего, организация пространства, поэтому необычная форма – не самоцель, а способ постижения, исследование новых пространственных моделей.

Сейчас по проекту Сергея Чобана строится башня корпорации LSW в Вольфсбурге. Башня представляет собой геометрическую «скульптуру» с вынесенными в разные стороны консольными объемами. Такое решение во многом продиктовано соседством – участок напротив занимает весьма выразительная и несводимая к простой геометрии скульптурная постройка – научный центр «Фено». Это работа первой леди архитектуры и основательницы собственного архитектурного языка Захи Хадид. Здания-скульптуры – одно из самых популярных на сегодняшний день архитектурных решений, но в Германии исторические города со сложившимся архитектурным ансамблем

оберегают от подобных смелых высказываний. В Вольфсбурге же, который сложился как центр автомобилестроения менее 100 лет назад, архитектурные эксперименты вполне уместны.

На сегодняшний день Сергей Чобан живет на два дома, деля свое время между Германией и Россией, где число проектов распределяется примерно поровну. Его рабочий график подразумевает два трехчасовых ночных перелета в неделю. В свое время он отказался от предложений работать в Китае, Вьетнаме, Арабских Эмиратах, чтобы не углублять его более длительными полетами.

Только состоявшись как маститый архитектор в Германии, Чобан обрел

популярность на бывшей Родине. Победное его возвращение в Россию началось с проекта высотного комплекса «Федерация» в Москва-Сити, который должен стать самым высоким зданием Европы. Комплекс состоит из двух разновысотных башен (92 и 63 этажа) на общем основании-подиуме, ориентированных вокруг центрального шпилья с панорамными лифтами. Меньшая западная башня уже готова, восточная обогнала ее по высоте и на темпах строительства кризис, похоже, не сказывается.

В родном Санкт-Петербурге Чобан построил офисные центры «Лангензипен» и «Дом Бенуа», жилой комплекс «Дом у моря» – все они отмечены профессиональными наградами, а «Дом Бенуа» в этом году, по результатам народного интернет-голосования, был признан лучшей современной постройкой в городе.

Питерские работы Чобана, так же, как и берлинские, неприятны по форме, но, в отличие от них, дизайн фасада никак нельзя назвать аскетичным. Для украшения фасадных поверхностей Чобан применил пионерскую технологию орнаментальной печати на стекле. В доме на Каменноостровском проспекте («Лангензипен») «печатались» рисунки с классицистическими, ренессансными мотивами, в бизнес-центре «Бенуа» – стилизация театральных эскизов Александра Бенуа.

Если в Германии общество привыкло к максимальной упрощенности архитектуры, то в России богатая орнаментация – часть архитектурной традиции.

Тема орнамента проявлена и в московских работах Чобана – особенно ярко в жилом комплексе «Византийский», строительство которого завершается в Гранатном переулке, только в Москве орнамент более пышный и обильный и более основательно «одетый» в камень. Еще один строящийся в Москве объект Чобана – бизнес-центр на Можайском валу – будет целиком облицован известняком, покрытым мелкой геометризованной резьбой.

В отличие от архитекторов-глобалистов, Чобан считает, что не только каждой стране, но и каждому городу нужно предлагать особую архитектуру. «Архитектор, который приезжает в город, обладающий культурной традицией, должен быть открыт ей», – утверждает он.

За годы жизни в Германии Чобан, по его словам, достаточно проникся духом западной культуры, но превносить ее в Россию не намерен. «Общепринятая интенция русских архитекторов – найти прогрессивное на Западе и воссоздать это здесь – мне кажется обидной, неплодотворной, неверной», – говорит он. ☞

UNITED BUDDY BEAR

Текст
Лиза
Макарова

Как русские медведи
стали символом
столицы Германии

Первый медведь был установлен перед универсамом KaDeWe

у семьи Биттеров – выходцев из России, живущих в Берлине, – амбиций поменьше, чем у архитектора Сергея Чобана. Да и проекты попроще – всего лишь скульптуры медведей. Но зато медведи эти являются символом Берлина, а также – частью проекта, символизирующего дружбу и взаимопонимание между народами всего мира.

... В нынешнем Берлине плюнуть некуда – непременно попадешь в медведя. Пластмассовые мишки, разрисованные лучшими художниками города, украшают торговые центры, «гуляют» по улицам, охраняют административные здания. Их число уже перевалило за три тысячи (!).

А некоторые выезжают за границу, причем у каждого медведя есть свой паспорт. Если у людей паспорт называется по-немецки Personalausweis, своим скульптурам зверей Андрей Биттер выписывает Borenpersonalausweis, то есть медвежий паспорт. Среди практически сотни мишек, разрисованных художником, нет одинаковых. У каждого – свое имя и «лицо».

Медведь Rixi, который стоит перед ратушей Neukoln в Берлине. Мишка Experiment стоит у берлинской Стены. Его второе название – «День и ночь» за счет

контрастной раскраски. «Можно было бы сказать, что он символизирует некогда разделенную Германию, но я предпочитаю этого не делать. Главное, чтобы он радовал взор горожан и туристов», – комментирует художник.

Вторая скульптура «День и ночь» стоит в Берлине во дворе храма, а еще одна – во дворе самого Биттера. Есть в Берлине и Фармацевтический медведь, заказанный фирмой Korsch AG, и мишка, стоящий на территории компании Siemens. А также синий Медведь-Шива возле Дойче банка.

Жители и гости столицы полюбили самого большого Buddy, которого выходец из России создал накануне чемпионата мира по футболу. Стараниями Биттера «живут» Медведь-спасатель на берегу Гавела в Berlin-Spandau, медведь Matheon перед зданием Немецкого научно-исследовательского объединения МАТНЕОН при Техническом Университете Берлина...

В общем, этих животных художник «наплодил» в Германии более, чем достаточно. В 2001 году Андрей Биттер стал одним из первых участников акции «Медведи приходят в город». Он увидел объявление в берлинской газете, прислал на конкурс свои эскизы и начал расписывать косолапых. Первого медведя установили перед универмагом KaDeWe. В 2002 году акцию, придуманную Евой и Клаусом Херлитцем, расширили. К ней присоединились 125 художников из 125 стран.

«Идея проста, – рассказывает господин Биттер, – рука об руку мишки танцуют в кругу, во имя дружбы и взаимопонимания между народами. Помощь берлинскому проекту оказывали и оказывают многие выдающиеся личности – например, актеры Питер Устинов, Джеки Чан и еще очень многие люди из разных стран, даже на уровне правительств».

С их помощью берлинский медведь, который уже более семи веков красуется на городском гербе, превратился в посла: художники под руководством Андрея Биттера расписали своих зверят и поставили в круг у Бранденбургских ворот. За год на компанию медведей пришло полюбоваться полтора миллиона человек, а потом пластмассовые герои разъехались по всему миру. «Подобные проекты проводились в различных странах, – поясняет Андрей Биттер. – После выставок коровы, лошади, львы разбредались по всей планете. «United Buddy Bear» помогают детям в беднейших странах – деньги от продажи

медведей с аукционов идут на строительство школ и лечение детей. На сегодняшний день благодаря косолапым собрано более чем 2 225 000 долларов.

Уже 140 стран сотворили своих живописных дипломатов, которые девятый год успешно путешествуют по миру с миролюбивой миссией. Они побывали в Гонконге, Токио, Сеуле, Варшаве, Сиднее, Шанхае, Стамбуле, Каире, Иерусалиме, Буэнос-Айресе. Только до России пока не добрались.

Между тем, в проекте участвовали многие русскоговорящие художники из бывших советских республик: порой в ателье, где мишек превращали в послов, только и говорили, что по-русски. Я с самого начала был поставлен шефом ателье, может, как раз за знание русского языка. Хотя говорят, у меня и руки золотые, откуда надо растут», – смеется Андрей Биттер.

В Берлин он вместе с семьей переехал из сердца Сибири, известной своими медведями – Алтайского края. Известность пришла к художнику еще в России. На новой родине Андрей не стал, подобно многим немцам-репатриантам, запирается в четырех стенах и общаться только с русскими. Он ведет активную профессиональную и общественную жизнь: участвует в художественных кампаниях и телешоу, стал членом Союза художников, его картины и инсталляции украшают стены Шенебергской ратуши.

Сын Биттера-старшего, тоже Андрей, закончил берлинскую художественную академию и сегодня работает вместе с отцом. Вместе Биттеры расписали мишек для будущего футбольного чемпионата мира в Германии и международной выставки в Японии.

«Последние десять лет я воплощаю в жизнь и свой собственный проект, – резюмирует Андрей Биттер. – Это трансформационные картины, которые можно увидеть во многих общественных зданиях Берлина. А также – на сайте www.andrejbitter.de. Эти картины состоят из множества меньших иллюстрированных элементов, которые поворачиваются и комбинируются по-новому». А еще он преподает в собственной художественной школе.

Сейчас хоровод United Buddy Bear, куда, помимо медведей Биттера, входят косолапые из других стран мира, снова встречает гостей Берлина – 20 июля команда мишек вернулась в столицу Германии, где пробудет до 4 сентября.

Медведь-спасатель
на берегу Гавела
в Berlin-Spandau

«Биттеровских» мишек
можно увидеть на их семейном сайте www.bitterweb.de/buddy-bears-berlin/index.htm.

У международного проекта «United Buddy Bear» есть и свой сайт www.buddy-baer.com, где подробно и с многочисленными фотографиями освещаются самые последние новости из жизни косолапых.

Олег утверждает, что Арнольд Шварценеггер ему в подметки не годится и крайне раздражается, когда его сравнивают с нынешним губернатором Калифорнии. «У меня – отличная актерская школа! – возмущается Тактаров. – Я, в отличие от Шварценеггера, шесть лет учился актерскому мастерству. А Шварценеггер – машина для самопиара, которая может очаровать, кого хочешь, но за его обаятельностью – сплошная пустота. Мы совершенно разного поля ягоды с вашим хваленым Шварцем».

Олег Тактаров: МИСТЕР ГОЛЛИВУД

Справка: Олег Тактаров родился в городе Саров Нижегородской области 26 августа 1967 года. Актер, продюсер, чемпион мира по джиу-джитсу, чемпион по боям без правил. Снимался вместе с Робертом Де Ниро, Николасом Кейджем, Колином Фаррелом, Аль Пачино и другими мировыми знаменитостями. Женат, трое детей. Автор книги «Победа любой ценой, или Up to the top». Пишет стихи.

Об актерском таланте и способностях при желании можно дискутировать, но никто не станет оспаривать медицинский факт: насколько бы эпизодичны ни были роли, которые исполнял Олег Тактаров, в таком количестве голливудских фильмов не снимался ни один русский актер.

– Изначально я не был русским актером. И вообще актером, – вспоминает Олег. – Я уехал в Штаты как спортсмен.

Тактаров отправился туда в 1994 году, оставив успешный бизнес и отличную спортивную карьеру, и энное количество времени бился на ринге в боях без правил – зарабатывал имя в Америке. Агент Тактарова придумал ему прозвище – Русский медведь. «Сначала оно меня злило – слишком примитивно, а потом я понял, что для американцев russian bear прочно ассоциируется со мной, и перестал напрягаться», – говорит Олег.

После того, как Тактаров стал чемпионом UFC-6, он получил первое приглашение на съемки. «Я ведь не просто «в Америку» ехал, мне нужно было попасть в Голливуд. Если бы Голливуд располагался в Китае или Австралии, я бы отправился туда», – рассказывает он.

Но Голливуд без знакомств, знания языка и актерского мастерства покоряться не желал. Поэтому Олег отправился в актерскую школу Лос-Анджелеса, чтобы учиться по... Станиславскому.

– Они там очень дорожат тем, что было привезено из России, – объясняет актер.

– Почему вам так нужен был именно Голливуд? Кто мешал сниматься в русском кино?

– Тогда в нашем кино были иные стандарты, которые меня не устраивали. Ведь это до Второй мировой войны наш кинематограф был великим. И вклад русских в американское кино был тогда тоже

огромным – его делали многие наши продюсеры, режиссеры, актеры. В последние лет тридцать ничего подобного не было. Разве что Илья Баскин – помните, «Москва над Гудзоном»? И я. Мы с ним оба попали в обойму в Америке.

Состоявшись в Голливуде, Олег стал принимать приглашения от российских режиссеров, а теперь и сам взялся за руководство съемочным процессом. Сейчас он занимается телепроектом «Мужские игры», в ходе которого десять участников из сломленных личной трагедией лузеров становятся победителями. Герои передачи тренируются в весьма специфических, крайне жестких условиях, а победители отправляются на бои в США. Противников русских игроков тренирует Танк Эбботт, тоже бывший чемпион мира по боям без правил, которого победил Тактаров. Сам Олег утверждает, что проект – не о боях, а о том, как начать жизнь с нуля.

– Как я, когда пришел в большой спорт, – мне тогда было 27 лет. Мы тренируем не только тело, но и ум, душу участников. Они учатся альтруизму и взаимопомощи, заново открывают для себя мир дружбы и человеколюбия.

Второго человека в мире, который мог бы написать и спродюсировать такой проект, как «Мужские игры», просто нет. Я – из России, я – профессиональный боец и профессионально занимался кино, только на стыке этого опыта мог получиться этот проект. Сейчас по полсерии «Мужских игр» мы показываем на PostTV. Они набирают по 800 тысяч включений! Рассматривается вопрос о том, чтобы «Мужские игры» пошли в эфир большого «традиционного» телеканала. Заявки на шоу поступили из других стран, не только из Америки.

– Когда выйдет в прокат ближайший свежий кинопроект с вашим участием и что

Текст
Лиза
Макарова
Фото
ИТАР-ТАСС

Голливуд плюс Тактаров

Brawl in Buffalo: UPC VII (1996)
«Самолет президента» (1997)
Absolute Force (1997)
Total Force (1997)
Counter Measures (1998)
«15 минут славы» (2001)
«Давай сделаем это побыстрее» (2001)
My Friend's Love Affair (2001)
«Роллербол»
«Красный змей» (2002)
«Плохие парни-2» (2003)
«Сокровище нации» (2004)
«Полиция Майами. Отдел нравов» (2006)
«Хозяева ночи» (2007)
Ultimate Champion (2009)

Россия плюс Тактаров

«Зови меня Джинн» (2005)
«Грехи отцов» (2005)
«Охота на Изюбря» (2005)
«Мужской сезон. Бархатная революция» (2005)
«Сдвиг» (2005)
«Секунда до...» (2005)
«На пути к сердцу» (2007)
«Афганец» (2007)
«Монтана» (2008)
«Право на убийство» (2008)
«Мальтийский крест» (2008)
«Мужской сезон-2». Время гнева» (2009)
«Вий» (2009)
«Тайна Чингисхана» (2009)
«Путь» (2009)
«Цель» (2009)
«Generation П» (2009)

Олег Тактаров вместе с продюсером Фредерико Лапенда и американским актером Майклом Мэдсенем на премьере русского фильма «Путь»

это будет за фильм?

– Осенью на НТВ выходит 16-серийная лента, в которой я играю обычного простомента. Мой герой – скромный человек, который помогает старушкам и соседям, выполняет свой долг. Такие люди и вправду есть, и мне было несложно сыграть свою роль, потому что в этот образ я верю.

– Говорят, вы отказали Спилбергу именно потому, что сочли героя, роль которого он вам предлагал, неубедительным?

– Да, в последней версии «Индианы Джонса» мне была уготована роль полковника Добченко. Но мне было неприятно играть русского полковника-клоуна, который был создан сценаристами, некомфортно. В моих глазах это несовместимо с

образом нормального советского офицера. И я отказался сниматься у Спилберга. Куда больше я доволен своей работой в отечественном фильме «Путь».

А вообще, мне всегда был симпатичен Джеки Чан, который жил на две страны: помимо работы в Голливуде, активно снимался в «родных» боевиках. Когда я в Америке долго нахожусь, с ужасом думаю о том, что я пропускаю, теряя общение здесь. Если честно, большинство американцев – крайне примитивные люди.

Не исключено, что я уеду в Штаты на несколько лет, и все это время не буду появляться в России. Но я хочу работать на более умного зрителя, чем американцы. Поэтому я обязательно вернусь.

Русский арт-хаус ценят на Западе и не понимают дома

НЕ ТАКОЕ КИНО?

«Я хочу, чтобы кино относилось к зрителю как к интеллектуальному партнеру и не относилось бы к нему покровительственно». Под этими словами Гринуэя подпишутся многие российские режиссеры, которые работают в жанре арт-хауса. Ведь нести настоящее искусство, делать кино на совесть, вкладывать множество смыслов и знать, что его примет ограниченное число ценителей – тяжелая ноша. Ее и взвалили на свои плечи те, чьи имена все чаще в последнее время звучат на иностранных языках в Каннах, Венеции, Берлине. Только на русском языке о них говорят мало...

Текст
Ольга
Займенцева

Работы молодых документалистов – Сергея Дворцевого, Валерии Гай-Германики – и театральных режиссеров – Ивана Вырыпаева, Кирилла Серебренникова высоко оценило жюри «Золотого льва» в Венеции, кинофестиваля в Локарно. На счету этих режиссеров – «Особый взгляд» в Каннах, «Дон Кихот» от Федерации кинолюбков (FICC\IFFS), «Молодой взгляд» и специальный приз конкурса «Золотая камера» на 61 Каннском фестивале...

И они не одиноки на международной арене – «Бумажный солдат» Алексея Германа-младшего на 65-м Венецианском кинофестивале получил два приза: «Серебряного льва» и премию «Озелла» за лучшую операторскую работу. Картина «4» Ильи Хржановского, показ которой в Москве был запрещен, получила награды на международных кинофестивалях в Роттердаме, Буэнос-Айресе, Ситле, Трансильвании, Афинах, Анталии, Вальвидии, Бангкоке. «Коктебель» Бориса Хлебникова наградили призами на международных фестивалях на Филиппинах, Гран-при жюри в Висбадене, главным призом «Золотая лилия» в Брюсселе, специальным призом в Каннах...

Всех русских кинонаград последних лет не перечислишь.

Так почему же российские режиссеры, побеждающие на престижных международных фестивалях, почти не известны зрителю на Родине?

Подозреваю, потому, что – как правило – фильмы их относятся к разряду интеллектуального, авторского кино, которое в России пока смотрят лишь избранные. Подобные картины привлекают искушенного и образованного зрителя, а потому их прокат весьма ограничен. Зритель, как правило, идет в кино или садится перед экраном телевизора, чтобы развлечься, но не размышлять...

Но отечественных режиссеров, что предлагают зрителю поразмышлять, становится все больше и больше. И эти высказывания невозможно игнорировать. Понемногу в разных городах, на периферии, появляются пока малочисленные клубы любителей так называемого «другого кино». По выходным энтузиасты устраивают показы фильмов, которых нет в свободной продаже в маленьких городах.

И это внушает надежду на то, что авторское кино будет жить и найдет нового зрителя.

Алексей Герман-младший получает «Серебряного льва» за лучшую режиссуру на 65-м Венецианском кинофестивале.

Съемочная группа «Бумажного солдата» на московской премьере фильма

Русские на западных конкурсах

В 1977 г. Золотую награду Берлинского кинофестиваля получило «Восхождение» Ларисы Шепитько, в 1987 г. – «Тема» Глеба Панфилова. В 1986 г. «Путешествию молодого композитора» Георгия Шенгелия дали приз за лучшую режиссуру. «Лучший актер» «Серебряного медведя»: Анатолий Солоницын в 1981 г. («Двадцать шесть дней из жизни Достоевского»); Евгения Глушенко – в 1983 г. («Влюблен по собственному желанию»); Инна Чурикова – в 1984 г. за роль в «Военно-полевом романе».

«Оскар». В категории «Лучший фильм на иностранном языке»: «Война и мир» (1968); «Дерсу Узала» (1975); «Москва слезам не верит» (1980); «Утомленные солнцем» (1994). В категории «Лучший документальный фильм» – «Разгром немецких войск под Москвой» (1943), а лучшей короткометражной анимационкой в 2000 году посчитали «Старика и море».

Международный Каннский кинофестиваль. Фильм «Большая семья» 1955 года режиссера Иосифа Хейфица – самый титулованный за всю историю фестиваля! Он завоевал 16 призов. Фильм «Великий перелом» Фридриха Эрмлера в Каннах получил «Гран-при» фестиваля 1946 года. «Золотую пальмовую ветвь» в 1958 году присудили картине «Летят журавли» Михаила Калатозова.

Венецианский кинофестиваль награждал российские фильмы «Весна» (режиссер Григорий Александров), «Клятва» (режиссер Михаил Чиаурели), «Адмирал Нахимов» (режиссер Всеволод Пудовкин), «Гамлет» (режиссер Григорий Козинцев). Дважды российские кинематографисты получали главный приз фестиваля «Золотой Лев» – в 1962 году «Иваново детство» (режиссер Андрей Тарковский) и в 1991 году «Урга» (режиссер Никита Михалков)*.

«Броненосец Потемкин»

Сергей Эйзенштейн был признан лучшим фильмом Американской Киноакадемии в 1926 году и «одним из лучших» в 1954 году. По результатам международного опроса критиков в Брюсселе в 1958 году, «Броненосец» стал первым в числе 12-ти лучших фильмов всех времен и народов. И первым же – среди ста лучших фильмов по опросу киноведов мира в 1978 году.

Запад выучил их имена

Андрей Звягинцев. «Возвращение», 2003: «Золотой лев», CinemAvvenire за лучший дебют на Венецианском кинофестивале, «Европейское открытие года» («Феликс»); «Изгнание», 2007: приз за лучшую мужскую роль на Каннском кинофестивале.

Кира Муратова. «Астенический синдром», 1990: приз Берлинского кинофестиваля. «Увлеченья»: «Леопард» в Локарно, 1994. «Настройщик»: – главный приз международного кинофестиваля Центрально-и Восточноевропейских фильмов, 2005.

Павел Лунгин. «Такси-блюз», 1990: приз за лучшую режиссерскую работу на Каннском кинофестивале и специальное упоминание жюри. Фильм «Свадьба» в Каннах получил приз «За лучший актерский ансамбль».

* Полный список русских кинопобед на Западе – на сайте «Смены».

Слава Цукерман И ЕГО «ЖИДКОЕ»

Текст
Дима
Мишенин

Фильмография Цукермана (избранное)
«Ночь на размышление». Документальный фильм, СССР, 1972.
«Москва не отвечает». Документальный фильм, Израиль, 1973.
«Жидкое небо». Фэнтези, США, 1982.
«Бедная Лиза». Драма, Россия/США, 2000.
«Жена Сталина Надежда». Документальное кино, США, 2004.
«Перестройка». Драма, США, 2009.

Если спросить русского зрителя о том, кто такой Слава Цукерман, вышеобозначенный зритель, скорее всего, пожмет плечами. Американский киноман, по всей вероятности, прочтет вам целую лекцию: фантазмагория «Жидкое небо» не только принесла ему награды пяти международных кинофестивалей, но и возвела Цукермана в ранг культовых фигур американского кинематографа. В этом году Цукерман выпустил фильм «Перестройка» и с удовольствием предался ностальгии в компании обозревателя «Смены».

— ... Родом я из Москвы. В пору моего советского детства нас учили, что Москва — центр мира. К тому времени, когда я эмигрировал, я уже привык жить в центре мира и на другое не соглашался. Мы с женой — Ниной Керовой — обосновались в Иерусалиме, поскольку это духовный и, как некоторые считают, даже и геометрический центр мира. Потом оказалось, что для людей моего типа и профессии центром мира является Нью-Йорк, туда мы и переехали. Но у меня ощущение, что я никогда никуда не переезжал — всегда оставался в центре мира, а вот центр перемещался, вместе со мной.

— Представление о русских в Америке в мои школьные годы были только по пластинкам Вилли Токарева с Брайтона или ролях Савелия Крамарова в антисоветских фильмах. Ты же появился, как настоящий нью-йоркский модник. Как так вышло?

— По первому своему иммигрантскому опыту я понял, что режиссер, чтобы снимать хорошее кино, должен жить жизнью страны. Поэтому, прибыв из Израиля в Америку, я должен был стать американцем, а уже потом — снимать кино. Это меня не смущало: по характеру я человек толерантный и открытый ко всему новому.

— Чем ты занимался до этого? «Небо» было очередной попыткой сделать нечто серьезное или первой? Ведь телестановка «О водевиле, водевиле!» сделала тебе имя еще в СССР?

— Имя в СССР я приобретал многоэтапно, и было это до «Водевиля». Сначала,

будучи студентом строительного института, ставил капустники, тексты которых писали Хайт и Курляндский, а актерами были Геннадий Хазанов и Семен Фарада. Такие вот люди учились в строительном институте. Потом мы с другом по институту Андреем Герасимовым (теперь — ректор Высших режиссерских курсов, — прим. авт.) начали снимать «любительское» кино. Андрей был оператором, а я — режиссером и сценаристом.

Мы сняли первый в советской истории игровой «любительский» фильм «Верю Весне», который получил главный приз всесоюзного фестиваля любительских фильмов и приз в Канаде и был выпущен во всесоюзный прокат.

«Любительским» этот фильм считался в СССР, где «профессионалами» назывались только работники государственных студий. А снимали мы его по стандартам, на 35 мм, то есть, получается, что мы сняли не любительский, а первый в истории СССР независимый фильм.

Затем я поступил во ВГИК и закончил его с отличием. Был распределен на киностудию «Центрнаучфильм». Там делал, в основном, фильмы странные, совмещающие элементы разных жанров и стилей и поднимающие спорные вопросы. Иногда их запрещали, иногда давали призы на фестивалях. Их тайком показывали в академгородках тогдашней элите — научным работникам, и они становились культовыми. Два моих фильма показывали на открытии очередного съезда компартии. Так что, имя у меня было и до «Водевиля».

НЕБО»

«Актеры «Жидкого неба» играли самих себя. Исполнительница главной роли, Энн Карлайл, в реальной жизни выглядела так же, как в фильме: прическа, одежда и пластика. Учителем актерского мастерства Энн был Боб Брэйди – он и в «Жидком небе» играет ее учителя».

Я до сих пор встречаю в Америке фанатов, которые в восторге вспоминают мои фильмы того времени. В последней из моих короткометражек играл две роли Иннокентий Смоктуновский. Этот фильм был запрещен цензурой. Мне его удалось вывезти, когда мы с женой эмигрировали, и премьера его состоялась на лос-анджелесском международном кинофестивале.

Потом я ушел с «Центрнаучфильма» и снял на телевидении комедию «Водевил про водевил». Там играли Леонид Броневой, Леонид Каневский, Екатерина Васильева. Было так смешно, что операторы не могли снимать – падали от смеха.

Редакционный совет Центрального ТВ признал этот фильм лучшей программой года. Но в этот момент был назначен новый министр радио и телевидения – товарищ Лапиков – который и приказал фильм стереть, смыть, уничтожить. Никто возражать ему не посмел. Так что, фильма этого не существует.

А я уехал в Израиль и снимал там документальные фильмы. Первый же из них «Жили-были русские в Иерусалиме», фильм о Русской Зарубежной Православной Церкви, я снял через три месяца после приезда туда. Этот фильм получил первый приз на Всемирном фестивале телефильмов в Голливуде. Это был первый случай, когда фильм израильского ТВ получил приз. Так что, я проснулся знаменитым. Специалисты уверяли меня, что мой фильм посмотрело 40% населения страны.

Когда я приходил в клуб писателей в Тель-Авиве выпить капучино (тогда чуть ли не единственная кофемашинка в городе стояла в этом клубе), мой столик окружали писатели, предлагающие свои книги для экранизации. Но я понял, что снимать художественное кино, не прожив достаточно в стране и не войдя глубоко в ее жизнь, не могу.

Я хотел снимать художественное кино, причем интересное не только израильтянам, но и всем жителям Земли. Я уехал в Нью-Йорк и через пару-тройку лет снял «Жидкое небо».

– Когда ты делал это кино, что-то предвещало такой головокружительный успех?

– Ничего, кроме моих чувств.

– А удивило тебя, что успех оказался вне времени, долгий и практически бесконечный, как у настоящего рок-хита?

– Нет, не удивило. Ведь фильм и создавался как рок-хит.

– В какой атмосфере выходил твой фильм? Что было тогда популярно в США?

– После премьеры «Жидкого неба» появился «Триллер» Майкла Джексона. Популярны были «Eurhythmics», «Cars», «Talking Heads», «Blondie». Все еще продолжалась эпоха диско, но это была не наша тусовка. MTV была маленькой программой на кабельном канале. Популярность MTV стало приобретать именно после премьеры «Жидкого неба».

В 1989 году меня с картиной пригласили участвовать в Московском Кинофестивале, в программе «Секс в американском кино». В первый день моего пребывания в Москве предложили показать фильм в каком-то киноклубе. Я спросил: «А кто зрители?» Мне ответили: «Члены киноклуба. Интеллигентные ребята».

Я согласился. Приехал в клуб перед самым концом сеанса, чтобы отвечать на вопросы зрителей. Нас встретил директор клуба. Клуба милиции: оказалось, что в зале – милиционеры и сотрудники КГБ. Мне стало не по себе. Между тем, фильм кончился. В зале – бурные аплодисменты. Выхожу на сцену. Из зала поднимается молодой человек, говорит: «Я читал, что вы не ожидали, что фильм будет показан в Москве. А я удивляюсь, как вы его могли снять в Америке. Это же все про нас!»

– Что было после успеха «Жидкого неба»?

– Я все время что-то снимал: клипы, рекламу, заказные фильмы. У меня было много предложений из Голливуда – как правило, предлагали, чтобы я снял что-нибудь о ночной жизни, наркотиках, сексе, но без шока, эдакий приглашенный, прилизанный вариант «Жидкого неба».

Я этого делать не хотел. Вице-президент Уорнер Бразерс звонил мне регулярно каждые две недели, уговаривая снять мюзикл про панков, о нежной любви со счастливым концом.

И я каждый раз объяснял ему, что такой фильм делать нельзя – он провалится. Но мои собственные замыслы финансировать мне не удавалось.

– Твой последний фильм, выпущенный в этом году, называется «Перестройка». Почему ты снял его сейчас, и почему на эту тему, которая, в принципе, никого не волнует сейчас. Ты опять обгоняешь время? Или наоборот, решил покопаться в прошлом?

– Это фильм не о российской перестройке. Сценарий, в основном, был написан до перестройки. Лента рассказывает о перестройке в душе героя и необходимости перестроить весь мир. Российская перестройка только служит символическим фоном для притчи. Как Америка в фильмах Ларса фон Триера и в пьесах

«Сюжету «Жидкого неба» фантастический, а герои и их взаимоотношения – реальные. Такое совмещение предельной фантастики и театральности с предельной документальностью было частью моего замысла. Все элементы, которые я пародировал или деконструировал в этом фильме, я брал из окружающей жизни.

Брехта – не реальная, а метафорическая страна, так и Россия в моем фильме – страна метафорическая.

– Где ждать новое «Жидкое небо» и новый культ? В Интернете, на блогах? В компьютерных играх и виртуальной реальности?

– Пророчеств делать не берусь, но думаю, что, несмотря на быстрое развитие новых технических средств, у кино есть шансы удержать свои позиции. Не убило же кино телевидение, хотя многие это предсказывали. У кино есть множество возможностей прибрать новые открытия к рукам, включить их в арсенал собственных средств выражения. У меня есть идеи для таких фильмов. Думаю, есть и у других.

– Ты считаешь себя автором одного фильма?

– Я снял много фильмов. Всемирно знаменит – только один.

Случилось это, на мой взгляд, только по одной причине: «Жидкое небо» – это единственный случай в моей жизни, когда я снимал то, что я хотел, и как я хотел, безо всяких ограничений. Как я был уверен, что «Жидкое небо» станет культовым фильмом, так и сегодня у меня есть замыслы столь же амбициозные, в которых я так же уверен.

– Почему в твоих американских фильмах так много выходцев из России? Операторы, актеры. Расскажи о них.

– Я – сам из России и, естественно, как всякий режиссер, тяготею к тому, чтобы работать постоянно с теми же людьми. К сожалению, это не всегда удается. Актеров я выбираю соответствующих ролям, так что, в «Жидком небе» русских актеров нет.

Нина Керова – мой постоянный продюсер, не потому, что она из России или она – моя супруга, а потому что мы с ней всегда вместе работали. «Жидкое небо» снимал оператор Юрий Нейман. Его я знал задолго до эмиграции, с той поры, когда он еще был пятнадцатилетним кинолюбителем, и с тех пор хотел с ним работать. Мне повезло, что он решил эмигрировать в Америку, и мы снова с ним встретились. В последних моих фильмах звук записывала Наталья Рагинская, которая работала со всеми моими российскими фильмами до эмиграции, так что, моя верность ей абсолютно понятна. Так же обстоит дело и с другими членами съемочной группы.

Выбираю я их не по национальному признаку, а исходя из целесообразности. Так, в «Перестройке» монтажер – американец, хотя фильм снимался в России.

– Заглавная тема «Жидкого неба» – получение наслаждения путем

убийства людей, получающих наслаждение от секса. И это главный наркотик для инопланетян. Так? А если пересказать сюжет «Перестройки» в двух предложениях? Это поиск на этот раз чего-то большего, чем кайф? Это поиск любви, но не пришельцами, а людьми? Ты спустился на «Твердую землю»?

– Если говорить о поисках героя картины – это поиск смысла в нашем парадоксальном мире. Основная тема обоих фильмов, да и всех моих фильмов, одна и та же:

Этот мир устроен неправильно!

Ау, люди, не пора ли задуматься об этом?

– Скажи, не было когда-нибудь чувства неудовлетворенности или неполноценности, из-за того, что ты не воплощаешь желания масс и не делаешь

продукт массовой культуры, а все-таки являешься культовым и андеграундным артистом?

– «Жидкое небо» побило все рекорды сборов в США, Германии и Японии и, по-моему, эти рекорды все еще никем не перекрыты. В некоторых городах США фильм держался на экране больше четырех лет! Недавно, в связи с выходом моего нового фильма, критик Дан Персон вспомнил в своей рецензии, что «не было в Америке ни одного интересующегося кино человека, который не считал бы своим долгом посмотреть «Жидкое небо». Пару лет назад на Google насчитывалось пять с половиной миллионов упоминаний «Жидкого неба»! Только несколько фильмов Спилберга и Тарантино насчитывали более значительное количество упоминаний.

Я думаю, это вполне массовый успех. Какой уж тут комплекс неполноценности!

«Еще до «Жидкого неба» был запущен в производство другой, еще более «безумный» сценарий. Там должен был сниматься Энди Уорхол. Но денег на съемки собрать не удалось. На будущий облик мира мы смогли повлиять с помощью «Неба»: помню, после его выхода мы с художником Мариной Левиковой удовлетворенно рассматривали в витринах «Блумингдейла» платья, похожие на наряды нашей героини».

Россия, наконец-то, начала поставлять остальному миру дорогих легионеров. Мир дивится и проникается уважением, земляки – негодованием. Питерские коммунисты, к примеру, убеждены, что покинувший «Зенит» Аршавин – предатель, прервавший духовную связь с Родиной. «Останься я играть за Омск, я не стал бы тем Овечкиным, которым стал в НХЛ. Болельщики, которые мечтают, чтобы все лучшие хоккеисты играли на Родине, просто многого не знают и не понимают», – объясняет нынешняя звезда мирового хоккея. Почему русские спортсмены предпочитают выступать под чужим флагом? И деньги ли – причина их «эмиграции»?

Овечкин, Малкин и Дацюк в июне на торжественной церемонии в Лас-Вегасе получили 7 из 17 индивидуальных призов НХЛ. Причем 5 из них – самые ценные и престижные! Малкин, к тому же, выиграл Кубок Стэнли и стал лучшим бомбардиром плей-офф. У меня нет ни малейших сомнений, что, останься хоккеисты в России, у них бы тоже все было замечательно, но все-таки...

В России не было бы мотивации! Того, без чего спортсмен становится шабашником, а то и вовсе спивается. Мотивация – это внимание общественности, полные трибуны, ажиотаж в каждой игре, борьба за престижные

За что сражаются на чужих полях русские легионеры?

НЕ ФАНТИК КАКОЙ-НИБУДЬ!

Текст
Дмитрий
Федоров

Фото
ИТАР-ТАСС

трофеи со славной историей. Наш Кубок Гагарина впервые разыгран этой весной, а Кубку Стэнли – больше ста лет! Родной клуб Малкина – магнитогорский «Металлург» – осенью прошлого года собирал в новом ледовом дворце меньше четырех тысяч зрителей. Примерно такая же аудитория посещает матчи «Динамо», за которое Овечкин отыграл четыре года. Екатеринбург, воспитавший Дацюка, только с этого сезона будет выступать в элите отечественного хоккея. А в НХЛ стадионы забиты под завязку, и около двадцати тысяч человек каждый раз приходит на игру российских звезд, которые в период прохладных отношений между Россией и США создают исключительно благоприятный образ русского человека.

Даже президент Барак Обама во время визита в Москву сказал: «Как житель Вашингтона я продолжаю получать пользу от вклада русских в нашу жизнь – особенно Александра Овечкина. Мы очень довольны, что он играет именно за «Вашингтон». А Саша вот что рассказал об этой знаковой истории: «Первой слова Обамы услышала тетя, она сказала об этом маме. Мы как раз поехали на дачу. Потом увидели само выступление. Было очень приятно. Обсуждали в семье».

Овечкин упомянул про семью не случайно. Объясняя успех наших в НХЛ, все говорят о достоинствах отечественной хоккейной школы, а я думаю, что важнее всего были внимание и забота родителей. Ведь Ковальчук, Овечкин и Малкин начали заниматься хоккеем в самые критические годы для страны, когда рушилось буквально все. После хет-трика в полуфинале с «Каролиной» Евгений давал интервью американскому телевидению, где объяснил свою результативность тем, что мама приготовила ему вкусную еду. А у Овечкина папа – всю жизнь в спорте, мама Татьяна – двукратная олимпийская чемпионка по баскетболу. Тут еще и гены сработали.

И, конечно, молодым русским звездам повезло. В 2004-2005 году лига бастовала и была закрыта, игры не проводились – хозяева клубов не могли договориться с профсоюзом по экономическим вопросам. А когда договорились, то выяснилось, что нужно вести бизнес в высшей степени рачительно. Пришлось сделать ставку на молодежь, а от авторитетных игроков в преклонном возрасте потихоньку избавляться. «Я вовремя уехал, – соглашается Овечкин. – Все очень удачно сложилось».

Когда предыдущее поколение отечественных хоккеистов в начале 90-х уезжало в НХЛ из нищей страны, деньги казались важнейшим критерием успеха. Достижения сугубо спортивные уходили на второй план, потому, добившись выгодного контракта, многие

переставали прогрессировать. Но сейчас молодые российские звезды отправились покорять Америку зажиточными людьми. Отсюда независимость, и чувство собственного достоинства – в России они получали бы намного меньше. Поэтому Овечкин спокойно описывает подписание рекордного для НХЛ контракта на 124 миллиона долларов за 13 лет: «Мне ничего не нужно было выбирать для себя. Руководство клуба само предложило сумму контракта. Осталось только подписать».

Они отправились в НХЛ не столько за деньгами, сколько за большими победами! Тот же Малкин, будучи игроком экстра-класса, в России так и не стал чемпионом страны с «Магниткой», молодежная сборная с ним дважды уступала в финале канадцам, на Олимпиаде национальная команда осталась за чертой призеров. И вот в 23 года он разорвал эту лузерскую цепочку, завоевав Кубок Стэнли с «Питтсбургом».

Раньше нашим игрокам представлялось, что к ним в Америке относятся заведомо плохо. Жаловались на тренеров и партнеров в наших СМИ. Сейчас ничего подобного не услышишь. Характерно недавнее высказывание Малкина: «О том, что нет ни ревности, ни предвзятости, можно судить как раз по семи призам, которые мы, россияне, завоевали. Все было по-честному». Овечкин дополняет: «Я никогда в Америке не сталкивался с недоброжелательным отношением. Наверное, это потому, что там знали, что приехал игрок высокого уровня. И я всегда старался делом доказать, что в меня не напрасно верили».

Русские – люди упорные и трудолюбивые, делом докажут. Теперь наши парни в оптимальных условиях повышенной конкуренции готовятся к тому, чтобы возвеличить Россию на Олимпиаде в Ванкувере. ☐

Российские звезды «Washington Capitals»

Виктор Козлов, Александр Семин, Сергей Федоров и Александр Овечкин

Павел Дацюк в одной из потасовок финальной серии кубка Стэнли «Детройт – Питтсбург» (2008).

TU-144 versus

ПОБЕДИЛ РАСЧЕТ

XX век вошел в историю цивилизации как эпоха покорения воздушного пространства. Работы по созданию первых сверхзвуковых пассажирских самолетов (СПС) шли в Европе с конца 50-х годов. Но благодаря КБ Туполева такой самолет появился именно в Советском Союзе, на базе бомбардировщика Ту-135.

Первый полет Ту-144 состоялся 31 декабря 1968 года – на два месяца раньше, чем взлетел первый «Конкорд»*. В условиях жесткого соперничества двух систем речь шла не только о престиже страны, но и о преимуществах ее социально-экономической политики. Работа над Ту-144 дала толчок развитию отечественной науки, высоким технологиям и производству.

Наш самолет сочетал огромное количество передовых разработок и конструкторских решений. Например, убирающееся на время полета переднее горизонтальное оперение (ПГО), которое позволяло существенно увеличить маневренность и уменьшить скорость при посадке. Ту-144 мог садиться и взлетать в 18 аэропортах СССР, в то время как «Конкорд», чья взлетно-посадочная скорость была на 15 % выше, для каждого аэропорта требовался отдельный сертификат на посадку.

Несмотря на то, что производство и эксплуатация сверхзвуковых самолетов были очень дороги, неэкономичны (они потребляли большое количество топлива) и ненадежны (по словам летчиков, практически в

каждом полете возникали внештатные ситуации), Европа и СССР продолжали бороться за лидерство в «сверхзвуковой» гонке. Сложные механизмы подвергались постоянному обновлению и совершенствованию. В результате, Ту-144 был быстрее, чем «Конкорд», обладал большей взлетной массой и мог перевозить большее количество пассажиров.

В 1975-1978 гг. самолет летал по маршруту Москва – Алма-Ата. Сначала перевозил почту и посылки, а потом начались и пассажирские рейсы. Билет стоил 68 рублей – на треть дороже, чем билет на обычный дозвуковой самолет Москва – Алма-Ата.

Однако коммерческая карьера Ту-144 была недолгой. Аварией завершился демонстрационный полет на авиасалоне 1975 года в Ле Бурже. В 1978 году произошло второе громкое крушение. После возгорания топлива улучшенный опытный вариант самолета, Ту-144Д, совершил вынужденную посадку. Часть экипажа спаслась, а вот два бортинженера погибли.

1 июня 1978 года «Аэрофлот» навсегда прекратил сверхзвуковые пассажирские рейсы. Впоследствии

Ту-144Д использовался только для грузовых перевозок между Москвой и Хабаровском. Позже эти самолеты совершали только испытательные полеты, но оставались лидерами скорости: в 1983 году летчик С. Агапов установил на Ту-144 целый ряд мировых рекордов – с грузом 30 тонн он показал среднюю скорость более 2000 км/ч, достигнув высоты 18 200 м. Впоследствии Ту-144Д (№ 77114) под названием Ту-144ЛЛ («Летающая лаборатория») использовался американским космическим агентством НАСА для исследований в области высокоскоростных коммерческих полетов с целью разработать план для создания нового, современного сверхзвукового пассажирского самолета.

Забраковали и «Конкорд»
Соперник Ту-144 – «Конкорд» – на четверть века стал эталоном роскоши и богатства во всем мире. В то время, когда у нас в стране к сверхзвуковому самолету потеряли интерес, западного его «брата» развивали и совершенствовали.

«Конкорды» летали по маршрутам Лондон – Нью-Йорк, Лондон – Барбадос; Париж – Нью-Йорк. Билеты на «Конкорды» стоили дороже, чем на другие типы авиалайнеров. Поэтому

* самолет англо-французской авиакомпании British Airways и Air France. Разработчики – компании Sud Aviation и SNECMA (Франция), BAC и Rolls-Royce (Англия).

«КОНКОРД»

Текст
Евгения
Червонюк

авиакомпания старались обеспечить пассажирам сверхзвуковых самолетов максимальный уровень комфорта. Лайнером летали королева Великобритании Елизавета Вторая, королева-мать Елизавета, музыканты Пол Маккартни и Мик Джаггер, актеры, спортсмены, политики. Помимо рейсовых полетов, «Конкорды» выполняли большое количество чартерных. Именно они давали прибыль от сверхзвуковых полетов, тогда как рейсовые были скорее данью престижу, и в

финансовом смысле приносили только убытки.

В 2000 году «Конкорд» авиакомпании Air France упал на ресторан небольшого парижского отеля, всего погибло 113 человек. Признав ненадежность и затратность сверхзвуковых самолетов, Запад, вслед за СССР, решил от них отказаться.

Эпоха сверхзвуковой авиации закончилась в 16:05 по лондонскому времени 24 октября 2003 года в

аэропорту Хитроу, куда на последний полет легендарного самолета собрались посмотреть несколько тысяч человек. В аэропорту приземлились друг за другом сразу три «Конкорда», вернувшиеся из прощальных полетов.

В последние годы появляется немало проектов сверхзвуковых самолетов бизнес-класса. Особенно громко звучат разговоры о новом британском лайнере под названием А2, который сможет преодолеть расстояние от Европы до Австралии менее чем за 5 часов с тремя сотнями пассажиров на борту. Но дальше разговоров дело пока не идет — рекорды «Конкорда» и превосходящего его по техническим характеристикам Ту-144 еще не побиты... с

>> Скоро:

Посмотреть на уникальный самолет и даже побывать в кабине пилота можно будет с 18 по 23 августа на IX Международном авиационно-космическом салоне МАКС-2009 в городе Жуковский, где Ту-144 откроет экспозицию статической стоянки.

	Ту-144	Конкорд
Первый полет, г.	1968	1969
Начало серийного производства, г.	1969	1971
Число, тип и марка двигателей	4 ТРДДФ НК-144 4*	ТРДФ Rolls-Royce / SNECMA «Olimpus» 593
Тяга двигателя, кН	199	140
Длина самолета, м	65,7	56,24 (58,83)
Высота самолета, м	12,5	12,19 (11,58)
Размах крыла, м	28	25,57
Площадь крыла, м	507	358,6
Колея шасси, м	6	7,72
Взлетная масса, т	207	187,7
Масса пустого самолета, т	98	78,7
Скороподъемность, м/с	25,41	
Максимальная скорость полета, км/ч	2500	2330
Крейсерская скорость полета, км/ч	2200	2150
Число пассажиров, чел.	150	128
Экипаж, чел.	4	3

ПАРИЖСКИЙ РОМАНС

Текст
Владимир
Арсентьев

Эдуарда Хиля

Эдуард Хиль был воплощением оптимизма на советской эстраде. «Не плачь, девчонка, пройдут дожди! – пел он всей многомиллионной стране. – Любовь на свете сильнее разлук!». Но его собственная судьба сложилась далеко не так лучезарно. В начале 90-х народный артист России остался без работы, денег, перспектив и три года подрабатывал исполнением романсов в парижских кафе. Для номера, посвященного достижениям русских за рубежом, певец рассказал «Смене» о том, как он был «иностратцем».

Терпеливее китайцев

– Меня воспитывали с верой в Бога: в детстве прабабка часто водила в Смоленский храм, да и дома у нас хранилось множество уникальнейших икон. Время тогда было страшное – большевики вламывались в дома без спроса, сжигали иконы, но до нас, к счастью, не дошли. Знаете, почему мы сейчас так живем? Потому что сожгли и уничтожили самое святое. . .

. . . Мне кажется, что над нами до сих пор ставят эксперименты. Я проехал полмира и понял: мы действительно самые терпеливые, терпеливее даже японцев и китайцев. Вот французы – не такие. Когда в Париже цена на билеты общественного транспорта поднялась всего на пять сантимов – весь город вышел на улицы. И правительство вынуждено было вернуться к прежним ценам. А у нас что? Если завтра начнут вешать, народ только спросит: «Приходить со своей веревкой?». Мы все – своего рода самоеды. . .

Справка:

Эдуард Хиль родился в 1934 г. Советский и российский эстрадный певец, заслуженный артист РСФСР, народный артист РСФСР. Это он исполнил песни «С чего начинается Родина», «Адресованная другу, ходит песенка по кругу», «Как провожают пароходы», «Голубые города», «Как хорошо быть генералом», «Не плачь, девчонка!», «У леса на опушке жила зима в избушке», «Березовый сок», «Солнечная баллада», «А люди уходят в море». До сих пор выступает на сцене, вместе с сыном участвует в совместном проекте с рок-группой «Препинаки».

Грузовик белых роз

– В конце 80-х наступили тяжелые времена: появились фонограммщики, для артистов моего возраста вообще не стало никакой работы. И для меня тоже. Из-за полного безденежья я начал колесить по провинциям, давал несметное количество концертов. А в начале 90-х вообще пришла безработица. И тогда я решил податься в Париж – на заработки. Нет, не эмигрировал, а ездил во Францию два-три раза в год.

В Париже знакомый артист из Малого оперного привел меня в кабаре «Распутин», хозяйкой которого была Мартини Елена Афанасьевна, родом из Белостока, – говорят, она уже умерла. Она спросила: «Вы можете спеть «Вечерний звон»?» Я спел. Пришел петь и на следующий день. Ей так понравилось, что она попросила задержаться в Париже хотя бы еще на две недели: «Приезжает мой лучший друг Евгений Евтушенко. Хочу, чтобы вы спели и для него».

Репертуар мой состоял, в основном, из русских романсов. В «Распутин» заглядывали многие артисты, поэты. Бывали и Никита Михалков, и Юрий Любимов, и Олег Янковский. Михалков считался душой общества и любил петь «Не велят Маше за реченьку».

Но самыми богатыми посетителями кабаре были арабы из Эмиратов. Один из них играл свадьбу дочери — так на грузовике привезли 5 тысяч белых роз! А как-то перед концертом я спросил у коллеги-артиста: «Почему сегодня у нас столько охраны? Кажется, этот месье за столиком очень похож на Миттерана». «А это и есть Миттеран! Романсы послушать пришел». Однажды в

кабаре побывала и Мирей Матье, попросила меня спеть «Подмосковные вечера». . .

Как правило, «Распутин» посещали богатые американцы, арабы, французы, новые русские. Они приходили не поесть, а послушать музыку. Там же я познакомился и с дворянами первого поколения нашей эмиграции – настоящие аристократы. . .

«Не страшно?» – «Я – русский!»

– Меня потом часто спрашивали: почему я не остался во Франции? А я ездил не затем, чтобы остаться, а чтобы выжить, прокормить семью. Хотя, конечно, было очень трудно. Деньги, которые я получал, работая в кабаре, – это, знаете. . . не те деньги. Артистам в «Распутине» платили мало, нормально не проживешь. Я снимал квартиру у знакомых эмигрантов за полцены, и вообще, экономил на всем: почти час ходил пешком от дома до работы, в кафе не обедал — это же целых 50 франков. Мясо стоило слишком дорого, и первое время я покупал только картошку и крылышки. В итоге, каждый день приходилось включать в голове компьютер: «Так. . . полкило картошки, хлеб, фрукты и рыба. . .». И все! Только на Пасху и Рождество можно было подзаработать чуть больше, потому что богатые люди приглашали петь к себе домой.

Как-то мой друг поэт посоветовал: походи по городу пешком – увидишь настоящий Париж. Я и увидел – оказалось, Париж очень маленький, в 5 раз меньше Москвы. Полицейские ни разу не попросили меня предъявить паспорт. Правда, иногда останавливали и спрашивали: «Вы кто?» — «Шансонье». — «Где?» — «Кабаре «Распутин». — «О!» Это для них фирма, как Гранд-опера. Однажды ночью пришлось проходить по негритянскому кварталу, и полицейский спросил меня: «Не страшно?» «Я – русский», – улыбнулся я в ответ. «А! Тогда понятно».

«В гробу карманов нет. . .»

Так я вел жизнь бедного шансонье, но никогда не стремился заработать как можно больше. Всех денег не заработаешь. В гробу карманов нет. Мой администратор еще в России говорил: у тебя мудрая жена, она не дает тебе выступать слишком много, бережет твою нервную систему и голос. А если серьезно, я очень благодарен Парижу – он помог мне пережить нелегкие времена.

Как-то раз мадам Мартини пригласила меня для беседы и призналась, что была смущена назначенной мне ставкой, когда кое-что узнала обо мне от своих друзей – Любимова и Евтушенко. Даже слегка пожурила: что ж вы не предупредили, что так популярны в России? И предложила другой гонорар. Но я уже уезжал из Парижа. . .

Вперед, в прошлое!

Текст
Тимур
Аникин

Иллюстрация
Анастасия
Григорьева

46 / **СМЕНА** / Август 2009

Недавно я спасал от гибели Виктора Цоя. Синенький Москвич метался по экрану, уворачиваясь от хищных Икарусов. Автобусы сталкивались и аннигилировали, светились набранные очки, короче, было весело – хотя Цой все же погиб.

Подозреваю, что, появившись эта компьютерная игра вскоре после погубившей музыканта аварии, ее автору подожгли бы дверь квартиры, разбили окна, взорвали машину – и все это только в порядке разминки.

Как же сильно все с тех пор изменилось! Двадцати лет не прошло, а эпоха последних музыкальных кумиров уже закончилась. И дело не в том, что теперь каждый подросток может глумиться в Интернете над мертвыми идолами (наберите в браузере ismichaeljacksonstillalive.com, например). Гораздо грустнее то, что еще живые ex-superstar превратились в комедийных персонажей, а новых мегазвезд такого масштаба больше не будет.

Ну правда – U2 превратились в общество охраны лесов, Мадонна... вы слышали ее последний альбом? Я, к сожалению, слышал: старость – не радость, будь ты хоть водородная секс-бомба.

Межпланетный рекорд по количеству проданных копий до сих пор удерживает...

альбом 1982 года «Thriller» – так что, Майкл Джексон ушел непобежденным. И мы не дождемся ни нового рекорда (продажи дисков? ахаха!), ни нового короля поп-музыки.

Наступила демократия: с первых трэков музыканты рядом с нами – в твиттерах, майспэйсах и ютубах, они черпают силы в наших похвалах, обсуждают новые замыслы и спрашивают, где их сильнее ждут. И будут спрашивать все настойчивее: технологическая революция провернула забавный фокус и уравнила западных музыкантов с российскими. Теперь на прямых продажах альбомов Бритни Спирс заработает чуть больше, чем Татьяна Зыкина, значит, ей придется чаще гастролировать. Избегать «чеса» смогут только настоящие «священные коровы» фанатов – например, Radiohead. Русским же исполнителям, у которых всю дисковую выручку всегда воровали пираты, весь этот крах мировой записывающей индустрии – как горящий город с высоты: запасай попкорн и смотри.

«Цифровое будущее» наступило для публики, а бывшие кумиры (и примкнувшие претенденты) оказались в прошлом. В эпоху, где как бродячая труппа поработает – так она и поест. Этакое Средневековье.

Только без королей. ☐

Краткое руководство по поиску в социальных сетях

Текст
Тимур
АникинИллюстрация
Анастасия
Григорьева

ПОЛНЫЙ СОЦПАКЕТ

Весь мир с упорством, достойным лучшего применения, ищет что-то в Интернете. Людей, информацию, красивые фотки. Мы, журналисты, занимаемся этим даже чаще, чем хотелось бы. И знаем о том, что в новом веке удобнее искать не в Google, а сразу в социальных сетях.

Электронные диаспоры

Редакционное задание застало врасплох: мыслить в категориях «наши – не наши» я уже слегка разучился. Соотечественники составляют большинство моего френд-листа лишь в одной из привычных «социалок» – в ЖЖ. А контакты Facebook и Flickr – иностранцы буквально через одного. Какое уж тут границы... Однако для самих социалок (по крайней мере, классических) национальность пользователей – важный параметр организации.

Facebook.com

С «фейсбука» в свое время был слезан чуть менее чем полностью небезызвестный сайт «ВКонтакте», но масштабы оригинала и клона, сами понимаете, несопоставимы. На Facebook есть пользователи из всех стран мира (разве что в северокорейских группах сплошные несеворкорейцы). Общение здесь неформальное, так что, задумывая турпоездку, вы можете найти немало советчиков, а потом и познакомиться с ними вживую. Много и «российских», и «зарубежных» русских, а образование сообществ происходит по любому поводу – в центре внимания, помимо национальности, может быть музыкальная группа, музей в маленьком городке или покемоны. Еще на Facebook нет спама и криворукой «монетизации», от которых упорно мучаются юзеры лапотных русских «жадноклассников».

Flickr.com

Изначально Flickr был просто фотохостингом, но разросся до десятков миллионов пользователей (не потеряв ни грамма того, что называют usability) и теперь гордо носит прозвище «Глаза Земли». Действительно, если вы разыскиваете фото далекого утеса, редкой кошачьей породы или, например, часов со стрелками «на семь утра» – начните поиск здесь. Чтобы не оказаться под завалами, ищите сначала тематические группы – например, в 256 группах по запросу smena разобраться проще, чем в одной куче из 34599 фотографий. Общения в группах здесь меньше, чем на Facebook, но работает удобная внутренняя «фликропочта», подключенная к внешней пользовательской. Пишите, спрашивайте – и вам ответят. Энтузиасты написали для Flickr бездонную пропасть интересного околофотографического софта (один из каталогов – www.tinyurl.com/qchk9), но начните с простого – магического калейдоскопа самых захватывающих фоток в разделе Explore/Last 7 Days Interesting.

Linkedin.com

А вот здесь вам запросто могут не отвечать на сообщения – эта сеть не для разговоров, а для демонстрации резюме (с похожей идеи начинался русский «Мой круг»). Если вам нужно найти хорошего зарубежного специалиста, с высокой вероятностью он найдется среди 30 миллионов пользователей LinkedIn (150 отраслей, лидирует IT). Единственное, чем слегка раздражает эта соцсеть – настойчивые намеки в духе «здесь вам не Facebook, для просмотра полных профилей купите платный аккаунт». Но для продвижения своего бизнес-таланта на зарубежном рынке LinkedIn – единственно верный выбор.

Визуальные склады

Vi.sualize.us

Этот популярный способ складирования увиденных в Интернете картинок мне приглянулся с первого взгляда – так до сих пор и пользуюсь. Один плагин к браузеру – и любая фотка добавляется в коллекцию буквально движением мыши. Кроме фотографий, в большом почете здесь интересные иллюстрации и типографика, есть удобная система тэгов и просмотр чужих коллекций. Частично контент сайта пересекается с ffffound.com, о котором мы писали раньше, но есть, как минимум, одно преимущество – можно регистрироваться без дополнительного приглашения.

Tumblr.com

Tumblr породил известное в узких кругах словечко «тлог». Отличие тлога от блога: нет больших текстов (предпочтительны короткие отрывки и цитаты), акцент на нетекстовых формах – фото, графике, видео. Представьте, что ЖЖ состоит из людей со вкусом, которые не мелят ерунду, а беспрестанно выкладывают в свои блоги красивые картинки. Это и будет Tumblr. Следить за некоторыми тлоггерами – истинное удовольствие. А эротические тлоги и порнотлоги – тема для отдельного большого исследования, которое, я надеюсь, мы еще проведем на двадцати обильно иллюстрированных страницах.

Концентраты WWW

Del.icio.us

Отмеченный русской поговоркой золотник, который мал да дорог – это (лично для меня) сервис del.icio.us. При этом в роли федоры-дуры выступает Google, с его накруткой рейтингов сайтов, рекламой и тоннами всякого шлака на первых страницах. Подобно тому, как vi.sualize.us – лучшие картинки, отобранные пользователями, del.icio.us – лучшие сайты, отмеченные пользователями. Все прозрачно: если веб-сервис отметило 12 тысяч человек, значит он – классный. Если отдельную статью отметило 500 – стоит почитать. Здесь – эссенция, концентрат самого интересного и полезного в сети, пять, максимум десять процентов от ее содержания. Форма – ортодоксальный веб 2.0., можно искать по тэгам, смотреть чужие подборки ссылок, вести свою (закладки можно и скрывать от посторонних). Когда нет времени перебирать сто страниц поисковика – проверьте лучше чужое «избранное».

Stumbleupon.com

Еще один шаг вперед (я бы даже сказал, вперед-вбок) в технологии поиска – Stumbleupon – предлагает довериться случаю. А именно – тем самым безымянным пользователям, которые нажимают кнопку «like» на специально установленном браузерном тулбаре (для firefox –

tinyurl.com/yuc799). Вы на этом же тулбаре нажимаете STUMBLE и получаете случайно выбранный сайт из отмеченных неизвестно кем. Я сейчас нажал и получил фото котенка в трехлитровой банке на сайте www.thingsthatmakeyougoaahh.com. Нажал «like» и добавил сайт в свою коллекцию на Stumbleupon (изучу попозже). Случайный стамблинг, как ни странно, – самый эффективный из известных мне способов быстро найти что-то интересное/неожиданное в огромном неисследованном секторе нерусскоязычного Интернета. То, что никогда не окажется на первых строчках поисковиков. Зона поиска настраивается как по типам контента (фото, видео, статьи в Википедии, etc), так и по тематике (поэзия, история, коммерция, etc).

Новые медиа

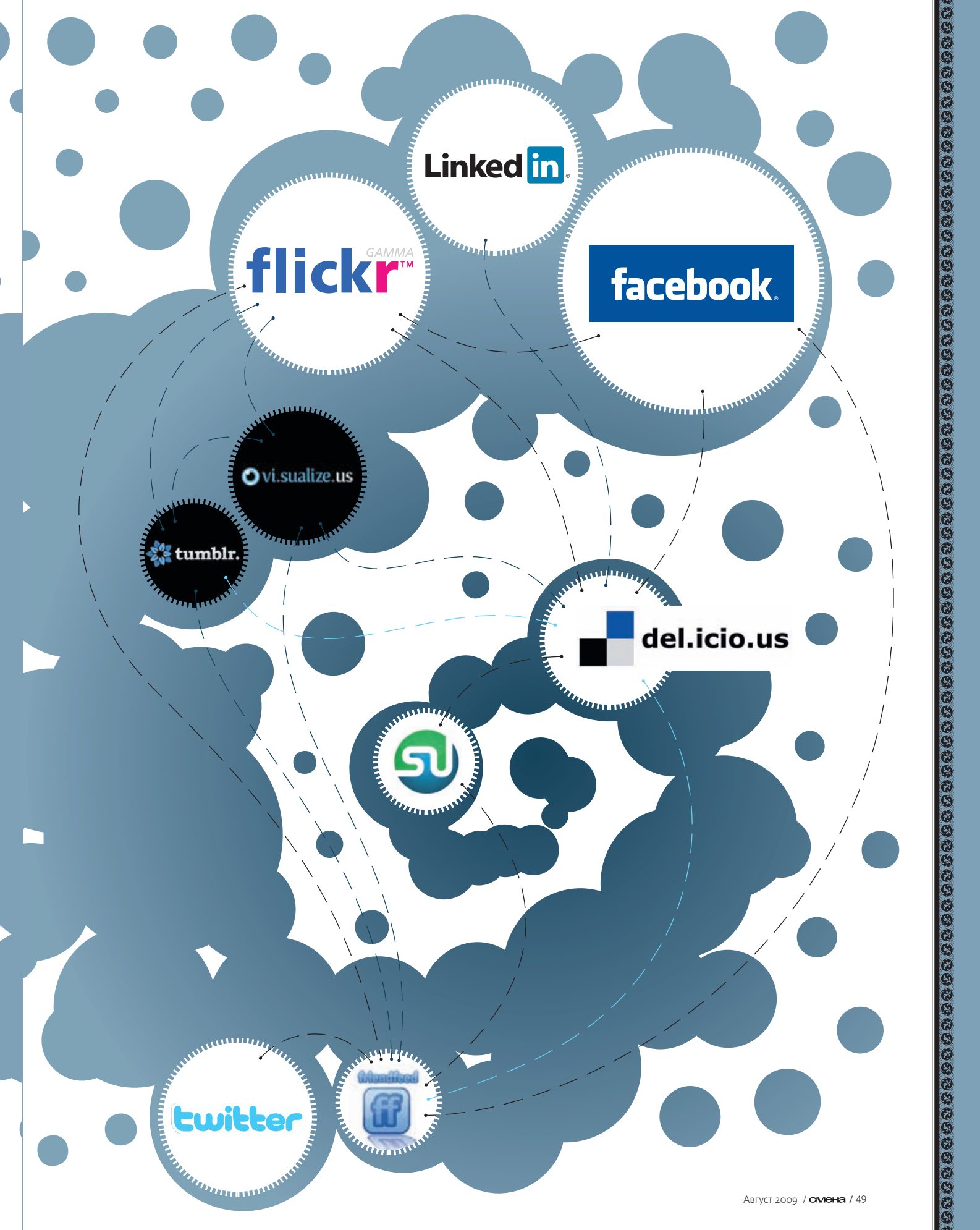
Twitter.com

«Я придумал бесполезную фигню для бездельников, которым нечем заняться, для замороченных на себе эгоистов, а эти жалкие людишки испортили нечто совершенное, нечто совершенно простое и полезное», – огорчился создатель Твиттера, узнав, что у иранских революционеров его детище стало основным каналом передачи новостей в большой мир (а мир жадно принял к твиттер-уху).

Чувствуя себя крайне жалким бездельником (я же пишу про Тви в каждый номер!), не могу не поделиться новостью: к этому сервису микроблогов прикрутили поиск. Чтобы понять, насколько это революционно, представьте, что изобрели поиск по чужим СМС в мобильниках... и чуть-чуть уменьшите свое удивление. А еще твит-сообщения собираются в группы хэштэгами #. Пишете в тексте #iranelection и ваш твит попадает в общий канал #iranelection, секунда в секунду транслирующий, что в мире говорят о выборах в Иране. Не хотите про выборы – ну, #harrypotter или #michaeljackson, а еще сейчас узнал оттуда, что в Юпитер комета врезалась.

Friendfeed.com

Новейший сервис, которому не исполнилось и двух лет – и этапный для всего Интернета. Гениально-просто: отслеживать пользовательскую активность на разных сайтах в одном месте. Я пишу в блог «Смены», грузю фото на Flickr, пополняю аккаунты остальных сайтов из нашего обзора – а Friendfeed миксует все это в одну ленту, своеобразную «личную газету real-time», которую другие комментируют и оценивают через те же «likes». Сервисом пользуются, в основном, гики, так что концентрация интересностей зашкаливает – ловите момент, пока и сюда не добрались монетизаторы. ☞

Пытаясь найти самых известных миру русских компьютерщиков-эмигрантов, я уперся в парадокс. Советское техническое образование обеспечивало стране по-настоящему классных спецов. Но весь уклад жизни в СССР исключал появление интересных конкурентноспособных «околокомпьютерных» проектов – они устаревали еще до одобрения «сверху». Вот три всемирно популярных проекта, которые могли бы быть «нашими», имей советские чиновники поменьше идеологических тараканов в голове.

ВИРТУАЛЬНО «СВОИ»

Текст
Тимур
Аникин

Самые известные в мире «компьютерщики», рожденные в СССР

PayPal™

«Я мог бы запустить любой бизнес, неважно, в какой области. Главное – это ощущение гонки за победой, когда звучит «на старт-внимание-марш!», и все остальное становится неважным». **МАКС ЛЕВЧИН**

Макс Левчин / PayPal

– «Живых денег на руках у меня не было. Были документы на получение денег в течение двух лет и 7500 долларов. После аренды квартиры на руках осталось две тысячи долларов».

Так невесело обстояли дела у бывшего киевлянина (эмигрировал в 1991 году, в 16 лет) Макса Левчина после продажи его очередного, уже пятого стартапа. А шестым стал PayPal, интернет-аналог Western Union, быстро ставший главной электронной платежной системой в мире. Выпускник советской математической спецшколы Левчин отдал вопросы менеджмента соинвесторам, а сам «инженерил» проект, пытаясь создать абсолютно защищенную от мошенников

систему. О том, насколько это удалось, есть разные мнения: паранояльность защиты PayPal обругана десятками тысяч человек в Сети. Заморозка аккаунта (вместе со всеми деньгами на нем) по малейшему подозрению – обычное дело. Отдельной строкой отметим то, что система до последнего не желала работать с Россией и бывшими советскими республиками – очевидно, Левчин решил, что так будет меньше проблем. Но несмотря на все претензии (в том числе справедливые), успех PayPal неоспорим. Пять лет назад аукционная система eBay купила его за полтора миллиарда, из которых chief technical officer Макс Левчин получил \$34 миллиона, поскольку его доля в компании составляла лишь 2,3%. И тут, по его словам, настали худшие дни в его жизни – он маялся бездельем в новом шикарном доме, «чувствуя себя ненужным и тупеющим». Спасением стали новые проекты, на которые теперь не нужно занимать денег – медиасервис для хранения фотоальбомов и видео Slide, социальная сеть Yelp!, продюсирование фильма «Здесь курят». Как говорит его жена, «когда Макс не спит и не ест, он всегда работает», а этим летом получил уже и докторскую степень в университете Суррея. Макс Левчину всего 34 года, и, думаю, мы о нем еще услышим.

«Правящий аппарат ощущал скрытую угрозу, содержащуюся в самой идее персонального компьютера. И надо отдать им должное – они не сильно ошибались» (о компьютерах в СССР). **СТЕПАН ПАЧИКОВ**

Степан Пачиков / Evernote

(ранее – «ПараГраф»)

Насыщенная биография Степана Пачикова с трудом уместится и в полноразмерную статью – чего стоит организация в 1967 году первой рок-группы новосибирского Академгородка (позже Степана выгнали из вуза за политическое хулиганство). А известным в компьютерном мире Пачиков стал как один из создателей софтверной фирмы «ПараГраф» (изначально – «Микроконтур», 1988), в которой работали многие знаковые персоны российского IT (например, Ольга Дергунова, ставшая руководителем Microsoft в России). «ПараГраф» делал программы распознавания рукописного текста, и делал настолько хорошо, что Apple

заказала русским софт для карманного компьютера Newton. .. за несколько дней до путча. «Вице-президент Apple и руководитель проекта Newton посидел, когда узнал про путч», – вспоминает Степан Пачиков. Он «перевез» команду «ПараГрафа» за океан, где тот превратился в Parallel Graphics. Когда проект Newton закрылся, в компании сделали ставку на создание трехмерных аватар и пространств (по технологиям VRML и 3D). И делали их настолько хорошо, что в какой-то момент заключили контракт с Disney. Чтобы выдерживать конкуренцию с лидерами американского софтверостроения – трехмеркой занимались, например, Microsoft и Silicon Graphics (SGI), – русским в Кремниевой долине требовались немалые деньги. В обмен на них они позволили SGI «поглотить себя» (а Пачиков стал вице-президентом SGI). Это была высшая точка в истории фирмы – и начало конца. Ошибки руководства SGI обанкротили компанию, а русский коллектив «растаял» в бесконечных реорганизациях и оптимизациях еще до банкротства.

Но «Parallel Graphics» до сих пор остается самым известным «русским» проектом в мировом IT. А Степан Пачиков руководит своим новым проектом – удобным (я сам им пользуюсь) сервисом хранения данных Evernote.com

«Совершенно очевидно, что каждый человек хочет добиться успеха, но я хочу, чтобы меня вспоминали как новатора, человека нравственного, заслуживавшего доверия и, в конечном счете, привнесшего в этот мир значительные перемены». **СЕРГЕЙ БРИН**

Сергей Брин / Google

Один из двух создателей корпорации-монстра, Сергей Брин – самый яркий пример таланта, который наша страна бездарно прощляпила. Его родители, потомственные математики, уехали в США, устав, по их словам, от «ощущения собственной ненужности» и (как позднее сказал сам Сергей) антисемитизма руководства вузов». В момент отъезда (1979) Сергеем было 6 лет, и позднее он признавался, что никогда не считал Россию своим домом. Далее – известно: Стэнфордский

университет (1993), знакомство с Ларри Пейджем и совместный учебный проект поисковой машины, зарождение Google в арендованном гараже (1997) и появление в списке миллиардеров Forbes (2004). Но миллиардерство – ерунда, а вот стиль «to do google» («заниматься бизнесом без устойчивого плана») – уже занесен в скрижали истории. Он необычен, этот 36 летний миллиардер из десятки самых влиятельных бизнесменов США. Установить себе годовую зарплату в один доллар. Оформить офисы Google в стиле детских комнат и самому ездить по ним на роликах. Мало тратить на себя, много – на благотворительность. Создать новый стиль собеседования при найме сотрудников и обязать их заниматься собственными проектами 20% рабочего времени. С ног на голову? Верно, но видеть мир вверх ногами – лучшая стратегия в мире, где у тебя когда-то Altavista и Yahoo! не купили интернет-поисковик из-за «бесперспективности поиска по Интернету». Сергей Брин с его вольным бизнес-стилем и постоянными шуточками чем-то неуловимо напоминает Евгения Чичваркина. С российскими госчиновниками он бы точно не ужился. ☐

ОХОТА НА СЛОВА

Текст Тимур Аникин
Иллюстрация Даша Авдеева

Пол Макфедрис – один из самых необычных лингвистов в мире. Пока обычные ученые буквально под лупой ищут, чего бы еще исследовать в привычных языках, он выходит в бушующее словесное море на лодке под названием Wordspy. И возвращается с трофеями – новыми, недавно родившимися словами.

Проект Wordspy начался в виде почтовой рассылки по знакомым 2 января 1996 года – со слова «логофилия» («любовь к словам»). А существующий до сих пор блог (хотя кто тогда знал слово «блог»?) появился уже на втором десятке слов. Полный архив блога доступен всем по адресу wordspy.com – можно убедиться, что слово «скринэйджер»* сначала отметил у Макфедриса и только через пять лет прогремело хитом группы Muse.

– Всегда интересовался словами, ведь они же – основа коммуникации и играют важную роль в жизни каждого, – говорит ученый. – Но меня до сих пор изумляет способность языка генерировать неологизмы.

Язык я вижу не как застывшую гору, которой можно любоваться издалека, нет, язык – это вулкан, который надо изучать вблизи. Вулкан постоянно выбрасывает новые слова и фразы. Часть из них – просто пепел, дым, который сразу уносит ветер, другие – лингвистическая лава, стекающая по склону: она застывает и становится частью языка.

Для попадания на Wordspy слову необходимы, как минимум, три употребления в разных письменных источниках. Разумеется, Макфедрис много читает, но для увеличения улова он пользуется LexisNexis – самой большой в мире базой журналов, газет, статей и выступлений. И когда где-то звучит «жаргон» или «модное словечко» – словарный шпион моментально оказывается рядом.

ЧИТАТЕЛИ ТОЖЕ ПОПОЛНЯЮТ WORDSPY. ЕСЛИ В ДЕБРЯХ ЗАРУБЕЖНОГО ИНТЕРНЕТА ВЫ НАЙДЕТЕ НОВОЕ СЛОВО – ОТПРАВЬТЕ ЕГО НА MAIL@WORDSPY.COM ИЛИ В [TWITTER \(@WORDSPY\)](https://twitter.com/WORDSPY).

Скринэйджер (screenager, от screen + teenager) – молодой человек, выросший в эпоху изобилия экранов (телевизионных, компьютерных, мобильных и т.д.)

Работдых (weisure, от work и leisure) – личное время, потраченное на работу или связанные с ней дела. Мы вступаем в эру weisure lifestyle, где работа совмещается с развлечением благодаря социальным сетям, соединяющим нас с «друзьями» и «коллегами».

Генополитика (genopolitics) – изучение того, как гены влияют на политические действия и отношения.

Умовещание (mindcasting) – серийное размещение в Интернете записей о своих мыслях, идеях, увиденном, прочитанном и т.д.

Сексылка (sexting, от sex и texting) – отправка сообщений (например, СМС) непристойного содержания

Банк-зомби (zombie bank) – банк, не выдающий займов, поскольку его задолженности превышают его активы; остается на плаву только благодаря поддержке государства.

Друмья (framily, от friends и family) – сообщество самых близких друзей, которые приравниваются к членам семьи.

Косметическая неврология (cosmetic neurology) – использование фармацевтических препаратов для более эффективной работы и без того здорового мозга.

Почему дорого

Механизм ручной сборки, корпус из розового золота, циферблат, усыпанный бриллиантами, и ремешок из кожи вымирающего вида крокодилов – то, что часы могут быть предметом роскоши, известно давно. Но то, что ржавые часы могут стоить 300 тысяч долларов, миру открыла швейцарская часовая компания Romain Jerome.

Moon Dust-DNA
The Truth about
Roswell

Titanic-DNA
by Cabestan

К каждому часу серии «Famous Legends» (название, объединяющее «Titanic DNA» и «Moon Dust-DNA»), прилагаются сертификаты, подтверждающие происхождение дорогостоящей ржавчины. Одним из обладателей такого сертификата (соответственно, и часов) стал бразильский футболист Роналдо. Россияне же швейцарские часы-«легенды» могут приобрести только за границей: отечественные торговые сети отдают предпочтение моделям, в которых ржавчину заменили золотом. Правда, и стоит такая «подмена» раз в десять дешевле – 891 500 рублей.

Напыление циферблатов

изображенной на фото модели – «Moon Dust-DNA» – сделано из лунной пыли, корпус – из ржавой обшивки космического корабля, а ремешок часов прошит нитками, использовавшимися на МКС.

Известность Romain Jerome

принесла ее первая серия часов – «Titanic DNA». Сплав, из которого сделан корпус часов этой серии, изготовлен из обшивки легендарного «Титаника». Ремешок «Titanic DNA» сделан из обивки диванов, на которых отдыхали пассажиры лайнера.

«Moon Dust-DNA» вышел тиражом в 1969 экземпляров, что соответствует году первого полета на Луну.

Джон Мостославский,

коллекционер и создатель музея «Музыка и время»: «В современном бизнесе все возможно: люди ищут пути реализации своего продукта в горах, морях и океанах. Когда-нибудь достанут затонувшую немецкую подводную лодку, сделают из нее часы, которые люди будут брать «на память». И все-таки, по-моему, это рекламный трюк». Сомнения коллекционера понятны: возможно ли доказать, что все материалы для изготовления этих часов взяты производителем именно там, где он заявляют?»

Афиша

«Одна шестая», – это та часть планеты, которую занимает СНГ. «Плюсом» – ближайшие страны-соседи. Организаторы проекта – Творческий союз художников России при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, Российской академии художеств и Московского музея современного искусства – намерены выяснить, есть ли современное искусство на этой территории, и что оно собой представляет. В фокусе внимания – художники, становление которых происходило в едином пространстве – с единой школой, академической традицией и системой образования, но разнообразием обычаев и мировоззрений. Организаторы надеются, что «Одна шестая плюс» создает платформу для художественного поиска нового контекста взаимодействия профессионалов в области изобразительного искусства критиков на широкой международной территории.

1/6+

Современное искусство стран Содружества и Балтии покажут в Москве

В рамках проекта уже прошла выставка видеоинсталляций «Ad Oculos» с участием авторов из Литвы, Латвии, Эстонии, Австрии и России. Они продемонстрировали очень «женский» взгляд на мир языком видеоарта. А 31 июля в Центре современного искусства МАРС открылась выставка скульптуры, живописи, графики, инсталляции, видеоарта «Трансфер».

В лингвистике термин «трансфер» используется для того, чтобы указать, как именно применяются правила родного языка, чтобы выразить мысль на чужом языке. Иногда это приводит к отклонениям от норм родного языка, а в других случаях – к упрощению «второго».

Родной язык десяти художников из Молдовы, Италии, Австрии, России имеет очень мало общего с работами, которые они делают.

Кураторы «Трансфера» хотят продемонстрировать, как адаптируется искусство к неким правилам в процессе переноса из одной культуры в другую. И как участники выставки стремятся к

Текст
Евгения
Сливовая

Амиго Ковторадзе. Ностальгия.

Марк Верлан.
Без названия

тому, чтобы найти общий язык, быть понятыми.

Для того, чтобы диалог стал наиболее плодотворным, в рамках выставки запланирован «круглый стол» с темой «Трансфер в современной культуре». Он пройдет 5 августа в 17:00 в залах экспозиции. Художники, кураторы выставки и ведущие художественные критики Москвы планируют обсудить: что значит «столичность» в области современного искусства и как это интерпретируют авторы из Кишинева, Москвы и Милана? Интересно ли сегодня противопоставление метрополии и провинции? Может ли современная Россия предложить новую идею культурного лидерства?

«Трансфер» передаст эстафету следующей выставке в рамках проекта, которая называется «Тест на национальный ген. Цитаты». Экспозиция представляет пространственно-временные образы в национальных школах документального кино и авторской фотографии. Ее участники – авторы из Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, России, Украины и др.

Что общего в восприятии литовца, русского и грузина? В чем их отличия? Данный проект исследует эту проблематику в связи с процессами самоидентификации существующих государств на постсоветском пространстве и тенденции к

территориальному делению по национальному признаку. На отдельных примерах запечатленных пространственно-временных образов в документальном авторском кино и в авторской фотографии кураторы надеются опознать различия или формальные особенности национальных школ.

Олег Арнаут, куратор этого проекта, считает, что в искусстве существует определенная территориальная и наднациональная разница, которая связана с особенностями климата, свойствами атмосферы и рельефа местности. Вслед за исповедующим географический детерминизм Львом Мечниковым куратор «Теста» уверен – именно это формирует приверженность автора к сближенной или контрастной палитре, которая формируется в детстве, не обремененном излишними художественными концепциями. «Этот «взгляд» остается у человека на всю жизнь, вне зависимости от того, где впоследствии он будет проживать. Существует и атмосфера межличностных отношений, есть еще та «культурная пыль», которая «оседает» в период становления и приобщения к какой-либо школе», – считает Олег Арнаут. Оспорить эту позицию или согласиться с ней могут посетители Центра современного искусства «МАРС» в период с 18 по 30 августа.

Виталий
Брусинский. Alex.

» Скоро:

В рамках проекта «Одна шестая плюс» запланирована также выставка Александра Пономарева «Обратные связи» («Винзавод», сентябрь – октябрь). Параллельно в стенах Галереи искусств Зураба Церетели пройдет экспозиция «Второй диалог» и проект «Личинки Будущего».

Энтони Гормли «Поле притяжения»

До 2 сентября
ЦЕНТР СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ «ГАРАЖ»

Есть в скульптурах Энтони Гормли что-то сверхъестественное. Вы это поймете чуть позже, когда увидите их. 287 человеческих фигур из стальной проволоки. Почти маленький город.

Сначала они кажутся серебристым туманом. Потом сознание прорисовывает образы роботов какого-то нового поколения из еще забытого фантастического фильма. И уже после, когда глаза привыкают к мерцанию стали, ты понимаешь, что это люди.

Кто-то сказал, что эта инсталляция Гормли может вызвать галлюцинации. Неудивительно. Если смотреть на скульптуры долго, то начинает казаться, что они могут двигаться: вот этот пошел прямо на тебя, а этот только что вытянул руку. Выйдя из «Гаража», очень удивительно видеть себя живым и не металлическим. Хочется вернуться и остаться с человечками Гормли.

Тел. (495) 645-05-20

www.garageccc.com

Евгений Жевалун и Евгений Смирницкий «Же/Же»

С 12 по 23 августа
ГАЛЕРЕЯ НА СОЛЯНКЕ

Не стоит искать что-либо общее в фотографиях одного автора и в рисунках другого. Общего ничего нет. Просто они – друзья. И у них – одно имя на двоих. Поэтому и выставка – тоже одна.

Фотографии Смирницкого – спокойные пейзажные снимки. Ничего выдающегося. Просто хорошие фотографии хорошего фотографа. Он воспринимает мир так, как этот мир воспринимают многие. Поэтому не будет ни шока, ни излишней задумчивости. Вы все это уже видели своими глазами.

Рисунки Жевалуна, выполненные шариковой ручкой – синие, красные и зеленые – выглядят, как результат баловства скучающего школьника. Ни особенной красоты, ни особенной идеи. В лучшем случае, получилось что-то похожее на абстрактные иллюстрации к советским книгам 80-х годов или невнятные комиксы типа «Зайца ПЦ» Горалик. Психоанализ напращивается сам собой.

Тел. (495) 621-55-72

www.solgallery.ru

«Самиздат. Сделано в СССР».

Выставка неподцензурных текстов, распротранявшихся в 1950-80-х гг. в СССР
До 30 августа
МУЗЕЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР
ИМ. А. САХАРОВА

Эта выставка мягко напоминает о прошлом. «Дух СССР» в виде пыли, золы и грязи в больших стеклянных банках – только в общественном центре Сахарова могли додуматься до такого. Столы, собранные будто наскоро, указатели с надписями «хода нет», «случайные» фотографии и трансляция ретроновостей по старому телевизору – все это дополняет экспозицию самиздатской литературы. Прошлое воспринимается уже иначе.

А все начиналось достаточно безобидно. Перепечатанные экземпляры «Йоги» Люсьена Феррера, Евангелие от Матфея на тоненьких листах с корректорскими правками. Дальше идут журналы: несколько номеров «А-Я», «Корабль», «Архив». И только потом – книги: Пастернак в изъеденном молю красном переплете, Гроссман, Стругацкие, Хемингуэй, Булгаков. Очень много Ахматовой, Цветаевой и Высоцкого в альбомных переплетах. И документы КГБ – ЦК КПСС со списками запрещенной литературы...

Последний указатель выставки – «отдел кадров» – приводит к стене людей самиздата. Они делали то, что нельзя было читать.

Тел. (495) 623-44-01, 623-44-20

www.sakharov-museum.ru

Текст и фото
Светлана
Гуркина

ЧЕ. Hasta siempre!

До 20 сентября
ГАЛЕРЕЯ «ДОМ НАШОКИНА»

Неплохой пример культа личности на этот раз представлен в доме Нащокина. **Эрнес-то Че Гевара**. Везде, в каждой комнате галереи, в каждом ее уголке, на каждой стене и даже в занавешенных окнах.

Биография Че в картинках и просто много-много его фотографий разных лет. 58-ой, 60-ый, 63-ий, 64-ый...

Через динамики раздается веселая кубинская музыка. Ее мотив, никак не соответствующий общему траурному настроению выставки, вызывает недоумение. Но еще более странно звучит тишина, когда музыку выключают.

В самой первой комнате идут документальные фильмы про Че – свидетельства очевидцев жизни и смерти великого команданте. Но фильмом выставку лучше заканчивать, когда просмотрены все залы, все картины, все фотографии и когда прочитаны его письма. Тогда вы уже готовы узнать больше.

Один из внимательных посетителей в книге отзывов написал про ощущение «будто Че стоит за спиной». Очень верное ощущение. Стоит проверить самому.

Тел.: (495) 699-11-78, 699-47-74

www.domnaschokina.ru

Че Гевара-человек – куда интереснее чем Че Гевара-икона

13 августа выходит в прокат новая русская комедия

«Лопухи»

Текст
Алена
Максимова

Особого ажиотажа вокруг этого фильма пока нет. А зря – его режиссер, Сарик Андреасян, убежден, что после выхода «Лопухов» в России изменится отношение к фильмам с участием квнщиков. До того, как кино появится в широком прокате, актеры побывают на премьерах в восьми городах-миллионниках.

Гастроли по России, прежде всего, связаны с тем, что главные герои ленты – простые парни из глубинки, которые приезжают покорять Москву. Но выступление их актерской труппы на мафиозной вечеринке вызывает такой фурор, что босс умирает... со смеха. Другим приходится спасаться от врагов на старом автомобиле. Их ждут неожиданные встречи и опасные приключения.

Главные роли исполняют участники команд КВН «Уездный город» и РУДН Евгений Никишин, Сергей Писаренко, Эндрю Нджогу. Дмитрий Нагиев снимается в роли Алена Делона, Михаил Горевой – в роли Патриции Каас.

На бесцеремонный вопрос – «это теперь такой чёс – снимать КВН в кино? Ваш ответ «Самому лучшему фильму»? Сарик спокойно отвечает: «Просто настало время. Многие квнщики пере-шли на другой уровень, и их участие в кино теперь воспринимается как само собой разумеющееся. Профессиональные актеры зачастую не очень понимают комедийные форматы, а квнщики чувствуют каждую шутку и знают, что любит зритель. Эдди Мерфи, Адам Сендлер, Бен Стиллер, Джим Керри пришли из телевизионных стенд-ап комедий и сейчас являются залогом качества любого фильма.

Я уверен, что мы сделали хороший, смешной, добрый фильм. Участие ребят из КВН – не маркетинговый ход и не

выбор продюсера. Это мой режиссерский выбор. Ответов «Камеди» мы не готовили, лично я никого оттуда не знаю.

– Почему такое внимание к провинции, в том числе и на уровне сценария, предполагающего историю о том, как «провинциальные лохи мир покоряли» – не охваченный рынок?

– В любом хорошем жанровом американском кино герои за исполнением мечты едут ни в Кентукки, а в Нью-Йорк. Соответственно, за исполнением мечты в России можно ехать только в один город – Москву.

– Расскажите о машине, которая участвует в фильме – откуда она взялась, кто сделал?

– Изначально в сценарии был прописан красный «Запорожец». В Москве мы такой отыскать не смогли. Нашли «Запорожец», у которого двери открывались вверх, как у «Ламборджини», но нас это не устраивало. Машина нужна была в первозданном виде. Нужный «Запорожец» директор картины лично пригнал из Самары. Машина проехала 1200 км и не заглохла! Представляете? И это «Запорожец» 1963 года.

Съемки «Лопухов» закончились в октябре 2008 года. «Кризис ударил по нам, но это было не так ощутимо, как у тех, кто только собирался снимать», – рассказывает режиссер. До «Лопухов» Андреасян снял триллер «45 см», который уже несколько лет лежит на полке: разругались инвестор и продюсер. Сейчас Сарик ведет переговоры о реализации двух своих новых проектов с крупными компаниями и уверяет, что «при запуске любого из них в следующем году зрителей будет ждать комедийный блокбастер высокого уровня».

1 dvd

Александр В. Волков

«Кто есть кто» (Flic ou voyou)

(Франция, комедийный боевик, 103 мин. Режиссер: Жорж Лотнер. В ролях: Жан-Поль Бельмондо, Жорж Жере, Жан-Франсуа Бальмер и др. Cinema Prestige), 1979. Выход на DVD – 2009.

Из Парижа в небольшой город приезжает инспектор с особыми полномочиями. Он чрезвычайно крут – сначала задает вопрос, дает шанс ответить, а потом очень больно бьет. Он – «гроза» женщин, хорошица красавица на экране возглавляет шикарная Мари Лафоре. Он – каратель, меч справедливости, но зритель большую часть фильма радостно и счастливо смеется. Пожалуй, если что-то французам действительно удастся, то получается специфически тонким, звонким, улыбочиво-неподатливым, умным и ловким. Только в «Профессионале» – другом фильме того же режиссера – Жоржа Лотнера, с той же суперзвездой в главной роли – Жаном-Полем Бельмондо, – удалось достичь лучшего сочетания галльской иронии, детективной жестокости и щемящей ностальгии.

«Еще вчера» («Only Yesterday»)

(Япония, анимационная романтическая драма, 119 мин. Режиссер: Исао Такахата, RUSCICO), 1991. Выход на DVD – 2009.

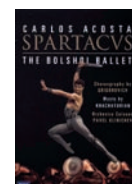
Ощущение от этой анимационной картины трудно передать словами – для этого пришлось бы снять еще один фильм, только лучше. Формально – это аниме, но ничего от привычной большеглазой футуристической стрелялки нет. Люди, работающие на легендарной студии Ghibli – ее основатель и знаковый персонаж Хаяо Миядзаки выступает тут как исполнительный продюсер – мастера невыразимого. Получаемый эффект, как всегда, тревожен и почти волшебен, хотя история проста – молодая девушка попадает в места, где жила маленькой девочкой, и ностальгия просветляет ее, показывает, что ей нужно в жизни. Гипнотически гармоничная картинка рассказывает больше, чем диалоги, игра цвета – важнее сюжета, а самые очевидные поступки и отношения героев по-настоящему трогают, задевают и волнуют.

«Баязет»

(Россия, военная драма, 530 мин. Режиссеры: Андрей Черных, Николай Стамбула. В ролях: Алексей Серебряков, Ольга Будина, Александр Дьяченко и другие. SP Диджитал), 2009.

Сериал по роману Валентина Пикуля – кино злое, неторопливое и жестокое, ритмически близкое бесконечным кавказским войнам. Русский гарнизон защищает крепость Баязет – агрессоры рвутся в Чечню и Дагестан. Турок много, но нашим удается на протяжении двенадцати серий с переменным успехом отбиваться. Несколько наивные батальные сцены и, в худших традициях – идиотически примитивный противник. Можно сделать скидку на то, что это все-таки сериал. Картина, судя по посткомментариям историков, далека от точной передачи взаимоотношений реальных героев обороны Баязета. Но это ставили в вину и Пикулю. Зато в том, что удачно передан смысл происходящего и эмоциональная энергетическая насыщенность событий – сомнений нет.

«Spartacus». Carlos Acosta. The Bolshoi Ballet

(Франция-Россия, фильм-балет, 133 мин. + 43 мин. Режиссер: Юрий Григорович (хореография), Росс МакГиббон (TV). В ролях: Карлос Акоста, Александр Волчков, Нина Капцова, Мария Аллаш. Десса/Юниверсал Мьюзик), 2009.

Когда в новом тысячелетии в роли вождя мятежных рабов появился Карлос Акоста, на старый балет удалось взглянуть по-новому. «Диковатый», небритый кубинец большой кошкой двигается по сцене, насыщая пространство энергией и создавая эротичный контраст с гибкими танцовщицами кордебалета. Фильм хорошо снят – очевидны красота и линий, и движений и бурливой, шумной музыки Арама Хачатуряна, ощутима тайна, рельефно переданы понты надутых римлян и драматизм финальных сцен. В подобных изданиях важен подбор бонусов – тут под эту радость отведен отдельный диск, на котором – четыре ролика, рассказывающих о работе над балетом, и четыре интервью с Акостой.

Рыбка Поньо и все – все – все

В Москве и Петербурге проходит фестиваль редких фильмов

Текст
Алена
Максимова

В открытом кинотеатре, который расположен в парке искусств «Музеон», что прячется за Центральным домом художника, весь июль не было свободных мест. Дважды в неделю – по четвергам и вторникам – зрители смеялись и плакали, наблюдая артхаусное кино европейских режиссеров и милейшую «Рыбку Понью на утесе» Миядзаки – анимационную ленту о маленьком мальчике, который познакомился с рыбкой, а она превратилась в симпатичную рыжеволосую девочку.

В рамках II фестиваля редкого кино EMPIRE OPEN CINEMA показывали фильмы из Японии, Франции, Бельгии, Германии, Испании, Португалии, которые в нашей стране на широком экране еще не шли. Безумный, смешной и до боли правдивый «Все идет по плану» немецкого режиссера Франциски Мелецки. Испанский триллер «Три дня» – дебют Хавьера Гутьерреса, который пофантазировал на тему метеоритного Апокалипсиса и вариантов того, как можно провести последние дни. «Румба» – черная, но добрая и красивая комедия француза и бельгийки (режиссеры сами исполняют главные роли). И «Дом из лавы» легендарного Педро Кошты (Португалия). Он был снят в 1994 году, но ни разу не демонстрировался в нашей стране.

Работы Педро надо непременно смотреть на большом экране – недаром его картинку сравнивают с полотнами Вермеера. Португальские пейзажи, колоритные персонажи, неспешное путешествие коматозника в сопровождении сиделки в его родное село, забытое Богом на далеком острове...

Впрочем, все фильмы, представленные в рамках фестиваля, были отличного качества – яркая, сочная картинка и хороший дубляж. Погода в дни московских сеансов баловала теплом и свежестью, а дождь исполнительно начинался только тогда, когда последние зрители добирались до входа в метро. Предусмотрительные киномены вооружались пледом, бутербродами и коньячными фляжками. Едой торговали и в самом парке. А стоимость билета, кстати, не превышала 250 рублей.

В общем, фестиваль в Москве удался на славу. Мероприятие это журнал для любителей кино EMPIRE устраивает второй год подряд. В 2009 году фестиваль расширил свои границы – после завершения показов в Москве фильмы уехали в северную столицу: с 16 августа по 13 сентября фильмы представят в Санкт-Петербурге. Предполагается, что премьера картины будет в воскресенье, а повтор фильма – в среду.

Кинопоказы пройдут в свежееоткрывшемся месте – «Ласточке» на Университетской набережной, рядом с Кунсткамерой. Это два дебаркадера, оснащенные баром, рестораном, киноэкраном и танцплощадкой, где проходят показы мод и веселые вечеринки – «Ласточку» открыли создатели московской «Солянки».

Есть предположение, что на площадке «Ласточки» восприятие редких картин может быть иным, нежели чем в «Музеоне». И что, может быть, стоит отправиться в Питер хотя бы для того, чтобы, наслаждаясь ветерком с Невы, пересмотреть «Все идет по плану», «Румбу» и «Дом из лавы» – они этого точно заслуживают. ☑

«Рыбка Поньо» – умный и добрый мультфильм об одиночестве, мечте и настоящей дружбе

>> Сеансы на «Ласточке» (Санкт-Петербург)

16.08 (вс), 19.08 (ср)
«Рыбка Поньо на утесе»
23.08 (вс), 26.08 (ср)
«Все идет по плану»
30.08 (вс), 02.09 (ср) «Три дня»
06.09 (вс), 09.09 (ср) «Румба»
13.09 (вс), «Дом из лавы»

Начало показов в 21.30

аудио книга

Алена Максимова

Ги де Мопассан. «Милый друг»

Он – везунчик. Его любят женщины, а он любит их. Жорж Дюруа – отставной гусар, который «на гражданке» стремится сделать карьеру за счет своих мужских достоинств. Правда, начинать приходится с должности мелкого клерка. Но вскоре случайный встреченный товарищ вводит его в мир богемы. Там Жорж встречает прекрасных дам, одна другой участливее и влиятельнее. Они-то и дают ему профессию, титул, состояние. Жорж быстро карабкается по карьерной лестнице, повышая свое благосостояние. Рассказ о его «подвигах» в аудиоверсии занимает 16 часов (!) Правда, возможно, лучше бы его читал мужчина (при всем уважении к заслуженной артистке России Наталии Литвиновой). Было бы более убедительно. Это программное произведение Мопассана, прославившегося своими описаниями любовных интриг. Полезно обитателям нынешнего мегаполиса – назидательно и содержательно.

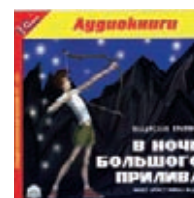
Гаррос-Евдокимов. «Серая слизь»

Современные романы на аудионосители записывают, увы, нечасто. Тем острее и ярче выглядит «Слизь» – работа выходцев из Прибалтики, в 2003 году получивших «Нацбест». Дело происходит в обычном районе обычного города на постсоветском пространстве. Обычный, опять-таки, человек включается в запутанную интригу. Поиск истинных ценностей и рецептов морального выживания, – вот чем занят новый герой авторов «[голову]ломки». «Серая слизь» увидела свет в 2005 году. Для аудиосистем ее подготовил актер Иван Литвинов. Не уверена, что человек непосвященный в подробности бытия Риги вынесет все 16 часов 27 минут напряженно-злобного текста. Автору-фотографу «Смены» Ю. Рибнику роман понравился – он жил в Риге, некоторых героев романа и городские пейзажи помнит лично. Для остальных ценным представляется предупреждение о судьбе других городов, в которых конформизм плодится по сценарию кошмарного будущего.

«Знаменитые произведения русских писателей»

Эта аудиокнига подойдет не только школьникам, желающим разом познать самые нужные пункты литературной программы, но и всем, кому небезразличен великий-могучий; тем, кто способен получать удовольствие от атмосферы классических русских произведений. Почему столь высокопарно о простом аудиодиске? Его делали с тщанием и любовью. Собрали произведения, равные по масштабу творческого наследия и роли в формировании русского языка, менталитета. Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского («Выстрел» и «Гробовщик»; «Записки сумасшедшего»; «Палата №6»; «Бобок» и «Сон смешного человека»). Озвучить попросили Валентина Гафта, Александра Вилькина, Дмитрия Креминского и еще почти два десятка известных, добросовестных актеров из московских театров. К достоинствам диска следует отнести его длительность – прослушать огромный пласт русской классики можно всего за шесть часов.

В. Крапивин «В ночь большого прилива»

Когда-то я была в него влюблена. В Дена – мальчика с храбрым сердцем и сбитыми коленками. Мне было тогда десять. Ему – на пару лет старше. Ему и сейчас столько же. Как и другим героям трилогии «В ночь большого прилива» прекрасного писателя Владислава Крапивина. Его повесть озвучил Кирилл Радциг. Наверное, затем, чтобы взрослые девочки и мальчики снова вспомнили о временах, когда настоящая дружба казалась реальностью, раковины из далеких стран не имели цены, а честное слово было тверже камня. «Далекие горнисты», «В ночь большого прилива» и «Вечный жемчуг» – повести, объединенные общим сюжетом, историей об удивительных приключениях, которые происходят в детстве или других мирах. Они интересны, если о них читаешь, или же слушаешь, вне зависимости от возраста.

Захар Прилепин к своим 34 годам перепробовал различные специальности – от охранника ночного клуба и командира ОМОНа в Чечне до редактора еженедельной газеты. Получил множество литературных премий: русские Нацбест и «Ясная Поляна», китайские и французские награды за лучший зарубежный роман года, вошел в шорт-лист «Русского Букера»... Его книги издаются сотнями тысяч. Живет он в Нижнем Новгороде, воспитывает троих детей, пишет романы и в Москву наезжает только за гонорарами. «Смену» Захар заинтересовал по нескольким причинам – этой осенью у него выходит очередная книга; писатель становится ведущим телепрограммы. А еще – его мнение показалось нам крайне важным для специального августовского выпуска.

Захар Прилепин: «Россия держится на слове»

Текст
Надежда
Панченко

– Россия дала миру огромное количество знаменитых эмигрантов, взять хотя бы Владимира Набокова. В этом номере «Смена» раскрывает имена неизвестных в России героев, которые стали известными за рубежом и принесли стране, в которой поселились, славу. Имен гениальных американцев, шотландцев, испанцев... которые обогатили культуру и науку других стран, гораздо меньше. Как думаете, почему? Может, это какое-то русское мессианство?

– Русское мессианство, бесспорно, существует, но применительно к нашей эмиграции речи об этом не идет. В какой-то момент история оказалась сильнее людей, и распыление русских по планете – не более, чем результат исторического конфликта, в котором оказались многие из наших соотечественников, в том числе великие. Когда-то мне казалось, что Сикорский в Америке или Бунин во Франции – это трагедия. Потом я смягчил свое к этому отношение и считаю теперь, что большое количество русских, сыгравших свою роль в истории других стран – и не трагедия, и не повод для радости. Просто так получилось.

– Вы сами смогли бы эмигрировать?

– Думаю, нет. Мне достаточно комфортно за границей. Но к Европе или Америке я, наверное, никогда не научусь относиться, как к пространству, в котором мог бы остаться жить. Вы могли бы прожить всю жизнь в гостинице, или в ресторане, или в музее? Я бы не смог. Россия – это дом. По крайней мере, для меня.

– В одном из своих интервью вы сказали, что «Россия в XIX и XX веках дала миру образцы миропонимания в литературе и в философии. Потенциал не потерял». Можно узнать, что вы конкретно имели в виду?

– Можно назвать только одну дату – 1917 год. Революция определила облик всей планеты, в том числе и той ее части, над которой никогда не поднималось красное знамя. Определила на сто лет вперед, а может, и больше. Если отвечать не коротко – то можно вспомнить и о литературе, и о религиозной (как богоборческой, так и богоискательской) философии и просто о философии, об архитектуре, о кино, науке – да Бог знает, о чем еще. XIX и XX век, наверное, были пиком нашего культурного развития. Быть может, это больше никогда не повторится. Но мы все равно будем пробовать повторить. Иначе, зачем мы здесь?

– Вы много и с удовольствием рассуждаете о любимых своих русских писателях. В чем, по-вашему, феномен русской литературы?

– Феномен русской литературы, мне кажется, состоит в том, что, если бы вдруг русская литература куда-то мистическим образом исчезла, вместе с ней исчезла бы и Россия. И такая ситуация применима только к нашей стране и нашей литературе. У англичан, у французов, у немцев есть великая литература, но без нее и Англия, и Франция, и Германия продолжали бы существовать. Россия без литературы невозможна.

Говорят, что в основе итальянской культуры лежит мрамор, в основе китайской культуры – шелк, в основе немецкой – кажется, железо. Еще говорят, что в России роль этого мрамора или шелка играет лыко. Но я бы, все-таки, сказал, что цивилизационная основа России – это слово. У нас все держится на слове, а слово – это литература.

Для нее всегда была характерна злободневная реакция на происходящие события – от первых «чеченских» рассказов Льва Толстого до любого романа Достоевского. Это

только в последнее время стало немодно реагировать на происходящее за окном.

– Вы действительно считаете, что наша «аморфность» и «леность» порождена вовсе не аполитичностью, а бесконечной российской терпеливостью? Может быть, напротив, народ заслуживает своих героев? Таких политиков, такого общества, такой социокультурной ситуации?

– Я уверен, что эта мантра про народ, который сам заслуживает всех гадостей, которые с ним происходят, выдумана врагами нашего народа, которым выгодно, чтобы он считал себя не имеющим права претендовать на большее. Вредная, позорная ситуация. Надеюсь, она не навсегда.

Что касается терпения. Известен тост Сталина на приеме в честь Дня Победы – когда Сталин пил за

«ясный ум, стойкий характер и терпение» русского народа. К этому терпению как-то сразу все прицепились, посчитали его признаком сталинского цинизма – вот, мол, какой негодяй, открытым текстом говорит, что с этим народом можно делать что угодно, он все стерпит. Но спустя четыре года после этого тоста вышла официальная биография Сталина, по сути, им же самим и написанная. В ней тоже шла речь об этом злосчастном тосте. И было написано, что Сталин говорил, что у русского народа есть ясный ум, стойкий характер и – внимание! – «отсутствие торопливости, то есть терпение». Очевидно, в атмосфере кремлевского банкета вождь не сумел четко сформулировать очень важную вещь и получилось искажение.

Я согласен – да, русский народ терпелив, но именно с точки зрения отсутствия торопливости. И вот, когда предел такого терпения иссякнет – всем, к кому у народа накопились претензии, будет очень плохо. Наверное, и мне будет плохо, но тут уж народу виднее.

– Вы часто критикуете нынешнюю власть. Кто-то из восточных мудрецов сказал: «Критикуя – предлагай». Что, по-вашему, можно изменить, и почему вы не хотите этого делать?

– Достижения нашей власти – у всех на виду. С одной стороны – Куршевель и вечеринки на крейсере «Аврора», совершенно неприличная роскошь и пресыщенность, с другой – вымирающая нация, огромная часть которой лишена всяких перспектив в жизни. Единственный содержательный аргумент в защиту этих «достижений» – то, что в девяностые все было несравнимо хуже. Но и этот аргумент – не менее гнилой, чем,

– Правда ли то, что вы всегда берете билет на поезд, на верхнюю полку, чтобы почитать по пути?

– Да, правда. У наших железных дорог есть два прекрасных свойства, которых никогда не будет у других видов транспорта – в поездах можно спокойно выпивать и спокойно читать. В условиях современных ритмов и скоростей это очень здорово. Ты лежишь, читаешь, и

никто тебя никуда не позовет, не погонит, и никто не позвонит, и письмо по e-мэйлу не придет. Хорошо! Электронных книг я не читаю. Читать книгу с монитора, мне кажется – неуважение к ней. Книга – это не только слова и буквы, это вещь в самом хорошем смысле слова. Хорошая вещь на мониторе мерцать не может, ее нужно держать в руках.

собственно, поведение нынешней власти: наше время – это продолжение девяностых, ничего, по большому счету, за десять лет не изменилось.

Изменилась, а точнее – появилась, раньше-то ее вообще не было – пропагандистская упаковка. Если в девяностые патриотизм был вытеснен в маргинальность, то сегодня патриотизм в моде. Только почему-то за патриотизм принимают восторг по поводу любых действий государства.

А что касается вопроса, почему я не хочу ничего делать – это не так, я хочу и я делаю! Много лет я являюсь активным членом одной партии, надеюсь, вы знаете, как она называется – правда, закон запрещает называть эту партию на страницах печатных СМИ, и от этого меня тоже вполне разумно тошнит.

– Действительно, свое мнение вы свободно высказываете в своих романах, а теперь еще будете вести телепередачу. По сути, ваша задача в новой программе на Post TV похожа на ту, что мы реализуем в этом номере: рассказать людям о незаслуженно забытых героях. Можете ли назвать имена тех, о ком будут ваши первые передачи? Почему вы вдруг решили появиться в эфире, и почему именно на Post TV?

– Разные телеканалы достаточно давно зовут меня участвовать в каких-то передачах в роли ведущего. От всех этих предложений я всегда отказывался. Не в последнюю очередь потому, что не хотел быть соучастником федеральных телеканалов в их античеловеческой деятельности по обольваниванию нашего народа.

Предложение Post TV я принял сразу – во-первых, потому, что к интернет-телеканалу у меня по умолчанию больше доверия, чем к традиционному телевидению.

Аудиторию Интернета я считаю своей аудиторией – она умеет думать сама, не верит, когда ее пытаются обмануть, ну и, вообще, будучи активным ядром нашего общества, заслуживает больше симпатий, чем «подавляющее большинство». С этой аудиторией мне разговаривать интересно.

Кроме того, сама эта идея – очерки о незаслуженно забытых героях – кажется мне безумно интересной еще с времен, когда в журнале «Русская жизнь» вышел цикл таких очерков за моей подписью. Когда среди нас живут люди, сыгравшие важную роль в отечественной истории, с ними, мне кажется, надо разговаривать, пока они с нами, среди нас.

Пока у нас готово четыре выпуска этой передачи, их герои – первый президент Азербайджана Аяз Муталибов, драматург Михаил Шатров, основатель КПРФ Иван Полозков и последний руководитель советского телевидения Леонид Кравченко. Что и кто будет дальше – не хочу загадывать. Очень бы хотелось поговорить, например, с Михаилом Горбачевым. Я даже уже придумал, как пройдет наше интервью. У меня к нему единственный вопрос: «Что ж ты наделал-то?»

– Расскажите, пожалуйста, о вашей книге, которая появится на полках книжных магазинов в сентябре.

– Последние несколько лет я для серии ЖЗЛ писал биографию прекрасного русского писателя Леонида Леонова, который значит для нашей литературы гораздо больше,

У англичан, у французов, у немцев есть великая литература, но без нее и Англия, и Франция, и Германия продолжали бы существовать. Россия без литературы невозможна.

чем может показаться на первый взгляд. Сегодня его книг почти никто не читает, да и само это имя едва ли знакомо. По крайней мере, тому поколению читателей, которое читает мои книги. И если обычные биографии пишутся для того, чтобы люди узнали что-то новое о знаменитом человеке, то биографию Леонова я писал для того, чтобы вернуть нашим читателям незаслуженно забытого, но настоящего великого писателя.

В этом году ему исполнилось 110 лет, вместе с моей книгой выйдет несколько переизданий произведений Леонида Максимовича, и я всерьез надеюсь, что мне удастся сделать Леонова таким же актуальным, как в те годы, когда Горький говорил о нем, что он имеет право говорить от имени всей русской литературы. Понятно, что время, потраченное на работу над этой биографией, я мог потратить на несколько собственных новых романов и повестей. Но я доволен, что мое писательское самолюбие уступило вот этому, гораздо более важному делу. Надеюсь, когда-нибудь мне это зачтется.

Жаль, что Леонид Леонов не дожил до наших дней. Мне было бы очень интересно увидеть его реакцию на мою книгу о нем, да и в передачу «Старикам здесь не место» я бы его тоже, конечно, позвал. В России XX века это был, наверное, самый великий старик.

Надежда Панченко

ЧТЕНИЕ

Евгений Немец. «Корень мандрагоры». АСТ, 2009.

Этого автора Рунет знает давно благодаря литресурсам типа Litprom.ru, Proza.ru и подобных. Хочется надеяться, что его полюбят и те, кто предпочитает знакомиться с прозой в бумажной версии. Потому что, по крайней мере, свежевыведший «Корень» этого заслуживает: очень легко и хорошо написанная проза. В романе нашлось место и для рассуждений о смысле существования целого человечества, и для ироничных, вкусных описаний школьных лет, любовных драм и армейской службы. Немец отлично справляется с портретами своих героев. Особое внимание отводится главному персонажу по кличке Гвоздь. Он еще в детстве пережил акт освобождения от страха, когда порвал ногу гвоздем, и дальше шел по жизни уверенно и спокойно. Мы так и не узнаем, как его зовут, да это и не важно – с подачи его товарища Мары, увлеченного эзотерическими практиками и человеческой эволюцией, Гвоздю предстоит стать первым сверхчеловеком...

Дмитрий Савочкин. «Марк Шейдер». АСТ, 2009.

У Дмитрия это первый роман. Что видно без лупы и прочих приспособлений, повышающих остроту зрения и четкость изображений. Издательство позиционирует книгу как «Бойцовский клуб» в шахтерском забое – самый неожиданный производственный роман года. Но до Палланика, самая свежая книга которого, «Снафф», выходит в августе в этом же издательстве, Савочкину ой как далеко. Хотя, вроде бы, все необходимые элементы налицо: алкоголь, наркотики, секс, безысходность и смерть. Но некоторые описания слишком документальны, чтобы считаться литературой, а некоторые уже набрали оскомины в любом виде. Главные герои – шахтер и мент, которые, кажется, делят между собой одно сознание. Или один герой, одновременно существующий в двух телах... По сути, задумка и претензия любопытны, но вот исполнение требует строгого редактора.

Татьяна Москвина. «Общая тетрадь». АСТ, 2009.

Зачем русскому читателю бесталанные Бегбедер и Вербер? Кто и когда найдет управу на чиновников? На эти и многие другие вопросы отвечает оригинальный прозаик, известный сценарист и непримиримый публицист Татьяна Москвина в своей «Общей тетради». В эту книгу вошли эссе последних лет о кино, театре, городе на Неве и его жителях, плюс пьеса «Падение», которая уже идет в двух театрах Москвы. В сентябре выйдут «Мужская» и «Женская» тетради Татьяны Москвиной. Писательница рассказала «Смене», что в «Женскую тетрадь» войдут статьи и рассуждения о женщинах и женской теме в искусстве плюс пьеса «Одна женщина» (три монолога). В «Мужской тетради» речь идет о мужчинах, и завершается она драмой «Хорошая жизнь и прекрасная смерть господина Д.». «Это мой личный вариант мифа о Драккуле», – комментирует Татьяна. Полное интервью с Москвиной – в следующем номере журнала.

Александр Кабаков. «Беглец: дневник неизвестного». АСТ, 2009.

Перед нами – повседневный быт и душевные терзания скромного банковского служащего, датированные 1914-1919 гг. Автор стилизует свое неторпливое, добротное повествование под дневниковые записи: «...Главное – я не решил, как дальше вести себя. Пойти к М-ину и все изложить? Или все ж отказаться от «выгодного всем» предложения?...» Герой – зрелый, уставший от жизни мужчина – наблюдает за крушением Российской империи, переживая собственные кризисы. Он становится свидетелем и участником не только известных исторических событий, но и некоей темной и гадкой истории, связанной с мошенничеством и грабежом... Кабаков мастерски смешивает в одном коктейле историческую сагу, детектив и любовную драму. Вызывает уважение и профессионализм опытного бармена, и внимание к историческим деталям.

КОНЦЕРТЫ

ЧТО: NU NOTE LOUNGE FEST
ГДЕ: сад «Эрмитаж»
КОГДА: 1, 15 и 29 августа, с 19.00
ДЛЯ КОГО: любителей интеллектуальной живой музыки и жизнерадостных тусовок на открытом воздухе

Будем надеяться, что погода позволит этому мероприятию стать самым успешным опен-эйр лета-2009. Ибо все остальные предпосылки имеют место быть.

Фото
Сергей
Голованов

Фестиваль предполагает серию концертов в саду «Эрмитаж»: с сольными программами выступят международные звезды лаунж-музыки: Tony Allen, Skye (ex-Morcheeba), **Nouvelle Vague**. Практически полвека (!) назад нигериец Tony Allen создал афробит. С тех пор мир наслаждается сложными танцевальными ритмами из смеси джаза, фанка, соула и сугубо африканского хайлайфа. Однородную и в то же время многоголосую мелодию хочется слушать бесконечно – особенно, если легендарный барабанщик выступает прямо перед тобой (1 августа). Не менее чистую радость доставляют концерты певицы Skye, до 2003 г. украшавшую культовый клубный проект Morcheeba. В сольном амплуа она, пожалуй, даже более интересна – уникальный голос плюс сочиненные самой Skye проникновенные мелодии/тексты (15 августа). Завершит фестиваль группинг-секс-группа Nouvelle Vague (по словам создателей проекта, он воплощает постельные отношения между боссановой и new wave). Марк Колин и Оливье Либо – гитара и клавишные – в сопровождении восьми (!) красавиц с разных концов света делают со своими любимыми композициями такое, что не сразу и поймешь, но предоргазменное состояние возникнет точно.

ЧТО: SALVADOR
ГДЕ: «16 тонн»
КОГДА: 9 августа, 21.00
ДЛЯ КОГО: тех, кому это лето кажется недостаточно жарким

SALVADOR – группа отечественная, с провинциальными корнями. Но жечь эти парни умеют так, что бразильцам и кубинцам не снилось! Не зря в прошлом году SALVADORy доверяли разогрев Сержа Таньяна (System Of A Down). Latina-sex-tequila-rock – говорят, спокойно попить пиво под эту музыку невозможно. Да и зачем, когда можно танцевать?

ЧТО: Пикник «Афиши»
ГДЕ: Коломенское
КОГДА: 8 августа, с 12.00 до 22.00
ДЛЯ КОГО: любителей понтовых музыкальных тусовок на открытом воздухе
Профильный журнал «Афиша», пользуясь заслуженной репутацией трендсеттера, за прошедшие 5 лет убедил общественность в том, что пропустить это мероприятие может только безнадежный лузер с отвратительным вкусом. По причине кризиса грядущий пикник будет более скромным в плане line up – хэдлайнером выбран старинный и полузабытый британский коллектив Madness. Зато он – изысканно-хулиганский и крайне веселый. С 1976 г. эти действительно безумные ребята сочиняли разудалые шлягеры, воодушевляя весь остальной мир, включая «Браво» и «Ленинград». Удивительно, но они гастролируют-концертируют до сих пор. В России выступают впервые. Ассистируют ска-ветеранам бойкие «новые» русские **Narkotiki**, Tesla Boy, Bajinda Behind The Enemy Lines – группы, вышедшие из пещек в дамки практически на днях. Помимо этого, в программе – настольные игры, бои воздушных змеев и т.п. Главное, чтобы не пошел дождь и туалетов хватило на всех.

МУЗЫКА

cd

Александр В. Волков
cd-бульвар**Moby. «Wait For Me» (EMI)**

Моби может показаться легким мотыльком, порхающим по самым долларонесным цветам шоу-бизнеса. Но он последователен: и в использовании информационных рычагов, актуальных концепций и легенд. И если Моби – бабочка, то это стальное насекомое, не упускающее своих шансов. В этом году у знаменитого музыканта получилась симпатичная, но двуличная пластинка. С одной стороны, основа трек-листа «Wait For Me» – мармеладно-легкие, хрупкие электрические вещицы. С другой – они перемежаются с композицией «Mistake», проникнутой ароматом суицидальности а-ля Joy Division и злобными инструментальными пьесами, на одну из которых – «Shot In The Back Of The Head» – снял клип культовый режиссер Дэвид Линч. Моби же, когда начинавший путь к вершине с ремикса на тему из «Твин Пикс», не упустил момент и объявил, что, собственно, и весь новый альбом сделан под влиянием Линча – не эстетическим, но эмоционально-энергетическим.

Igor Butman Big Band. «Moscow @ 3 A.M.» (Butman Music)

Новый лейбл, организованный виртуозным музыкантом, продюсером и промоутером Игорем Бутманом стартовал с выпуска CD оркестра самого Бутмана и пластинки трубача Вадима Эйленкрига «The Shadow of Your Smile». Эти записи объединяет музыка – она, по большей части, принадлежит Николаю Левиновскому – легендарному российскому музыканту, некогда лидеру ансамбля «Аллегро». Мелодии мэтра, который около 20 лет живет в Нью-Йорке, динамичны, но на редкость несуетливы, то словно мягко мерцают, а то будто раскрывают объятия романтического танца. Все это подчеркивает идею альбома биг-бэнда – формально шумный оркестр, «рисующий» музыкой ночную Москву, звучит вдумчиво и метко, ретроспективно и современно. А особый шарм записи придало участие Уинтона Марсалиса. «Он добавил нашей музыке класса», – считает Бутман, отмечая соло суперзвездного трубача в пьесе «Russian Passion» («Русская страсть»).

«Третья Мировая Весна» «Стекло» (Антроп)

От предыдущих релизов «ТМВ» оставался некий осадок – вокал там трепетал, рвался, но не умещался в клетках гитарных аранжировок. Новый же CD группы – электронный, и это оказалось самым красивым выходом из воображаемого «тупика» – трепетные, но полные внутреннего огня тексты певицы, лидера проекта Светланы Косенко, которая последнее время называет себя псевдонимом «Фато», «очеловечили» холодноватый, прозрачный звук, созданный электронщиком Павлом Крежем. В итоге, высветилась уже системная проблема – лучшие отечественные музыканты, как правило, не могут сами поймать идеальный стиль и звук, а продюсеры в России так и не поняли, чем же их профессия отличается от труда директора группы или инвестора. Фато эту проблему, по крайней мере, на один раз решила – теперь улучшить «оформление» ее пения можно только еще более вдумчивым электронным звуком или дойдя до края восприятия – тишиной.

Леонид Федоров. «Волны» (Ulitka Records)

Дуэт замечательных музыкантов регулярно балует многочисленных слушателей новыми записями. очередной альбом серьезен, мрачен и нервен – в отличие от живого представления этих песен, на котором они звучали более приподнято и даже иронично. При аудио же восприятию данной программы улыбка не появляется вовсе – по крайней мере, до тех пор, пока не выясняется, что альбом называется, вообще-то, «Волны» – в честь таинственного, огромного зверя, бродящего где-то в темных лесах. Особенно весело от этого, правда, не становится. Зато у Федорова/Волкова вновь и вновь получается захватывающее – ведь они изобретают новое язычество, новую мифологию. Словно импровизируют Вселенную на глазах слушателей, немного корректируют ее, разбирают, чинят, выбрасывают лишние детали, морщатся – то ли от счастья, то ли от боли и заставляют вновь понять, насколько же мы можем почувствовать больше по сравнению с тем, что можем осознать.

Заброшенная стройка. 9-й этаж. Узкий карниз. Хор голосов за спиной необратимо скандирует: «Десять, девять, восемь...». Внизу – сквозь крону молодых березок выглядывает ржавая арматура, торчащая из земли. Впереди – чистое небо, зеленые волны леса, тонущие в них белые коробки подмосковных многоэтажек и крепко натянутым канатом – горизонт. За него бы зацепиться! Хотя бы взглядом. Но время кончилось. Хор досчитал: «Четыре! Ready! Set! Go!!!». Шаг вперед... И, кажется, я до сих пор не приземлился.

Бесконечные секунды

Текст
Даниил
Ильченко

Фото
Виталий
Потапов
и Тимур
Аникин

Брошенное здание, доросшее до десятого этажа, огорожено глухим бетонным забором под колючей проволокой. На заборных плитах – черные по серому мазки: «Проход запрещен. Опасная зона».

В условном месте перелезаем забор. Поднимаемся на девятый этаж. Нас встречают те, кто называет себя джамперами и даже командой Project F/X (fxproject.ru). Москвичи всевозможных профессий и занятий: инженеры-конструкторы, программисты, промышленные альпинисты, студенты. Выходные дни Project F/X проводит на «объектах» и устраивает прыжки для всех желающих. Желающих набирают через знакомых и Интернет.

«Ты в первый раз?» – вопрос от джампера, которого называют Дэн. Он расположился на раскладном стуле, записывает наши фамилии в блокноте. Напротив фамилий – крестики. «Отмечаю тех, кто прыгнул, – поясняет он. – Кто не смог – вычеркиваю».

«Матерые» джамперы устраивают прыжки раз в две недели. В Москве есть несколько таких команд (FXproject, Mad-Squirrels, Nice Team). Стоимость прыжка в среднем – 700 рублей. Длительность – 2-3 секунды – столько занимает свободное падение с крыши девятиэтажки (30-35 м.)

«115 метров – рекорд нашей команды, – рассказывает Дэн, – установили его на Кавказе, в кратере высохшего озера». Роупджамперы прыгают с крыш, мостов, иногда выбираются за пределы Москвы. Их цели – обезвоженные горные озера, скалы или заброшенные элеваторы. Новичкам там не место.

«Все, кто прыгает, специально занимаются гимнастикой, – рассказывает Дэн. – Наша тренировочная база – спорткомплекс «Динамо». В среднем, в день – 30-50 человек.

Роупджампинг сравнивают с парашютными прыжками или прыжками на эластичном канате. Но сравнения эти хромают: гораздо страшнее прыгать, когда четко видишь под собой арматуру стройки, деревья или шпалы с рельсами, чем далекие квадратики и точки земной поверхности, когда вываливаешься из самолета. Стремление джамперов к прыжкам с высоты объяснить невозможно. Если не вдаваться в подробности эффектов, связанных с воздействием адреналина, то общий – малопонятный, с рациональной точки зрения – смысл таков: «Я прыгаю за тем чувством бесконечности и вечности, которые ограничены длиной веревки и несколькими секундами полета».

... Моя очередь – сразу после девушки Ани. На нее надевают две страховочные системы: нижнюю, фиксирующую пояс, и верхнюю – облегчающую жизнь позвоночнику. Инструктор – объясняет: «Во время прыжка за веревку

не хватайся – обожжешь руки. Просто сделай шаг вперед, как со ступеньки. Лети солдатиком – так проще. Перед тем, как прыгнуть, можешь подумать... о жизни, например».

«Роупджампинг не терпит ошибок, – тем временем рассказывает Дэн. – Каждый раз мы тщательно проверяем все крепления, каждый сантиметр веревки. В нашей системе прыжка элементы дублируют друг друга. Если что-то отказывает, дублер берет нагрузку на себя. И, конечно, мы всегда прыгаем первыми, проверяя, все ли в порядке. Несчастливых случаев не было».

Шаг в пропасть Аня сделала, не раздумывая и молча. Когда систему стали одевать на меня и пристегивать карабины к спасательной «пуповине» – двум динамическим альпинистским веревкам, – колени начали дрожать и подгибаться.

В моей голове выбивала дробь элементарная мысль: «Эй, эй, эй парень! Ты что делаешь?!». И следующая: «Пусть уж лучше Дэн ставит на мне крест, чем вычеркивает к чертям!..» И началось: «Десять, девять, восемь...».

PS. Джамперы называют это ощущение секундами вечности, пограничным состоянием между жизнью и смертью. Некоторые добавляют: «После прыжка бессмысленность и мелкость многих вещей, навязанных нам повседневностью, становятся очевидными. Понимаешь – настоящее гораздо глубже и не стоит растрчивать себя по пустякам».

1 – перчатки; 2 – удобная обувь; 3 – карабины «пятитонники» и спусковое устройство gre-gre; 4 – страховочные петли; 5 – прочный шлем; 6 – веревка альпинистская: новая, надежная; 7, 8 – системы страховочные: грудная и поясная части.

В Нью-Йорке и Пекине, Дубае и Лондоне можно заказать русский борщ и пельмени, блины и окрошку. Москвичей и гостей столицы, в свою очередь, блюдами в европейской, китайской/японской традиции не удивишь – наелись досыта. А вот изыски марокканской или индийской кухни, пожалуй, еще способны произвести впечатление*.

* Цены анализировать не будем. Заинтересуетесь – узнаете сами.

Текст
Анна
Шеркунова

Фото
Тимур
Аникин, Анна
Шеркунова,
Dremstime

Обзор ресторанов по-настоящему экзотической кухни

Строганина, кус-кус и вод

Индия. «The talk of the town»

Немного странное название для индийского ресторана... Сидя за уютными деревянными столиками совсем не хочется говорить о городе, да и вообще говорить... Все чувства притупляются. Обостряются только обоняние и вкус: хочется вдыхать сумасшедшие ароматы специй и разглядывать разноцветные кашицы с непонятными названиями. В качестве комплиментов от ресторана подаются хрустящие лепешки чапатти в начале трапезы и специи с кусочками кристаллического сахара – в конце.

На радость вегетарианцам – богатый выбор овощных блюд. В индуизме корова считается священным животным, поэтому говядину в меню искать бесполезно.

Здесь нет никаких условностей: можно есть руками, как это делают все индусы, а потом сполоснуть их в миске с водой и лаймом. А можно пробовать еду соседа – если, конечно, он не против.

Однако в ресторане совсем не чувствуется Индия:

официанты безупречны в своих белых накрахмаленных рубашках, из окна видны высотки большого города... Поэтому лучше занимать столик в центре зала, прямо под раскидистым деревом, чтобы ничего не отвлекало от знакомства с прекрасной кухней этой гостеприимной страны!

Адрес: Ленинский пр-т, 113/1.
Телефон: (495) 956-59-99

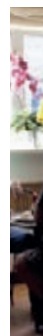
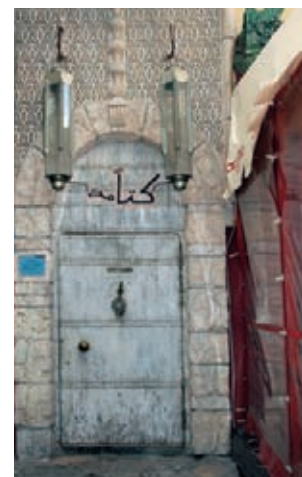
Марокко. «Кетама»

Железную дверь в Камергерском обнаружить нелегко: у входа висит лишь малозаметная вывеска. Кетама – название города в Марокко, и здесь чтят не только кулинарные традиции этой страны. У входа в зал все снимают обувь и надевают забавные тряпичные тапочки, пол ресторана застелен коврами и достарханами. Повсюду стоят уютные лежанки и диванчики, разбросаны разноцветные подушки – зал ресторана напоминает фантастическую декорацию из сказок Шахерезады.

Ну, где еще в Москве можно пить чай, лежа на подушках?! Чаев здесь вообще великое множество, но мятный – выше всяких похвал. Добрую половину всей кухни «Кетамы» можно намазать на хлеб. А можно просто есть ложкой, прихлебывая густым бульоном, как, например, знаменитое марокканское блюдо кус-кус. Любителям экзотики стоит отведать утку, фаршированную креветками, с зеленой чечевицей в абрикосово-шафрановом соусе или кальмара, фаршированного копченой рыбой и козьим сыром.

Из-за отсутствия кондиционера летом находиться внутри «Кетамы» – испытание, поэтому лучше разместиться на летней веранде, но за это придется доплатить 25% сверх заказа. Несут заказ долго, настроение у персонала расслабленное. Правда, разделить его с ними – одно удовольствие.

Адрес: Б.Дмитровка, 5/6, стр. 5, вход с Камергерского пер.
Телефон: (495) 692-92-68

Ка на змее

Вьетнам. «Ханой»

Кафе «Ханой» имеет неофициальное название – «Вьетнамка», полностью соответствующее тому, что там готовят. Здесь можно попробовать бамбуковый суп с курицей, блинчики нем (кусочки мяса с бобовыми ростками, обернутые тонкой рисовой бумагой), шашлык по-ханойски, несколько видов вьетнамского кофе, рисовые чипсы. Для любителей крепких напитков – рисовая и женьшеневая водка, и водка, настоянная на змее (!). Помимо традиционных блюд вьетнамской кухни, в кафе представлены привычные салат «Столичный» и борщ, и – теперь тоже привычная – японская кухня. А для долгих посиделок и неторопливых бесед можно заказать кальян.

Пространство «Ханоя» делится на две части. Между ними – барная стойка, на которой стоит огромная бутылка с заспиртованной коброй внутри. Незамысловатый интерьер восполняется атмосферой демократичного релакса.

Весь персонал – настоящие вьетнамцы, некоторые из них довольно плохо понимают русскую речь, и иногда приходится объясняться

жестами. Тем не менее, они аутентично-вежливы и дружелюбны. Кроме того, официанты и повара расторопны: в «Ханое» не приходится долго ждать заказа.

Адрес: Суцесский вал, 5/20, вход с торца
Время работы: 10.00-21.00

Крайний Север. «Экспедиция»

Чтобы попробовать еду чукчей, якутов и нанайцев, обязательно отправляться на Север. Многие блюда северной кухни можно попробовать в ресторане «Экспедиция». Три вида строганины, рубанина из Ленского осетра, классический северный салат «Индибирка» (слабосоленая нельма с репчатым луком в ледяной глыбе). На десерт можно отведать горноалтайский мед или северные ягоды в собственном соку (морознику, бруснику).

Главная «изюминка» меню – суп из глухаря «Шулюм». Его подают в металлической кружке с зубчиками чеснока, приправив крупной солью. Но дело не в том, что подают, а – как. По легенде, «Шулюм» может делать только охотник. Здесь эту роль выполняет официант. Он выходит к гостям в камуфляжной одежде и резиновых сапогах, с ружьем наперевес, куря папиросу.

При входе в ресторан вас встретит белый медведь, в центре зала стоит вертолет, поесть предложат за бревенчатыми столами и лавками. Зависнуть в «Экспедиции» можно надолго: к ресторану прилагается сибирская баня вместе с кедровой «оздоровительной капсулой». По завершении процедур клиентов угощают чаем с монастырским медом и баранками.

Адрес: Певческий переулок, дом 6
Телефон: (495) 775-60-75

*«...как начали мы, братец, пить...
Штабс-ротмистр Поцелуев... такой
славный! усы, братец, такие! Бордо
называет просто бурдашкой...»*

Текст и фото
Денис
Логинов

Тот, кто читал «Мертвые души» Н.В.Гоголя, наверняка, не мог оставить без внимания рассказ кутилы Ноздрева, возвращавшегося с ярмарки. Престиж бордоских вин в мире в XIX веке вырос настолько, что это название было на слуху даже у российских провинциальных гуляк. Впрочем, можно предположить, что уже тогда в качестве бордо потреблялось некое неведомое «вино» сомнительного качества, которыми изобилует сегодня российская торговля под видом известных французских АОС. Тем не менее, качественные вина бордо в России уже продаются, хотя признаем, не всем они по карману.

На юго-западе Франции, и без того не обремененной землями, пригодными для производства отличных вин, есть край, предназначенный Божьим провидением для виноделия – Бордоле (от исторической местной столицы – Бордо). Это часть Аквитании – между низовьями сливающихся рек Дордони и Гаронны и по обоим берегам их общего атлантического устья Жиронды. Бордоле получил славу «самого большого в мире виноградника высоких вин».

«Высокими» или «великими» специалисты называют вина высочайшего качества. Бордоле – земля целого семейства высоких вин, относящихся к бордоским: медок, сент-эмильон, помроль, кадийяк, марго, грав, фронсак, сотерн и еще ряд других АОС. Самое же распространенное наименование в регионе – бордо (Bordeaux). Это 7 категорий вина, на которые приходится 55 % виноградников Бордоле.

Какие только эпитеты не употребляют специалисты-энологи для характеристики бордоских вин: элегантные, деликатные, уравновешенные! Мы скажем проще: это очень вкусные вина с приятным ароматом, пригодные для сопровождения самых разнообразных блюд. Они проявляют свои

лучшие качества уже в молодом возрасте, а с годами в них развивается особая вкусовая гамма. Эти вина отличаются (на европейском рынке) разумным соотношением «цена-качество».

Красное бордо можно подавать во время серьезного делового обеда, но можно пить и вне протокола – в компании друзей, во время шумного массового застолья или просто за семейным ужином. Оно годится для антрекота с пряностями, солений и соленой рыбы, колбасных изделий, спагетти, а также для десерта – тортов и выпечки с красными фруктами.

Высшее бордо (Bordeaux superieure) производится лишь на 9,5 тысяч га, что составляет около 15 процентов всех виноградников бордо. К нему предъявляются повышенные требования: наиболее старые лозы, более поздний сбор винограда. Все это дает насыщенное вино, выдерживаемое в дубовых бочках. Вообще, для этих вин характерен более или менее выраженный привкус дуба, поэтому для самых изысканных Bordeaux superieure применяется каждый урожай новая бочка, способная отдать максимум своих свойств. Высшее бордо отлично способствует пищеварению, снимает стресс, обладает транквилизирующими свойствами. В знаменитом бордоском букете «узнаются» фруктовые запахи черной смородины и зрелой вишни, а также пряностей и фиалки. Разумеется, это лишь эфемерная иллюзия, созданная талантом виноделов.

Бордо край ВЫСОКИХ

Исключительными вкусовыми качествами обладает белое бордо. Оно приятно как аперитив, так и поданное к десерту. Оптимальная температура – 6-7°. Замечательно подходит к любой рыбе и морепродуктам, белому мясу домашней птицы, козьему сыру и свежим фруктам. Белое Bordeaux superieure ощутимо отличается от белого Bordeaux. На его изготовление идут перезревшие грозди, придающие вину сахаристость, что обеспечивает возможность его хранения в течение многих лет. Bordeaux – вино довольно редкое, его производят в небольшом количестве.

Два розовых бордо – простое и клере (Bordeaux claret) – отличаются и по цвету, и по своей винодельческой традиции. Брожение простого розового длится всего несколько часов, что обеспечивает ему светло-розовый оттенок и чрезвычайную легкость. Его пьют летом охлажденным до 8° как освежающий в жару напиток. Жизнь этого вина недолговечна, но от него, как правило, ничего и не остается к следующему урожаю. Это вино пикников и барбекю. Его подают и как аперитив вместе с орешками или оливками. В отличие от простого розового, клере обладает ощутимо более темным «платьем» – цветом. Иногда это вино называют светло-красным. Подается клере охлажденным (идеально – до 11°), и оно более пряное, чем простое розовое.

Cr mant de Bordeaux (игристое бордо) делают по технологии шампанских вин, но во французской винной табели оно может числиться лишь по категории «игристое», при том, что у него есть масса собственных достоинств. Это настоящее вино праздничного стола.

С учетом того, что бордоское семейство вин не ограничивается бордо как таковым, упомянем хотя бы еще одно наименование. Остановимся на вине фронсак. Белое, розовое и красное вино этого наименования «Ch teau Plain-Point» производит на винограднике настоящего замка XV века талантливый винодел и предприниматель Мишель Арольди, президент основанного им праздника виноделов Франции «Виноплурель». Этим летом праздник прошел в Бордо уже в третий раз.

ВИН

Виноградник Плэн-Пуэн считается одним из лучших в регионе по своим природным данным, поэтому Мишель имеет основание повторять, что ему «Бог помогает». Насыщенное красное «Ch teau Plain-Point» с богатым букетом ароматов юго-запада Франции неповторимо с красным мясом и зелеными сырами. Это вино не купишь в магазинах, оно расходуется по конкретным заказчикам, включая самых высокопоставленных в стране. Но если вам доведется оказаться севернее Либуерна в деревне Saint-Aignan близ Фронсака, спросите Ch teau Plain-Point, и там вы сможете приобрести сказочный фронсак прямо из погребов Мишеля.

Продолжение следует. ▣

Бордоле – земля целого семейства высоких вин, относящихся к бордоским: медок, сент-эмильон, помроль, кадийяк, марго, грав, фронсак, сотерн и еще ряд других АОС. Самое же распространенное наименование в регионе – бордо (Bordeaux).

Мы любим Индию за знаменитое кино, в котором все танцуют и поют, сказку о Маугли и благовония. Несмотря на успех «Миллионера из трущоб», любим на расстоянии: массовый российский турист Индии избегает – мол, сплошная грязь и очевидное отсутствие цивилизованного сервиса.

Фото
Алексей
Коньков

Текст
Надежда
Панченко

Но есть люди, которые всякий более-менее продолжительный отрезок свободного времени проводят в Индии. Эта страна притягивает – там другая энергетика, другое настроение. Индия учит европейцев спокойствию. Аборигены, в отличие от вечно спешащих людей Запада, живут расслабленно и непосредственно, как дети.

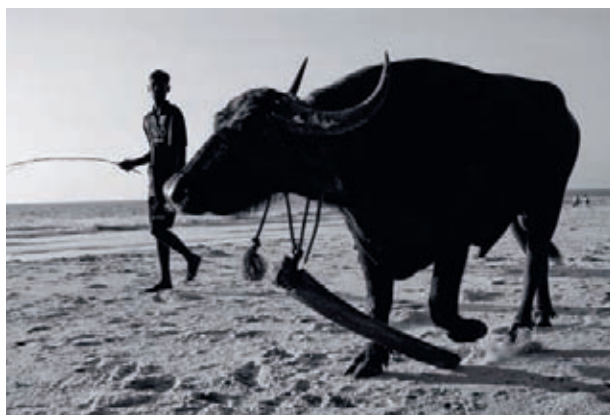

ИНДИЯ

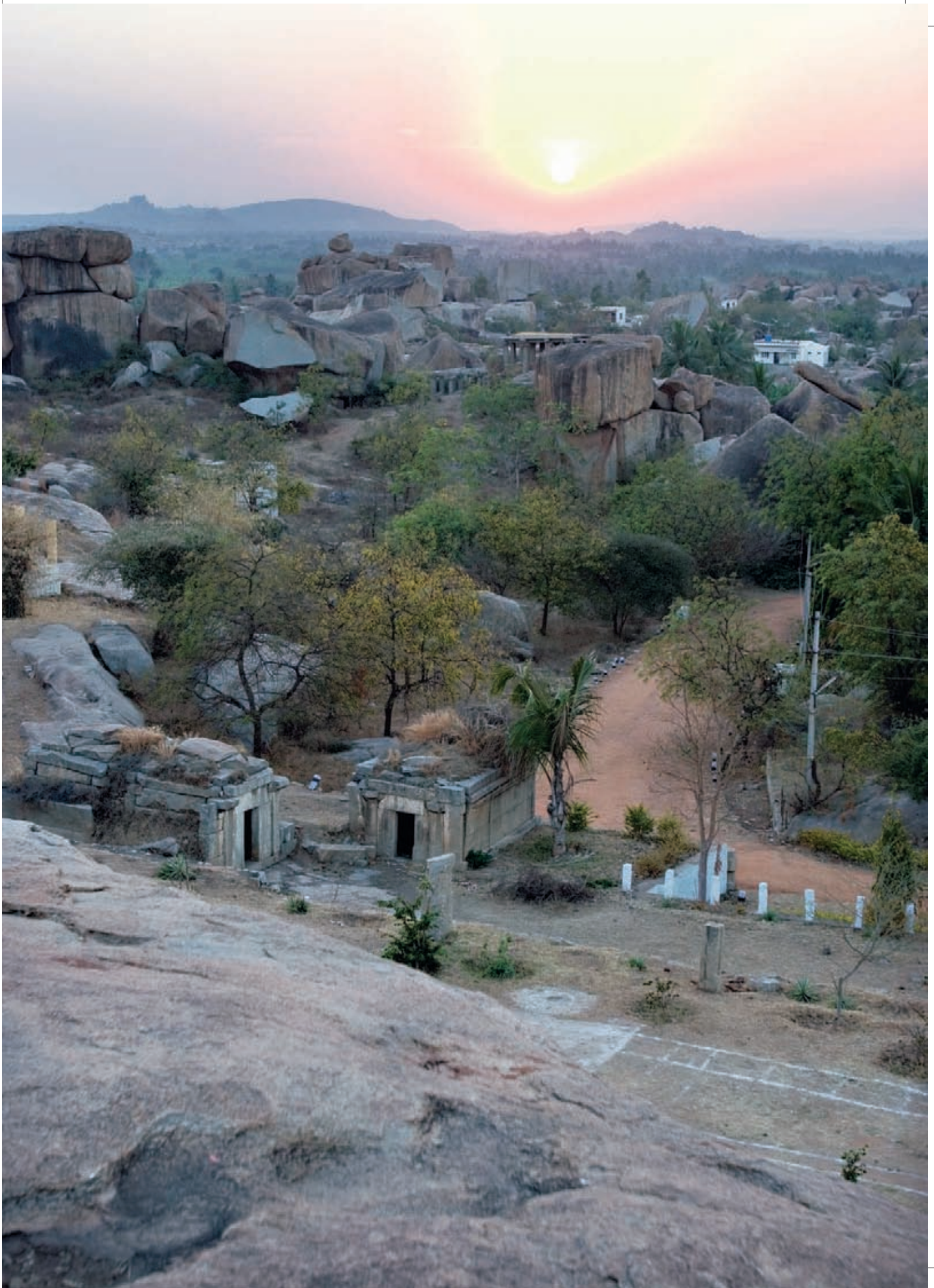
А уж непосредственное индийских детей на Земле попросту никого нет! Доброжелательность и хорошее настроение людей, живущих в картонной коробке, ошеломляет. Да, бедность и убожество. Да, коровы по улицам ходят. Но не в этом счастье... Счастье в том, чтобы попасть в эту страну, где никто никуда не торопится. Седобородый дед неспешно прихлебывает масалу – напиток из трав на молоке, который индусы пьют вместо чая, – чинно сидя на корточках, прямо на дороге. Дорога идет мимо старинных храмов, которые сменяют странные низенькие постройки...

Ведомые национальным стремлением обрести истину, русские стремятся побывать в ашрумах – своеобразных лагерях мудрости, которые вырастают вокруг места жительства какого-нибудь гуру. Правда, передвижение по Индии на поезде – занятие не для слабонервных. Но посмотреть всю страну нужно обязательно. Блеск и нищета, бедные кварталы и величественный Тадж Махал. Дели и космополитичный Бомбей. Бесконечные золотые пляжи Гоа. Каждый открывает свою собственную Индию и обретает там что-то свое. You are welcome!

«Русский на чужой стороне»

Текст
Ирина
Опимах

Основатель русского импрессионизма, посвятивший все свое творчество воспеванию красоты жизни, природы, человека, однажды сказал: «Я люблю хорошие вещи: искусство, дружбу, солнце». Солнцем, истинным искусством и любовью к русской природе пропитаны все его полотна. Он был, по словам А.Н. Бенуа, «типичнейшим русским человеком», а вот умереть ему пришлось во Франции...

Константин Коровин родился 23 ноября 1861 года. Его отец, Алексей Михайлович, происходил из московской купеческой семьи, где понимали важность хорошего образования, а потому отец художника закончил университет. Мать художника увлекалась игрой на арфе и неплохо рисовала акварелью. Глядя на нее, начал рисовать и маленький Костя.

Детство художника прошло в Москве, в доме деда, хозяина «извоза». Когда Косте исполнилось десять лет, на смену ямщикам пришла железная дорога, и дед разорился. Всему семейству пришлось перебраться в деревню, под Москву, в Большие Мытищи. Костя уже в пятнадцать лет вносил серьезный вклад в бюджет семьи – давал уроки рисования.

В 1875 году он поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, сначала на архитектурное отделение, а потом перешел на живопись. Его учителями стали великие художники – И.М. Прянишников, В.Г. Перов, В.Е. Маковский, А.К.Саврасов. Косте Коровину особенно удавались пейзажи. Он внимательно прислушивался к советам учителя Саврасова, который говорил: «Ступайте в Сокольники – фиалки

уже распустились!... Нет, это не совсем то. Как вам сказать? Вы не влюблены в природу!.. Пишите этюды, изучайте, главное, чувствуйте!» Эти слова учителя Коровин помнил всю жизнь. Он научился у Саврасова главному – чувствовать природу и передавать свой восторг на полотне.

Вместе с Коровиным в классе Саврасова занимался и Исаак Левитан. Они стали настоящими друзьями – на всю жизнь.

Когда Косте было двадцать лет, его отец, Алексей Михайлович, в полном отчаянии оттого, что не может обеспечить семье достойный уровень жизни, покончил с собой. Константин тяжело переживал смерть отца и никогда ни с кем не обсуждал его уход, даже с самыми близкими друзьями. Более того, он сочинил рассказ «Смерть отца», в котором отец умирал достойно, как полагается христианину, от болезни, в своей постели. В дальнейшем Коровин, по характеру балагур, весельчак, любивший и умевший пошутить, порой впадал в глубокую депрессию.

Когда в училище появился новый преподаватель – Виктор Поленов, тонкий, лиричный, думающий художник – он сразу заметил одаренного студента. Поленов проявлял поистине отеческую заботу о

Валентин Серов.
Портрет
К.А.Коровина.

юноше, к тому времени оставшемуся без отца. Именно от Polenova Костя впервые услышал об импрессионистах. Его сразу же увлекли идеи французских художников, и в картинах появились движения воздуха, мерцание света, ощущение застывшего, но движущегося времени.

В 1883 году Коровин написал «Портрет хористки». Тут уже есть игра света на лицах и блики на шляпке, и краски платья. В этой работе нет психологической глубины, здесь главное – поэтический образ, блестяще удавшийся Коровину.

Однако московские художники не оценили работы молодого коллеги. Даже Polenov выразил свое неудовольствие, указав на «небрежность исполнения». Один лишь Репин дал иную оценку, но тоже весьма неоднозначную. «Это живопись для живописи только. Такое бывает позволительно испанцу, но русскому – к чему это?» «Портрет хористки» стал первым импрессионистским полотном в русском искусстве. Прошло несколько лет, Коровин приехал в Париж, увидел работы Мане, Моне, Ренуара, и многое ему стало понятно. «Импрессионисты... У них нашел я все то, за что так ругали меня дома, в Москве».

Коровин и в литературе был поразительно талантлив – его истории пропитаны ароматом эпохи, образами замечательных русских актеров, художников, писателей.

В 1885 году в жизни Коровина произошло важнейшее событие – Polenov познакомил его с Саввой Мамонтовым, московским промышленником, известным своими художественными увлечениями и поддержкой молодых талантов. Мамонтов обожал все, связанное с искусством, да и сам пробовал заниматься музыкой, поэзией и скульптурой. В его имение Абрамцево любили приезжать артисты, поэты, художники. Там можно было встретить Репина и Васнецова, Шаляпина и Станиславского. В этом кругу умных и талантливых людей Коровина приняли сразу и полюбили.

Серов и Коровин много и с удовольствием трудились вместе. Вместе писали большую картину «Хождение Христа по водам» для костромской церкви Космы и Дамиана, вместе ездили на Север,

откуда Коровин привез цикл замечательных картин.

В 1885 году Мамонтов увлекся оперой, да настолько, что организовал настоящий театр – Частную оперу. На ее сцене пел перемаженный из Петербурга Шаляпин, ставились – впервые! – оперы «Хованщина» Мусоргского и «Садко» Римского-Корсакова, а декорации и костюмы придумывали Поленов и Васнецов. Однажды Мамонтов, задумав поставить «Аиду», предложил написать декорации Коровину.

Здесь же, в театре, художник встретил певицу Анну Фидлер, которая в 1897 году родила ему сына Алексея. Они долгое время жили тайно, и официально оформили отношения только после рождения сына. Это был не очень счастливый брак – жена не понимала Коровина, не понимала его преданности искусству. «Я одинок. Поймите, я одинок!» – признавался он друзьям. Но и ей приходилось нелегко – Коровин часто увлекался женщинами и вел свободный образ жизни. Единственное, что спасало этот брак, – сын, которого Коровин любил невероятно.

В 1899 году Мамонтов, обвиненный в растрате, попал под суд. И хотя потом его оправдали, Частная опера прекратила свое

существование. Коровин, уже навсегда заблывший театром, устроился художником-оформителем московской конторы императорских театров и стал работать в Большом театре, а в 1910 году был даже назначен главным декоратором и художником – консультантом императорских театров.

С 1901 года начинается преподавательская деятельность Коровина – вместе с Серовым его приглашают в Московское училище живописи. Там друзья снова были вместе: Коровин учил студентов видеть цвет, Серов – чувствовать форму.

Первая мировая война, революция, политические события, происходившие в стране, отрицательно сказались на быте и настроении художника. Один за другим умирали самые близкие, самые лучшие друзья – сначала Левитан, потом Врубель, Серов... Коровин пытался найти отвлечение – стал председателем Союза пластических искусств, членом Особого совещания по делам искусств, членом президиума Совета Организаций художников Москвы. Однако эта бурная деятельность не принесла ему ни материальной обеспеченности, ни душевного удовлетворения.

В попытках спастись от голода и разрухи, царивших в Москве, художник с семьей уехал в Тверскую губернию, в село Удомля – там продукты были значительно дешевле. Но сыну-инвалиду (в 1914 году ему перерезало обе ноги трамваем), страдавшему от своего убожества и не раз покушавшемуся на свою жизнь, требовались хорошие протезы, а у Анны открылся туберкулез. Художник отправился за границу, надеясь, что скоро вернется в Россию.

Коровины поселились в Париже, который раньше так нравился художнику. Но теперь все изменилось. Здесь не было никого, кого он любил – все друзья остались далеко, и он чувствовал себя во Франции чужим.

Однако нужно было зарабатывать деньги, и Коровин старался делать что-то для театра – оформил балет для гастролей Анны Павловой в Ковент-Гардене, оперу «Золотой петушок» для туринского театра, «Севильского цирюльника», в котором пел Шаляпин, гастролирующий в США и Англии. Но денег все равно катастрофически не хватало. Однажды дочь Шаляпина Ирина зашла к Коровину. «То, что предстало моим глазам, потрясло, – вспоминала она. – ... Сырая комната, в углу кровать, задернутая пологом, несколько стульев».

Впереди – еще четырнадцать лет такого безрадостного, одинокого, беспросветного существования... Картины продавались плохо, художника часто обманывали

Портрет артистки Т.С. Любавич. 1880-е годы.

«Пристань
в Гурзуфе»
1914.

(«Я никакой не коммерсант», – писал он в письме к приятелю). А однажды, пообещав устроить выставку, у Коровина украли более десятка картин...

В 1925 году его сын Алексей снова попытался покончить жизнь самоубийством, и отец, стараясь вывести его из депрессии, начал рассказывать о том, как он жил в России, о далеких счастливых годах юности, о друзьях. У него всегда был дар рассказчика, а позже художник решил записывать свои воспоминания. Как оказалось, Коровин и в литературе был поразительно талантлив – его истории пропитаны ароматом эпохи, образами замечательных русских актеров, художников, писателей. Когда художник серьезно заболел, и стоять у мольберта стало трудно, он целиком погрузился в литературный труд. «Был я болен, живописью заниматься не мог, лежал в постели. И стал писать пером – рассказы. Закрывая глаза, я видел Россию, ее дивную природу, людей русских, любимых мною друзей, чудиков, добрых и так себе – со всячинкой, которых любил, из которых «иных уж нет, а те далече». ... И они оживали в моем воображении». В одном из парижских еженедельников появляются его воспоминания о Чехове, затем – о Врубеле, Головине, а потом пошли и рассказы, были, сказки...

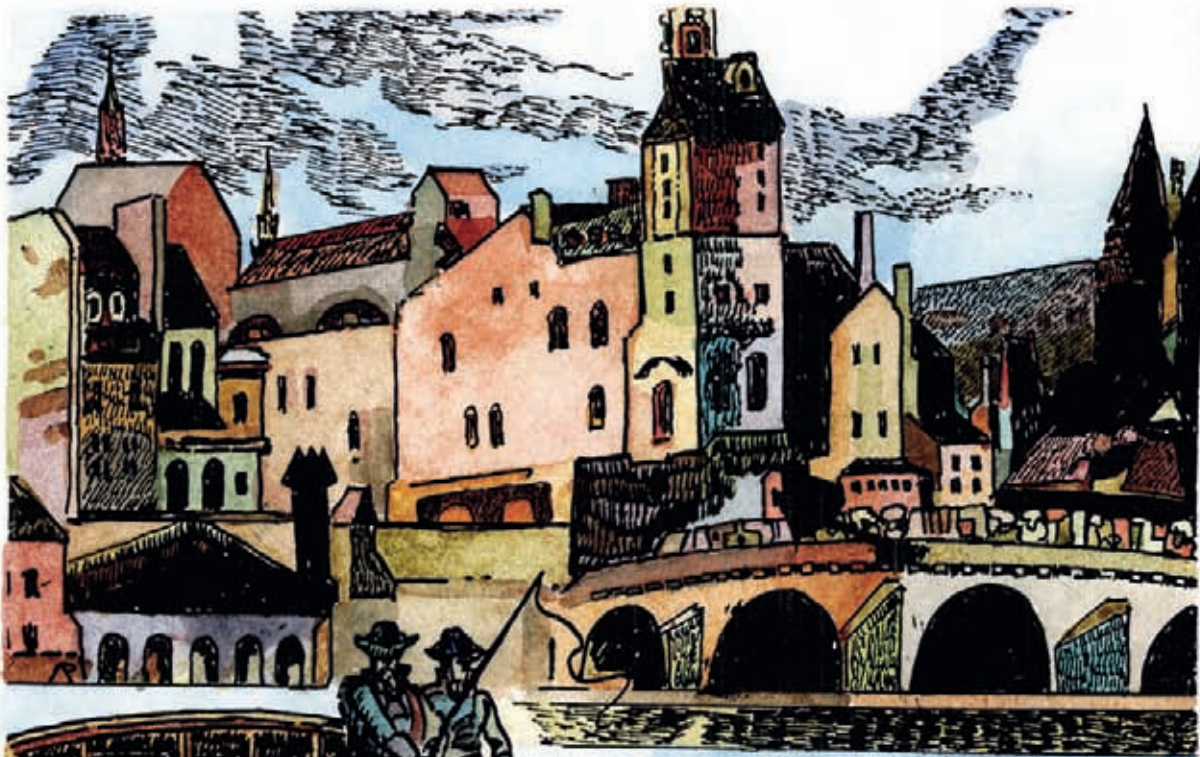
Между тем, в Париже прошли персональные выставки художника, его работы выставлялись в разных европейских городах, но все это не приносило материального благополучия. Когда-то Коровин любил писать Париж, а под конец жизни на его полотнах все больше возникали картин

Когда-то Коровин любил писать Париж, а под конец жизни на его полотнах все больше возникали картины далекой Родины. Он работал, как проклятый, надеясь собрать денег для возвращения в Россию, но...

далекой Нодины. Он работал, как проклятый, надеясь собрать денег для возвращения в Россию, но...

Константина Коровина не стало 11 ноября 1939 года. Похоронили этого «русского до мозга костей человека на чужой стороне» (А.Бенуа) на парижском кладбище Бийанкур.

Жизнь Константина Коровина сложилась трудно – в ней были трагедии, бедность, неудачный брак, неприятие со стороны собратьев-художников, революция, война, эмиграция, одиночество и невыносимая тоска по Родине. Однако и в живописи, и в литературе он воспевал красоту природы, радость бытия, солнечный свет. Как ему это удавалось? Ответ – в обаянии удивительной, светлой, талантливой личности Коровина. «Сколько в нем было прелести, природного прельщения! Он притягивал к себе, и так хотелось ближе с ним сойтись!» – писал А. Бенуа. Сделать это можно и сейчас, спустя десятилетия после смерти художника, – стоит только взглянуть в его полотна или почитать его удивительные рассказы... ☞

Королева Анна русская

В некотором царстве, некотором государстве жили три красавицы-принцессы, дочери великого государя. Пришло время выдавать их замуж. Старшая вышла за короля венгерского, средняя – за короля норвежского, а младшая – за короля французского, и правила она Францией после смерти своего супруга...

В это трудно поверить, но речь идет о русских княжнах – Анастасии, Елизавете и Анне, дочерях великого князя киевского Ярослава Мудрого, при котором Русь считалась могучим государством, и правители других стран искали с ней союза – военного или, еще лучше, брачного.

Сам Ярослав женился по чисто государственным соображениям – на шведской принцессе Ингигерде, принявшей в православии имя Ирины, которая родила ему шестерых сыновей и трех дочерей.

И сыновей своих Ярослав женил не на русских красавицах, а на иноземных принцессах. Дочерей он также хотел выдать замуж за великих государей, только никак не мог подыскать достойных такой чести.

И тут вмешался случай. Да не один раз, а дважды. При киевском дворе нашел убежище венгерский королевич Андрей. Убежище нашел, а сердце потерял: похитила его старшая княжна, белокурая и смешливая Анастасия. Отец любви их не препятствовал, поставил только одно условие: Андрей должен вернуть себе отцовский трон. Вот как станет королем Венгрии – милости просим, засылай сватов.

Андрею ничего не оставалось делать, как постараться выполнить условие будущего тестя. Трех лет не прошло, как стал он венгерским королем, и прекрасная Анастасия отправилась в славный город Буду, чтобы разделить мадьярский трон со своим избранником.

Средняя сестра, надменная Елизавета, которую киевляне за стройный стан прозвали Шелковинкой, долго ждала своего счастья, пока в нее не влюбился бежавший из своей страны под защиту киевских дружин молодой королевич – норвежец Гарольд. И ему пришлось отправиться в дальний

поход, чтобы мечом завоевать не только трон и богатство, но и сердце своей избранницы. Елизавета стала его женой и королевой, и вместе они основали город Осло.

Оставалась младшая сестра – Анна. Ее руки попросил король Франции Генрих Первый, но... получил отказ. Киевский великий князь не увидел в этом союзе никакой выгоды для Руси. Королевство небольшое, вассалы в нем – непокорные, соседи – злейшие враги. Нет, Анна достойна лучшей доли. Но от судьбы не уйдешь. Через некоторое время французский король вторично послал сватов. Сделал он это не потому, что безумно любил Анну, – он даже представления не имел, как она выглядит, – а потому, что больше жениться ему было... не на ком. Со всеми в Европе он был в дальнем или близком родстве, а римская церковь запрещала браки между родственниками до седьмого колена. Вот и пришлось Генриху искать невесту в тридцатом государстве, в Рабации, как тогда называли Русь европейцы.

Второе сватовство оказалось удачным. Ярослав благословил Анну на брак с Генрихом, дал ей богатое приданое и отправил дочь с подобающими ей почетом и свитой во Францию.

Невеста короля должна была сначала прибыть в Реймс, где вот уже почти тысячу лет, со времен Хлодвига, короновались все французские монархи. А вот церемония королевского бракосочетания совершалась здесь впервые. И впервые в истории Франции должна была состояться коронация королевской супруги. До Анны ни одна французская королева не удостоилась подобной чести.

В Реймсе Анна стала королевой Франции и супругой Генриха. Через год после свадьбы, в 1052 году, Анна родила сына – здорового и крикливого

Текст
Светлана
Бестужева-Лада

Рисунок
Роман
Львов

младенца. Советники короля, явившись в опочивальню к Анне, после обязательных поздравлений сказали:

- Король прислал нас узнать, как хочешь ты, чтобы нарекли новорожденного.
- Филиппом, – неожиданно ответила Анна.
- Но почему? – изумились советники. – Ни один французский король не носил такого имени. Ты могла бы наречь своего сына Робером, в память о его славном деде, или Гуго...
- Робером я назову второго сына, – отрезала Анна.

Против ожидания, король не рассердился и не удивился, а только расхохотался:

- Так Робером она хочет назвать второго сына? Прекрасно! Превосходно! Не успела родить одного, как собирается подарить другого! Бог благословил наш брак, это очевидно. А сына пусть назовут Филиппом, лишь бы французская корона прочно держалась у него на голове.

После Филиппа у королевской четы родился сын, которого назвали Робером, а еще год спустя – третий сын, Гуго. Генрих не уставал благодарить Бога за то, что тот послал ему такую супругу: добродетельную, плодовитую и... очень умную. В отличие от короля, Анна умела и читать, и писать. Генрих же вместо

подписи под всеми документами ставил так называемый «сигнум» – латинскую букву S, перечеркнутую кривой палочкой. Он и не заметил, когда королева начала ставить под его подпись – «Анна Регина»...

– Что это значит? – осведомился он у супруги, когда впервые увидел эти два слова.

– Это значит: «Анна королева». Пройдут века... Когда-нибудь люди удивятся этой подписи и будут спрашивать себя: что за странная королева была во Франции...

Генрих на это ничего не ответил. Он уже привык к тому, что Анна стала его главным советником в государственных делах.

Слух об уме и удивительной образованности французской королевы распространился по всей Европе. Сам папа римский Николай II писал ей в 1059 году:

«Слух о ваших добродетелях, восхитительная дева, дошел до наших ушей, и с великой

радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным усердием и замечательным умом».

В том же 1059 году Генрих решил заблаговременно короновать своего старшего сына Филиппа, дабы упрочить его права на французский престол. Хотя Филиппу едва исполнилось восемь, древний обряд совершили полностью.

И потекли годы. Анна родила еще одного ребенка – дочь Эмму, которая, впрочем, скончалась почти сразу после рождения. И второй сын Робер тоже умер. Анна горько оплакивала своих детей, но еще горше плакала в тот день, когда из далекой Руси пришла к ней весть о том, что и мать ее, и отец скончались, а братья никак не могут поделить оставшееся после Ярослава Мудрого богатое наследство.

«Теперь у меня уже нет иной родины, кроме Франции, – думала Анна. – Никогда я не вернусь в Киев, не увижу его храмы... Да и прежнего Киева, наверняка, уже нет: все изменила жестокая междоусобица братьев...»

Наверное, именно в этот день Анна решила построить во Франции монастырь, который хоть немного напоминал бы ей об оставленной Руси, и самолично вложила первый камень в основание женского монастыря Святого Винсента в Санлисе.

Увы, супружеское счастье Анны оказалось недолговечным. Король Генрих скончался, оставив ее вдовой и регентшей при десятилетнем Филиппе.

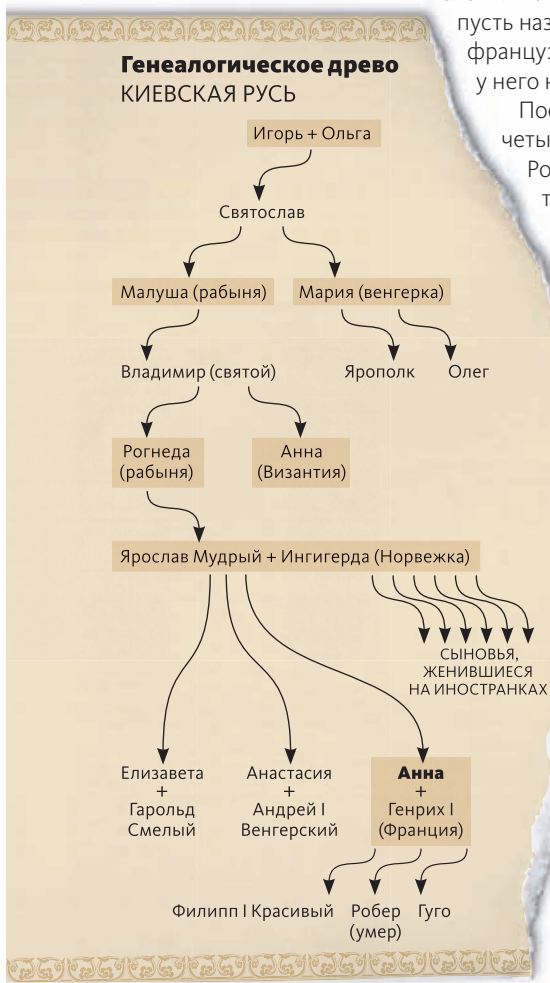
Страна спокойно приняла нового повелителя, не смущаясь ни его юностью, ни тем, что его мать была иностранкой. Анну почитали и любили, как никакую другую из королев. А сам Филипп очень рано стал проявлять способности к управлению и стремление к самостоятельности.

И Анна пошла навстречу его пожеланиям. Едва королю исполнилось пятнадцать, вдовствующая королева стала почти все время проводить в Санлисе, под тем предлогом, что хочет передать новому монастырю часть своих владений.

В Париж Анна писала, что новый монастырь требует ее постоянного присутствия. Филиппу было безразлично: у его матери было свое немалое состояние, и она вольна была тратить его так, как ей заблагорассудится. И тут произошло событие, разом перевернувшее и монотонную жизнь Анны, и почти молитвенное отношение к ней французов.

Недалеко от Санлиса в своем замке проживал граф Рауль де Крепи. При жизни короля Генриха он был одним из самых своевольных и необузданных его вассалов, и король очень опасался, что после его смерти граф поднимет мятеж: ведь граф де Крепи происходил по побочной линии от самого Карла Великого, то есть принадлежал к прошлой королевской династии Каролингов.

Но того, что случилось, Генрих предвидеть никак не мог. Граф де Крепи без памяти влюбился во все еще прекрасную королеву. Так влюбился,

что обвинил свою законную супругу Алиенору Амьенскую в супружеской измене и приказал ей удалиться в какой-нибудь монастырь, замаливать грехи.

Развод, кстати, мог дать только папа Римский, но граф де Крепи был выше подобных мелочей. Избавившись от нелюбимой супруги, Рауль поскакал в Санлис, где королева Анна ежедневно наблюдала за строительными работами.

Особенно ее занимал труд одного каменотеса, ваявшего на каменной плите женскую фигуру. Это было ее собственное изображение, предназначенное для украшения портала монастыря. В руках она держала подобие храма, как бы напоминая о том, кто повелел его построить.

Наглядевшись на зодчих, Анна обычно уходила в небольшую рощицу, почему-то напоминавшую ей окрестности далекого и любимого Киева. Там она часами могла следить за птицами на деревьях или за бегущей светлой и чистой водой небольшой речушки.

И вот однажды эта идиллия была нарушена конским топотом. Не успела Анна понять, что происходит, как сильные руки подхватили ее и посадили на коня, впереди всадника, которым был... разумеется, граф де Крепи!

Граф привез прекрасную пленницу не в замок, а прямо в замковую часовню, и потребовал, чтобы кюре немедленно обвенчал их. Сеньор де Крепи был полновластным хозяином в своих владениях, так что, из часовни Анна вышла уже не вдовствующей королевой, а новой графиней де Крепи.

И очень счастливой женщиной, потому что давно уже тайно любила этого властного красавца.

Злосчастная Алиенора напрасно писала в Ватикан, новый Папа Римский Александр напрасно присылал нечестивому графу грозные письма и даже отлучил его от церкви, что в те времена было страшнейшим наказанием для доброго христианина. Раулю были безразличны и Папа, и святая церковь, и вообще весь мир... кроме его возлюбленной Анны.

Король Филипп отнесся к новому замужеству матери совершенно равнодушно, но не позволял никому ее осуждать: несмотря на свое стремление к независимости, он с детских лет привык считать, что все поступки Анны – правильны и разумны. Более того, он приблизил к себе графа де Крепи, который стал его надежнейшей опорой. Молодой король был мудр не по годам – достойный внук своего прославленного русского деда.

Союз этот оказался удивительно прочным и гармоничным. Целых двенадцать лет графиня де Крепи прожила в радости и покое.

В 1072 году она плакала от счастья на свадьбе старшего сына: Филипп женился на Берте Голландской. Анна увидела рождение двух своих старших внуков – Людовика, будущего короля, и Генриха. Но принимать участие в их воспитании ей почти не приходилось, ибо молодая королева Берта ревновала к свекрови и старалась держать ее подальше от своего супруга-короля.

Но мать по-прежнему была ему нужна. Только с Анной король Филипп мог обсуждать самые важные государственные вопросы, только ее советам он доверял. Доказательство тому – подпись Анны на многих документах той поры.

«Анна Регина» значится под подписью короля Филиппа, для которого она по-прежнему оставалась королевой, хотя и считалась всего лишь графиней де Крепи.

Последняя такая подпись Анны относится к 1075 году. За год до этого скоропостижно скончался граф Рауль – и свет жизни померк для нее. Пасынок, ставший теперь могущественным графом де Крепи, ненавидел мачеху, и Анне пришлось вернуться в Париж – к сыновьям.

Ей было около пятидесяти лет – старость для женщины тех времен, но она по-прежнему выглядела молодой и прекрасной. Только не осталось уже никого, кого бы радовали эти красота и молодость. И все чаще она оставалась одна в огромном королевском дворце.

Филипп любил ездить по стране и подолгу отсутствовал. Гуго женился на богатой наследнице, дочери графа Вермандуа, чтобы узаконить захват этих земель, и перебрался в ее замок.

Никому теперь не было дела до королевы, и навеки ушли в прошлое годы, когда люди считали

«Теперь у меня уже нет иной родины, кроме Франции, – думала Анна. – Никогда я не вернусь в Киев, не увижу его храмы... Да и прежнего Киева, наверняка, уже нет: все изменила жестокая междоусобица братьев...»

Анну счастливой, любовались ее красотой и надеялись, что она будет не такая, как другие.

Она и была – другой. Она была первой и последней русской принцессой, вышедшей замуж за самого знатного из французских сеньоров – самого короля. Имена сотен французских королей затерялись во мраке истории, но Анну Русскую французы запомнили навсегда.

О смерти Анны ничего достоверно не известно. Одни историки утверждают, что она всего лишь на год пережила своего второго супруга и тихо угасла в отдаленном покое королевского дворца. Другие же – что королева Анна вернулась на Родину в Киев, и следы ее там окончательно затерялись. Третьи полагают, что она дожила до глубокой старости в своем любимом Санлисе и похоронена там же, на кладбище при монастыре.

Во всяком случае, в соборе Санлиса до сих пор можно видеть статую королевы, которая держит в руках Евангелие. То самое, называемое ныне «Реймское Евангелие», которое Анна привезла из Киева с собой во Францию, и на котором давали клятву все короли, начиная с Филиппа I и заканчивая последними Бурбонами.

Наши за границей

Сергей Милич Рафальский родился в августе 1896 года в семье священника в селе Холоневе Волынской губернии. В 1914 году он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а весной 1917 года перевелся в Киевский университет. В том же году он вступил в партию «Народной свободы» и принимал участие в Гражданской войне в рядах Добровольческой армии генерала Врангеля.

В 1922 году Рафальский уехал в Прагу, где сразу же начал активно заниматься общественной деятельностью – основал «Скит поэтов», стал сотрудником Института изучения России и печатался в русскоязычных эмигрантских журналах: «Сполохи», «Воля России», «Перезвон».

В 1929 году он переехал в Париж, где продолжал заниматься литературой. Журналы «Грани» и «Возрождение» охотно печатали его стихи и поэзию.

До последних дней оставаясь прекрасным поэтом, публицистом и писателем, Сергей Рафальский скончался в Париже в ноябре 1981 года. Уже после смерти увидели свет две его книги: «За чертой», которая была издана в Париже, и «Что было и чего не было» – в Лондоне.

Александр Петрович спал. Вернее, не спал, а лежал с закрытыми глазами, не торопясь переходить окончательно из блаженного полубытия дремы в неутешительную действительность...

Как раз подошел мертвый сезон и очередной министерский кризис – большие магазины прекратили все закупки и мастерские распускали рабочих.

В результате, вот уже второй месяц Александр Петрович находился на отмени прочной безработицы и до истощения слушал утреннюю переключку хозяек по этажам.

Он подумал о самом простом выходе из положения: попытаться найти работу – затосковал и стал одеваться.

В дверь настойчиво постучали. Александр Петрович открыл ее, принял пневматичку и разорвал конверт.

«Дорогой Александр Петрович, – писал его преуспевающий знакомый Иван Матвеевич Секирин. – Намечается возможность устроить вас рассылным в одну французскую контору. Постарайтесь сегодня зайти к нам»...

Поспешно одевшись, Александр Петрович отправился по указанному адресу...

Квартира Ивана Матвеевича находилась в большом новом доме и – в свое время – поражала посетителей странной мебелировкой. В двух комнатах – спальне

Рисунок
Лев
Рябинин

и столовой – стояли ультрасовременные кровати, шкафы, столы, столики и стулья. В прихожей всю стену занимало зеркало из толстого стекла, освещенное отраженным светом; в спальне лежал ковер в стиле раннего кубизма, на котором почему-то ни за что не хотела ступать Буба, пока она была маленькой, а в столовой над буфетом красовалось даже панно, столь сюрреалистическое, что при взгляде на него мгновенно теряли аппетит многие чистые сердцем посетители. Зато в третьей комнате – гостиной – не было ничего. Даже обоев не было. Только разноцветный мяч Бубы да стоптанные туфли самого хозяина свидетельствовали о том, что и сюда иногда заходят люди.

Каждый раз, показывая квартиру новому человеку, Иван Матвеевич неизменно вводил гостя и в пустую комнату.

– А здесь у нас будет гостиная! – говорил он, слегка конфузясь, и советовался насчет цвета обоев.

Пустая комната служила как бы ключом ко всей жизни и личности Ивана Матвеевича. Переступив ее порог, гость начинал понимать, почему в столовой, над оригинальным столом с верхней доской, покрытой плитками тонкой керамики, – на куцем обрывке кабеля болтается единственная лампа в абажуре из универмага; почему в спальне, перед туалетным столиком, украшенным прибором для маникюра с нефритовыми ручками, в качестве сиденья сложены стопкой старые – чуть ли не Константинопольские еще – чемоданы, кокетливо покрытые пестрой вязаной кофтой самой хозяйки; почему, наконец, на карнизах дремучая пыль, а пылесосом забавляется маленькая Буба.

Вырвавшись из эмигрантской нищеты на простор коммерческих удач, Иван Матвеевич немедленно снял квартиру, в рассрочку обставил две комнаты, а когда дошел до третьей, убедился, что с новым положением пришли и новые привычки и что денег решительно не хватало не только на ежемесячные взносы за мебель, пылесос и неизвестно зачем взятую французскую энциклопедию в полужокожных переплетах, но даже, порой, на газ и электричество. Русская душа не могла уйти в подполье мелкого мещанского расчета, и эмигрантский стиль постепенно овладевал барской квартирой.

Японские сервизы, населявшие буфеты из экзотического дерева, перешли в сорный ящик и заменились стаканами из-под горчицы, вазы для фруктов исчезли без замены, энциклопедия недоуменно пылилась на своей полке, пылесос

перешел в окончательное ведение Бубы, и каждого гостя обсасывал с головы до ног, а пустая комната была предоставлена самой себе.

Если телесные потребности таким образом несколько утеснялись, то запросы духа удовлетворялись вполне: гость шел табуном и встречал прием царский; время от времени происходили компанейские выезды в ночной Париж, и время от времени Иван Матвеевич напивался до споров «о Боге и загробной жизни» и до любимой песни о «двенадцати разбойничках», исполнявшейся весьма пронзительным соло – включительно.

Между хозяевами и гостями в этом доме установились своеобразные договорные отношения: и гости, и хозяйева приходили и уходили, когда хотели и не всегда одновременно. Случалось, что досужий посетитель, раза три безответно нажав кнопку звонка, лез под коврик – за ключом, открывал дверь, входил в квартиру, наполнял ванну теплой водой, раздевался и – захватив с буфета неизменно бытующую там газету и папиросы – предавался сладостному кайфу. Возвратившиеся хозяйева, заметив на кожаном кресле аккуратно сложенный пиджак и несвежий галстук, догадывались, в чем дело – через закрытую дверь ванной здоровались с гостем, обменивались новостями, а иногда и ругались за то, что гость не догадался сварить кофе и выкурил все папиросы. Один шутник уверял даже, что именно так – через дверь ванной – он впервые познакомился с Иваном Матвеевичем и Лидией Васильевной и получил жестокий разнос за то, что не взял к чаю слоеных пирожков из духовки, хотя чай пил не он, а предыдущий и тоже неизвестный посетитель.

В табельные дни, которые у Ивана Матвеевича не всегда совпадали с календарными и располагались в году весьма капризно, запоздавший гость уже в лифте слышал повесть о жизни атамана Кудеяра, исполнявшуюся в квартире Ивана Матвеевича таким усердным и таким нестройным хором, как будто бы там действительно пировали двенадцать разбойников, во всяком случае – музыкальных разбойников.

К полуночи веселье в квартире Секириных разворачивалось во всю необъятную русскую ширь... «Атаман Кудеяр» гремел уже совсем по-разбойничьи; верхние, нижние и боковые жильцы – мелкобуржуазные французские мещане – настойчиво и безуспешно колотили в стены, пол и потолок. Сам Иван Матвеевич на воображаемой эстраде, в углу между

двумя буфетами, исполнял с салфеткой танец «умирающего лебедя» и требовал шампанского, чтобы выпить из туфельки двоюродной сестры Лидии Васильевны, к которой явно был неравнодушен. Что происходило потом – все обычно вспоминали по-разному, если вообще были в состоянии что-либо вспомнить. И случилось, что мало привычный к нравам этой странной квартиры посетитель, просыпаясь на другой день после «великого радения», дико таращил глаза, так как вместо привычной обстановки видел себя в совершенно пустой голой комнате, на разостланном прямо на полу тюфяке, в тесном соседстве с полужнакомыми – а то и вовсе незнакомыми – бурно храпящими людьми... В прихожей трещал звонок, гудел пылесос, и Буба голосом озабоченной хозяйки говорила кому-то:

– Папа – в конторе, мама – на базаре, а дома только я и пьяные.

– Папа – в конторе, мама – на базаре, а дома только я и пьяные.

Шли, однако, годы, и эмиграция стала уставать и стареть. Постепенно стихая, замолкли в Париже русские политические диспуты. Где-то – в глубине – еще гнездились неунывающие политики, однако на общественной поверхности над ними не было даже пузырей – они боялись публично раскрыть рот... Газеты и журналы, не смирившись в борьбе с большевистским злом, тем не менее, заполнялись мемуарами (о встрече с царским поездом на станции Раздельная или матросом Железняком – в кулуарах Учредительного Собрания), советами молодым хозяйкам (как выводить веснушки при помощи вульгарной пареной репы) и литературными опусами безнадежно начинающих или безнадежно кончающих авторов.

На собраниях вместо упорных (но бесплодных) споров – Монархия или Республика? – трактовались преимущественно вопросы богословские, исторические, охотничьи и эротические. Диалектический материализм сим нимало не ущерблялся, но зато необычно повышался общеобразовательный уровень дам первого канонического возраста, густо заселявших первые ряды всех лекционных залов... Мало-помалу свелись к необходимому минимуму бесчисленные

эмигрантские балы, но краковяк, польку-коклетку и мазурку новым поколениям передать не удалось. Сгорали, как свечи, русские рестораны и кабаки, замолкали струнные оркестры и хоры, старели и обращались в «пару гнедых» некогда лихие кельнерши. Один раз поставивши чеховский водевиль, на долгие месяцы пропал русский театр. Так что, если бы не «День Непримиримости» и не «День Скорби» и не балалаечный оркестр корпуса имени Императора Николая Второго – можно было бы поклясться, что политической эмиграции больше не существует. Только одни отцы духовные работали, не покладая рук, предавая земле и первоходников, и второпходников, и просто беспородников, начавших уже сдаваться в смертный плен массами.

Из веселой банды привычных гостей Ивана Матвеевича одни навсегда переехали в известный русский мавзолей под Парижем, другие перешли исключительно на «Виши» и «Витель», третьи остепенелись – копили деньги, либо с головой увязли во всяких благочестивых чудачествах и маньячествах: ели только сырую морковь с медом, спали – из боязни «элементалов» – наглухо законопатив окна, ходили в антропософское общество, изучали йогу и совершенствовались до того, что их собственные жены обивали пороги возможных покровителей, чтоб как можно скорей распределить мужей по старческим домам.

И в квартире Ивана Матвеевича произошли разительные перемены: Лидия Васильевна с помощью добровольцев из уцелевших старых друзей оклеила знаменитую комнату общечеловеческими обоями, собрала – с бору да с сосенки – нужную мебель и поселила там Бубу, ставшую уже студенткой. Дочь пламенного русского патриота и монархиста предпочитала, кстати сказать, в обиходе французскую речь и на родном языке изъяснялась немногим лучше барабанщика Великой армии, взятого в плен под Смоленском и пробывшего год в качестве гвернера при детях помещика-западника.

И сам Иван Матвеевич с войной очень переменялся. В 1941 году он был, конечно, за немцев. «Лучше потерять несколько губерний, чем всю Россию», – повторял он чей-то бойкий афоризм и – по вечерам – старательно штудировал конспект административного права, видимо, готовясь к служению в масштабе – по меньшей мере – губернском.

Однако рассказы друзей, уехавших переводчиками на фронт, очень скоро

убедили его, что чуму холерой не лечат и что немцы не то что в масштабе губернского, но даже волостном собираются править сами... С другой стороны – введение чинов, орденов, погон, гвардейских частей, суворовского и кутузовского шефства и культа – всего того, что с детского детства Иван Матвеевич привык считать сущностью народной культуры и высшим устремлением каждого порядочного человека – окончательно повернуло его лицом к востоку. Так что, к тому времени, когда Красные Маршалы, последний раз показавшие, что Большие Каптаны обычно начинают родословные, а не заключают их – стальной метлой вымели из Советского Союза остатки самой замечательной когда-либо осуществившихся в истории армий – Иван Матвеевич был уже вполне сформировавшимся советским патриотом. Если еще при немцах он порой укрывал у себя беглых «остов» – то после Освобождения его квартира стала почти гостиницей, в которой с утра до вечера толклись разные советские люди. Было тут всякой твари по паре, но, преимущественно, активисты из «вывезенных» во Францию на работу, убежавших из плена и отсиживавшихся вместе с французскими партизанами в Альпах, и, наконец, вновь подъехавшие чиновники полпредства и репатриационной комиссии. И с легендарным гостеприимством Иван Матвеевич улаживал всех, как мог. Надо сказать, что в этом своем новом воплощении он был совершенно одинок. Буба, родившаяся, выросшая, воспитывавшаяся во Франции, и старых знакомых своего отца порой – про себя – величала «соважами», а на новых совершенно откровенно смотрела, как на временно выпущенных из цирка обезьян, которые уже, правда, умеют взять вилку в руку, но что с ней делать – не вполне уверены.

А ее мать, исполняя ради мужа, которому всегда была верной женой, обязанности приветливой хозяйки – в душе носила холод и отвращение.

Еще в институте она привыкла считать мерзостью все связанное с революцией, однако ряд последовательных и весьма своевременных эвакуаций спас ее от многообещающей перспективы оказаться лицом к лицу с большевиками. Зато теперь – по воле Ивана Матвеевича – этот недостаток ее жизненного опыта восполнялся со щедростью царской. И старые дрожжи заработали вовсю. Вдобавок и новых впечатлений было сколько угодно. Все ее советские гости – в большинстве из «пастушьего

университета» – были начисто лишены той слегка жеманной вежливости простолудинов, которая запомнилась Лидии Васильевне по ее детству в имении.

И вдобавок ей неоднократно случилось невольно подслушать, как они говорили друг другу о Секириных: «Важно живут, буржуи! Сколько народного золота вывезли, значит, сволочи, из России!»

Само собой разумеется, что возвращаться на Родину, как о том мечтал Иван Матвеевич, Лидия Васильевна никак не хотела и, человек верующий, жарко молила Бога, чтобы Он просветил ее с ума сошедшего супруга. Однако все складывалось так, что Секирин, как муха в меду, увязал в своей мечте все глубже.

В Европе и вообще в мире стало неприличным не восторгаться Советским Союзом и его героическими народами; сгибающиеся под тяжестью орденов Маршалы украшали страницы каждого порядочного журнала; радио, граммофоны, эстрадные певцы, уличные мальчиш-

– Ага, – торжествующе сказал кому-то Александр Петрович и прибавил несколько выражений, в светских писаниях обычно заменяемых многоточием.

ки – рычали, пели и свистели песенку сибирских партизан, и даже эмигрантские дубы, покоряясь дыханию времени, тростинками согнулись у полпредского подъезда.

Но – пути Господни неисповедимы...

Как-то раз к Секириным зашел старший лейтенант в огромных золотых погонах с малиновым просветом. Был он много взрослее своего чина и производил впечатление человека, пережившего в жизни не одну судьбу. Кряжистый, но без тяжести, коротко подстриженный, он чем-то настойчиво напоминал храбрых матросов гвардейского экипажа, которых, в бытность юнкером, Иван Матвеевич неоднократно встречал на улицах столицы... При лейтенанте вся банда обычных гостей очень присмирела, и Ивану Матвеевичу показалось, что и тот третирует прочих не без полуоткровенного презрения. Во всяком случае – ужинать остался он один. Пока Лидия Васильевна разворачивалась в своей кулинарной лаборатории, Иван Матвеевич пригласил гостя воспользоваться ванной, на что тот

милоливо согласился. Кайфовал он на лоне буржуазного комфорта очень долго и вышел только, когда стали накрывать на стол

Вышел распаренный, разомлевший, покрасневший и сказал, довольно звонко хлопнув в ладоши и потирая руки: «Освежился на большой палец! Здорово помылся! Конечно, у нас в Советском Союзе ванны обычно куда лучше, но и эта за себя постоит!»

При этом он метнул в Ивана Матвеевича взглядом странным. За ужином было выпито довольно много, но все обошлось более чем благополучно, так как оказалось, что гость и хозяин в гражданскую войну часто находились друг против друга. И боевые воспоминания затянулись до полуночи.

К последнему метро Иван Матвеевич вышел проводить своего гостя. В противном мелком дождике оба подняли воротники пальто и довольно долго шли молча.

– Так ты хочешь возвращаться на Родину? – спросил вдруг лейтенант непохожим голосом.

Иван Матвеевич поморщился: по гусарской природе он не любил амикошонства и, чтоб поставить гостя на место, не поворачивая головы, ответил, упирая на «вы» – я уже имел честь вам докладывать, что собираюсь взять паспорт и уехать, по возможности, с первой группой.

– Чего ж тебе здесь не хватает, хлюст белогвардейский! Корабля с мачтами?

Как будто натолкнувшись на фонарный столб, Иван Матвеевич отшатнулся, остановился, повернулся и ударился о побелевшие от бешеной ненависти глаза своего гостя.

– Куда тебя несет, сволочь пухлая! – шипел тот, наступая на Ивана Матвеевича, как кобра на колибри. – На Родину? А ты знаешь, хрен маринованный, где твоя Родина? Под землей твоя Родина! Все там – и твои офицеры, и мои командиры, и твои крестьяне, и мои колхозники – все! Вот какая у нас ванна в Советском Союзе – из чистой крови! А если ты вернешься, гнида белая, я сам на тебя, как на шпиона, донесу!

И вдруг – странно икнув – стремглав бросился в метро.

Иван Матвеевич остался стоять, прислонившись к стенке, и колени его било мелкой дрожью, как в тот приснопамятный день под Святым Крестом, когда рядом разорвавшийся снаряд снес его с седла наповал убитой лошади, и кое-как выпутавшись из стремян, он, наконец, с трудом поднялся на ноги. Он никому

ни звуком не заикнулся о происшествии этой ночи, но, как воздух из шины наехавшего на случайный гвоздь велосипеда, возвращенческий пафос из него начисто вышел.

Лидия Васильевна, в конце концов, заметила, что ее молитва услышана, и служила благодарственные молебны у иконы своего любимого святого – Серафима Саровского за то, что тот упросил Бога снять с мозгов Ивана Матвеевича красный дурман.

Но каждая палка бывает о двух концах: если чересчур решительно лечат ревматизм – рискуют подорвать сердце или печень... Так вышло и у Лидии Васильевны... Когда советские гости уехали – Иван Матвеевич оказался перед пустотой, которую, оставаясь в семье, заполнить не умел.

Возвращаться к веселым довоенным безумствам было невозможно: друзья то посolidнели, то впали в инвалидность, выросла дочь, остепенилась и ударились в благочестие жена.

И Секирин отбилась от дома... Иногда появлялся только ночевать, иногда не появлялся совсем. Бывшая всю жизнь ему отменной подругой – Лидия Васильевна и этот новый крест свой понесла с трогательной простотой и благородством и даже как будто никак не изменилась в отношениях с мужем и посторонними, только ее красивые и – как полагается украинским – слегка печальные глаза загрузтели еще больше. От ранней седины она засияла таким закатным, аристократическим, версальским очарованием, что остаточные селадоны из старых друзей, сломя голову, бросились на штурм ее добродетели, но были отбиты с превеликим уроном.

Иван Матвеевич знал обо всем этом. «Моя жена – ангел, – сказал он кому-то в минуту откровения, – но что поделаешь, если мне в раю скучно». Не принимая утешения от чужаков, Лидия Васильевна нашла его в Боге. Вопреки всеобщему дамскому поветрию, духовником своим она избрала не великолепного отца Аполлодора, который, состоя в свое время в пехоте, говорил, грассируя совершенно по-гвардейски, и в разговоре с духовными дочерьми неизменно применял возложение рук, отечески похлопывая собеседниц по их прелестным пальчикам, плечикам и коленкам (что было ближе). И так пачками обращал к Богу преимущественно красивых женщин, справедливо рассудив, что уродки уже ipso facto от греха отстранены и направлены к спасению. Несколько раз убрав колени

из-под его благословляющих рук, Лидия Васильевна, в конце концов, предпочла ему батюшку менее увлеченного своим апостолом. Никакими особыми достоинствами он не отличался и благочестием не избыточествовал, но именно его невыразительность и устраивала Лидию Васильевну – священник и все тут. С ним, по крайней мере, грехов не прибавишь...

Когда Александр Петрович позвонил у безмолвной теперь двери Ивана Матвеевича, ему открыла Буба и с приветливой французской улыбкой номер первый сказала:

– Bonsoir, monsieur Александр Петрович! Идите, пожалуйста.

И на вопрос, дома ли Иван Матвеевич, ответила с улыбкой номер второй – более интимной и чуть-чуть лукавой:

– Нет, папа не дома. Но он обещался сегодня бывать к ужину. Вы можете подождать...

Глядя на ее красивые и совершенно – как безоблачное небо – пустые глаза, Александр Петрович подумал, что, пожалуй, правы сплетники, уверяющие, будто она с хладнокровием, ловкостью и расчетливостью, в таком возрасте почти невероятными, обирает «в сухую» сверстника и товарища Ивана Матвеевича по корпусу, разбогатевшего во время войны малярного подрядчика Марлевского. В столовой – не слишком эффектная в туалете собственной конструкции – Лидия Васильевна вела разговор о нуждах сестричества святой равноапостольной княгини Ольги со своим батюшкой, веселым старичком, одетым относительно опрятно, без того налета «На дне» Горького, который почему-то свойствен костюму большинства русских священников за границей.

Рядом с отцом Дмитрием сидел член приходского совета. Это был, по эмигрантским понятиям, еще совсем молодой мужчина, рыжебородый, плотный, в сером костюме с очень настойчивым – по цвету и рисунку – галстуком из искусственного шелка. В лице его было что-то такое, чего обычно не замечается у людей, не имевших счастья прожить под мудрой властью марксистских благодетелей: какая-то противоестественная померь притаившегося под кустом зайца с готовящейся к прыжку из-за того же куста рысью.

Представившись обществу и включившись в беседу, Александр Петрович все время – по возможности, незаметно – разглядывал рыжего и пытался вспомнить, где он его видел – и в этом не успел

никак. Однако тревожное ощущение какого-то неблагополучия оставалось, и память продолжала лихорадочно перебирать свои картотеки.

Когда Буба в хозяйственном передничке, пикантная, как опереточная субретка, стала накрывать на стол, Александр Петрович, взглянув на часы, сообщил, что Иван Матвеевич и на этот раз надул – уже своих домашних – и что лучше будет пойти поесть просто к себе: рыжий почему-то нестерпимо раздражал. Сославшись на свое безработное положение и неотложные дела, Александр Петрович поцеловал все еще прелестную ручку Лидии Васильевны, подошел под благословение к отцу Дмитрию и вяло подержал свою ладонь в могоучей длани рыжего.

Провожая его до дверей, Буба сказала ему с улыбкой номер третий, загадочной, как Джоконда:

– Если вы прохаживаетесь по Montparnasse, папа иногда там остается долго... с клиентами!..

«А чем черт не шутит... – думал, выходя на улицу, Александр Петрович. – Может, и вправду стоит поехать еще раз на Монпарнас?»

Он спустился в метро, придерживаясь за перила, а где их не было, – просто за стенку.

«Вот наш нацмен, – бормотал он, широко жестикулируя в бесконечном и в этот час почти пустом коридоре, – он и обмеривает, и обвешивает, и обсчитывает... Общеизвестный разбойник!.. Перед ним самый лихой европейский спекулянт – Франциск Ассизский... Но когда хозяин не заплатит... или без работы – придешь к нему: Ной Ноич! Дайте в долг! По-жа-луйста!.. Никогда не отказывает... Никогда!.. И никогда не пристает с ножом к горлу: плати!.. Другая земля его вскормила... Воздух другой!.. Воздух!..»

Александр Петрович демонстративно вздохнул полной грудью и вдруг заметил, что для самого себя неожиданно и не вполне понятно как очутился в вагоне и что от его монолога веселят и начинают переглядываться сидящие и стоящие в разных углах полусонные полуночники.

Не желая отдавать на посрамление лучшие проявления своей души, Александр Петрович взял себя в руки, замолчал и принял вид интеллигентный. И это было тем более кстати, что его стало укачивать и где-то под ложечкой возник томительный комочек... Однако родная станция пришла раньше возможных физиологических последствий. С помощью явно сочувственного кондуктора

Александр Петрович выбрался из вагона и, не теряя контакта со стенкой, поплелся по неизбежному коридору. По дороге он чуть было не лег костями на движущейся лестнице – как только проклятая машина полезла вверх – в том же ритме в пищеводе стал подыматься роковой комок. Еле удержав его затиснутыми зубами, вспотев от катастрофических предчувствий, Александр Петрович шагнул с последней ступеньки на неподвижный пол и – опасно споткнувшись, со всей еще доступной ему поспешностью метнулся к выходу.

Относительно свежий воздух городской ночи несколько ослабил его напряженное состояние, но все-таки никакому сомнению не подлежало, что наша планета сорвалась со своей оси и болтается кое-как в мировом пространстве. Желая найти верную точку опоры в окружающем беспутстве, Александр Петрович, широко раскинув руки, причалил к обозначавшему автобусную остановку столбу и, как потерпевший кораблекрушение Робинзон на неожиданном острове, счастливо вздохнул и возблагодарил Провидение...

Вместе с покоем пришли и прежние мысли.

«Конечно, мы – сволочь! – соглашался Александр Петрович, крепко обнимая дружески безмолвствующий столб. – Конечно, мы – сволочь, – продолжал он, несколько отклоняясь от столба. – Конечно, сволочь, но в нас все-таки есть какая-то такая хреновинка, которой ни Толстому, ни Достоевскому, ни старому, ни новому строю до конца выявить не удалось... Быть может, из нее ни черта не получится, а может быть, выйдет и черт-те что!.. Мы – сволочь, но все-таки мы – человеки, че-ло-ве-ки!.. А вы... – И Александр Петрович двинулся дальше.

До его дома оставалось не так уж много, но произвольные зигзаги увеличили почти вдвое эту короткую прогулку и помогли ночной прохладе еще более снизить давление алкогольных паров в черепной коробке грешника. Страх перед консержкой сделал остальное, так что, по своей лестнице Александр Петрович подымался почти как ни в чем не бывало, сознательно старался не шуметь (в чем отчасти и преуспел) и даже в замочную скважину ключом изловчился попасть всего на четвертой попытке... Под дверь лежало письмо. По маркам – семисвечник и свиток торы – нетрудно было догадаться, что писал Саул Харитонович и писал, как выяснилось, весьма основательно: на четырех убористых страницах.

Читать все сейчас же – «в доску» – Александр Петрович, быть может, и хотел бы, но не мог. Поэтому, хватая кое-как пятное через десятое, сообразил, что «святой Ерушалайми» – как и все на этом свете – издали куда привлекательнее, чем вблизи, и заглянул в конец.

«А за молодежь, – кокетничая одесским жаргоном, сбоку страницы приписывал Саул Харитонович, – вы можете себе видеть наших местечковых еврейчиков собирающимися взорвать Советское Консульство, чтобы вызвать «Третью мировую» и под шумок создать Великий Израиль «от моря – до моря»? А? Что? Нет, дорогой Александр Петрович! Если бы было не то, что есть, а то, что мы хотели бы, чтобы оно было – так лучше Аккермана и не найти... Особенный еврейско-русский воздух! Блажен, кто им когда-нибудь дышал!..»

– Ага, – торжествуя сказал кому-то Александр Петрович и прибавил несколько выражений, в светских писаниях обычно заменяемых многоточием. Затем сел на кровать и стал расшнуровывать тесноватые ботинки. Это нехитрое дело – при некоторых обстоятельствах – способно обращаться в Сизифов труд, так что, когда второй ботинок, вдребезги разгромив неврастенически чуткий сон нижнего жильца, грохнулся на пол, Александр Петрович почувствовал, что окончательно устал от условностей цивилизации, и, как был – в полной амуниции, в позе гоголевского удалца на пыльной улице Вольной Сечи Запорожской, – раскинулся на постели. ☛

Печатается по рукописи, хранящейся в отделе рукописей Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей России.

Тэа Тауэнтцин

Любовь моя последняя

Перевод с немецкого Нелли Березиной

– Черт меня подери, если я вру, господин комиссар, – говорил хозяин бара «Бонбоньерка».

У него – невыразительное одутловатое лицо с хитрыми глазами, грубо очерченным ртом и боксерским носом. Костюм в яркую клетку, галстук и шелковая рубашка выглядят дорогими, на мизинце – кольцо с бриллиантом.

Вчера он был в Регенсбурге на свадьбе, поэтому Фрайтаг не мог его разыскать.

Сегодня же вечером в баре было почти пусто, и на танцплощадке никого. Два длинноволосых молодых официанта слонялись в глубине бара, а четверо музыкантов сонно настраивали свои инструменты. Жизнь здесь просыпалась после девяти.

– Какое мне дело до Осси Шмерля? – продолжал хозяин бара. – Ради этого висельника давать ложные показания? Да упаси меня Боже! Вон там, на том стуле, – воскликнул он и показал коротким толстым указательным пальцем на красный табурет у стойки. – Вот тут он сидел как приклеенный до четырех утра. Опрокинул от пяти до десяти двойных.

– Двойных чего?

– Виски, пожалуй. Барменша скажет точнее.

Где-то без четверти пять вошел Шутцманн, и мы все вместе отправились домой. Шутцманн подтверждает это.

Фрайтаг отмахнулся:

– Мне это ничего не даст. То, что Шмерль позавчера ночью был здесь, не вызывает у меня сомнений. Я хотел бы знать, от которого и до которого часа он был в баре, а не как долго.

Хозяин возмущенно вскинул руки.

– Мы же не отмечаем по секундомеру, господин комиссар, когда гость приходит и уходит. Полагаю, Шмерль пришел где-то между двумя и половиной третьего. Ахенваль был уже здесь, и...

– Ахенваль? – удивился Фрайтаг.

– Да, и довольно долго. А потом они о чем-то спорили.

– Что вы называете спором?

– Если у одного одно мнение, а у другого другое... Но в таких случаях я никогда не слушаю. Может, Додо знает больше?

– Кто это – Додо?

– Барменша. Должна вот-вот придти. Ахенваль покинул бар довольно разозленный, а Шмерль остался. Тут, на этом табурете. И в этом я могу поклясться. Не из симпатии к Шмерлю, а потому, что так и было. Шмерль никак не мог убить Ахенваля, тот ушел отсюда живехонький. А Шмерль до пяти не сдвинулся с места.

– За что, собственно, Шмерль дал вам пятьсот марок?

– На пропой, на что же еще? Или вы думаете, что за ложное показание? Пять сотен? Вы меня плохо знаете...

– Что значит «на пропой»? – холодно переспросил Фрайтаг. – Он был вам должен?

– Должен? Шмерль? Да я ему полпорции в долг не дам. Таким людям я кредитов не даю. За него всегда платил Ахенваль. Но позавчера Шмерль дал мне пятьсот марок на хранение. Он был уже совсем хорош и думал, что может потерять эти деньги.

– У него еще были деньги?

– Откуда мне знать, господин комиссар?

В этот момент дверь бара распахнулась настежь, и в зал стремительно вбежала какая-то женщина.

– А вот и Додо.

Барменша выглядела почти солидно, как стенографистка в каком-нибудь финансовом учреждении. Серая шляпа, серое пальто, никакой

Иллюстрация
Лев
Рябинин

косметики. Она энергичным шагом подошла к ним и, когда Фрайтаг объяснил ей, в чем дело, она тут же схватила суть.

– Да, правильно... пришел около двух, а Ахенваль был уже тут. Ахенваль пил шампанское, а Осси Шмерль сразу заказал виски...

– Сколько он выпил?

– Восемь двойных.

– Ну, что я говорил, – ухмыльнулся хозяин.

Барменша села за стойку и открыла сумочку.

– Они спорили из-за денег. И еще, Шмерль говорил о женщине, которая пошла в отель. И из-за этого не получилось какое-то дело.

– Какое дело? – перебил барменшу Фрайтаг.

– Об этом они не говорили. Шмерль только все время повторял, что он не виноват, и дело сорвалось, потому что она пошла в гостиницу.

– Он называл имена?

– Нет, все время говорил «она». Якобы она пошла в отель, и он ничего не смог сделать. Ахенваль дал ему какое-то поручение. Может, Шмерль должен был наблюдать за этой женщиной, а она сбежала от него в отель? Я не знаю. Во всяком случае, Ахенваль был взбешен и требовал назад свои деньги.

– Сколько он ему дал?

– Об этом они не говорили. Шмерль сказал, что деньги сейчас не у него, он их унес, и из-за этого-то они и поругались. Ахенваль обругал Шмерля, правда, не громко, а так, сквозь зубы.

– А что он говорил?

– Называл трусливым псом и растяпой, тряпкой, и все такое. А в конце сказал: «Слушай, ты, жулик, ты специально прибрал денежки, потому что знаешь, что больше от меня не получишь ни гроша...» Потом он ушел, и это все, господин комиссар. Так и думала, что вы здесь обязательно появитесь.

– А почему вы так думали?

– Место, где убитого видели в последний раз, всегда интересует полицию, не так ли?

Фрайтаг ничего не ответил, лишь щелкнул зажигалкой и поднес ее к сигарете, которую барменша вытащила из сумочки.

Вскоре полицейские покинули бар, и Дундалек сел за руль полицейского автомобиля.

– Во всяком случае, мы теперь можем обвинить нашего маленького Осси в попытке убийства.

– А как вы это докажете? – безучастно спросил Фрайтаг. Его мысли были где-то далеко отсюда.

– На основании показаний барменши.

Шмерль должен был убить жену Ахенваля и получил за это от него деньги. Ясно, как Божий день. Или вы в этом сомневаетесь, господин комиссар?

– Нисколько не сомневаюсь. Наверняка, так и было. Вот только доказать это мы не можем.

– Почему?

– Разве прозвучало чье-то имя? Разве шла речь об убийстве? Оба ругались из-за денег и из-за какого-то дела, которое не выгорело.

– Потому что женщина ушла в отель. Женщина – конечно, Этта Ахенваль.

Шмерль был на стройке, собирался залезть на

балкон. В последний момент его застучала соседка. Ахенваль назвал его потом трусливым псом. Я не вижу, как Осси сможет выкрутиться. Он должен объяснить, что делал на стройке. И тут он здорово вляпался.

– Он вляпался уже давно, – вздохнув, произнес Фрайтаг. – Дундалек, нам придется отпустить его. Разве вы этого не понимаете? Он скажет нам, что Ахенваль поручил ему только следить за его женой. И как мы опровергнем его слова?

– Если как следует надавить...

– Да ладно, Шмерль – не младенец. Он уже все продумал. И нам придется проглотить все, что он подбросит. В конце концов, убита была не Этта Ахенваль, а ее муж. И на волосок от смерти оказалась Лора Фройдберг.

– А что с ней, господин комиссар? Вы что-нибудь знаете? Она выживет?

– Надеюсь. Удар был не таким сильным, какой получил Ахенваль.

– Но допрашивать ее пока нельзя?

– Вряд ли... У нее высокая температура, и угроза для жизни остается. Главное сейчас, чтобы об этом никто не узнал. Убийца должен быть уверен, что она мертва.

В понедельник утром Осси Шмерль вернулся после двухдневного ареста в свою квартиру.

В маленькой спальне было все так же небрежно, как и перед арестом. Он только заглянул туда и сразу же направился в ателье. Там пахло пылью, пустотой и тридцатью увядающими розами в напольной вазе. Осси открыл узкий шкаф – белый пеньюар исчез, несессер из крокодиловой кожи тоже. Наверняка полиция перевернула все сверху донизу.

Он опустил в темно-вишневое кресло. Что теперь делать с его свободой? В камере было едва ли не лучше. Там с ним считались, приносили еду, он видел людей, слышал человеческие звуки. Здесь же он мог умереть, и ни одна собака не подумала бы о нем.

Печальные мысли перебил звонок в дверь его квартиры.

Осси поднялся с кресла и пошел открывать.

Это была Рут. Вся с ног до головы в черном, и черный капюшон надвинут на лоб.

– Входи, Рут. Хороршо, что ты пришла. Я как раз готов покончить с собой.

– Это чувствуется. – Рут, не раздеваясь, села на стул и откинула капюшон.

– Итак, Осси, что же произошло? – Тут она заметила зияющий пустотой открытый шкаф. – Полиция забрала вещи?

– Сначала они забрали меня, – с досадой в голосе ответил Осси. – Потом вещи. Ищут отпечатки пальцев.

– Ну, и? Мы же с Романом часто бывали у тебя. Разве ты им не сказал?

– Конечно, сказал.

– А еще что ты им сказал?

– Ничего. Ни одного имени, ничего... Гвидо

был моим другом и часто бывал здесь с вами и другими знакомыми. Я еще сказал, что он часто бывал здесь в мое отсутствие. Понимаешь?

– С Лорой?

– Так думает Фрайтаг, потому что он нашел фотografiю. А я не помешал ему так думать. Он сразу пронюхал, что ателье оборудовал Гвидо.

– Это трудно доказать. Все счета выставлены на твое имя. А если и.... Почему он тебя арестовал?

– Почему? Потому что я был на стройке. И потому, что потерял там пуговицу от пальто.

Черные глаза Рут сузились.

– Ты был на стройке?

– Да, но не в половине третьего, когда убили Гвидо, а без четверти два. После этого я еще встретился с Гвидо в «Бонбоньерке».

– А что ты делал на стройке?

– Оставь, Рут. Все кончено. Гвидо мертв. Я его не убивал, и ты тоже нет. Я только хотел бы узнать, кто же все-таки убил его?

Неожиданно Рут вскочила со стула. В ее черных глазах тлели маленькие зловещие огоньки, как у дикого зверька.

– То, что его убила Этта, для меня было ясно с самого начала. Это не мог быть никто другой. Она ненавидела его. Ненавидела хладнокровно и до уничтожения. Я всегда говорила Гвидо, чтобы он ее остерегался. Почему ты ему не помог? Ведь ты был его лучшим другом. – Выпрямившись во весь рост, она стояла перед Осси, закутанная в свое пальто, как в грозное облако, и смотрела на него сверху вниз.

Осси слегка втянул голову в плечи.

– Рут, будь благоразумна. Как я ему мог помочь? Разве я был с ним, когда...

Рут отвернулась от него и забегала по комнате, как по клетке

– У нее черствости – на десяток мужиков, знаю я этих белокурых бестий... И она еще отвертится, скажет, что это была самооборона.

– Это понятно... А почему Гвидо поднялся домой через балкон?

Рут нетерпеливо отмахнулась.

– Причем у нее столько бесстыдства, что хочется дать по морде... С утра до вечера разгуливает теперь с этим Виктором, ездит с ним за город, наряжается, как кукла, надевает самые дорогие платья. А Роман – такой осел!

– А что Роман?

– Он, конечно, на стороне своей любимой кузины. Ты же его знаешь... Этта для Романа – неземное существо. Ах, мне все это так действует на нервы, Осси. Но цыплят по осени считают. Я скоро опять приду. Только Роман ничего об этом знать не должен.

И Рут ушла, громко захлопнув за собой дверь.

Харальд фон Фройдберг спустился вниз из пансиона, погруженный в свои мысли. Он полчас прождал у закрытой двери комнаты Рут и даже немного поговорил с сестрой Маргой.

– Все, что я могу вам сказать, господин

Фройдберг, это то, что ваша жена звонила сюда в субботу пять раз...

– Из Зальцбурга?

– Да, из Зальцбурга. На пятый раз она, наконец, дозвонилась и поговорила с Рут. Но о чем, я, конечно, не знаю.

– И вы не знаете, была ли моя жена здесь?

– К сожалению, нет... Видите ли, такие вещи мы не контролируем. У нас каждый живет в своих четырех стенах так обособленно, как в своей собственной квартире. Мы не интересуемся, кто приходит или уходит...

Ждать Фройдбергу больше не хотелось.

Медленно, шаг за шагом, он преодолел последние ступеньки, все еще безотчетно надеясь на встречу с Рут.

И она, действительно, появилась. Увидев его, Рут с испугом отскочила назад и громко вскрикнула. Фройдберг растерянно посмотрел на нее.

– Да что случилось, Рут? Ты же совсем...

– Я... Я думала, что ты уже далеко, за семью морями...

– Что это значит? Почему за семью морями?

Рут понемногу справилась с собой.

– Никто не мог тебя найти. Где же ты был?

– На Альме... У друзей Хайнца Цирша. А что? Кто меня искал?

– Тебя ищет полиция, Харальд... Они думают, что ты сбежал.

– Я? Сбежал?

– Из-за убийства Гвидо Ахенваля.

– Да это же смешно! Какая может быть связь между мной и убийством?

– Я не знаю, Харальд... Но тебе надо пойти в полицию...

– Меня не интересует Гвидо Ахенваль, – резко выкрикнул он. – Я хочу знать, что с Лорой... Она была у тебя? В Зальцбурге ее нет. Наша уборщица говорит, что она уехала в субботу. Куда, Рут? Ты должна знать!

Рут опустила голову и ничего не ответила.

– Почему ты не отвечаешь? – набросился на нее Фройдберг. – Вы же в субботу разговаривали по телефону. Что тебе сказала Лора?

– Она хотела приехать в Мюнхен.

– И она приехала?

– Лора мертва, – бесцветным голосом произнесла Рут.

С лица Фройдберга исчезла вся краска.

– Как так мертва? Лора?... Она что-то сделала с собой?

Рут покачала головой.

– Все было так же, как с Гвидо.. Убийство... На том же месте и тем же способом... В квартире Этты.

– Тогда это Этта...

Рут прямо и твердо посмотрела ему в лицо.

– Лора позвонила Этте в субботу в половине пятого и договорилась встретиться с ней в ее квартире. Это все, что я знаю.

Губы Фройдберга превратились в тонкую линию, будто порезанную бритвенным лезвием.

– Это неправда, Рут, ты знаешь больше. Ты знаешь...

Она беспомощно пожала плечами.

– Что ты от меня хочешь, Харальд?.. Я только прошу тебя пойти в полицию. Фрайтаг думает...

– Что думает Фрайтаг?

– Что... что это был ты... Ему приходится так думать. Иди к нему и скажи, где ты был. Иди прямо сейчас...

– Господи... – пробормотал Фройдберг, не в силах сдвинуться с места.

Он обливался потом и чувствовал, что вот-вот боль буквально обрушится на него. Он все еще не осознавал, что Лора мертва ...

Его красный автомобиль был припаркован на другой стороне улицы. Он сел в него и поехал в полицию.

Комиссар Фрайтаг на цыпочках проследовал за главврачом в палату и остановился у двери, которую за ними беззвучно закрыла медсестра.

Профессор Троге, в белом медицинском халате, с прямыми седыми волосами и утонченно-нервным лицом, быстро подошел к кровати, на которой лежала Лора фон Фройдберг.

Она не шевелилась. Голова ее была плотно перевязана, маленькое лицо под повязкой покрыто восковой бледностью, а большие, прозрачные, как горные озера, глаза лихорадочно блестели и бесцельно скользили по белой стене, будто пытались заглянуть за нее.

Профессор Троге осторожно взял руку, лежащую на одеяле, и в тот же момент Лора задвигала сухими губами, и через некоторое время послышалось ее тихое бормотание:

– Харальд невиновен. Это сделала Этта Ахенваль... Радио... музыка... за дверью... она позвала меня... Рут не хотела... из-за Романа... – Так продолжалось три минуты, пять, семь... – Ее письма... конечно, все время только кошечка... Но правда... Я же должна сказать правду, прежде чем... Позовите же его... Мой муж невиновен...

А потом, на восьмой минуте, произошло непредвиденное.

Совершенно неосознанно Фрайтаг сделал шаг в сторону, и вдруг блуждающий взгляд Лоры остановился на... его волосах.

– Харальд, ты пришел, Харальд...

Потрясенный профессор поднял голову, а Фрайтаг прошептал:

– Она путает меня со своим мужем. Из-за цвета волос. У Фройдберга – такой же.

Лицо Лоры начало вздрагивать, от волнения на нем проступили капельки пота.

– Что ты говоришь, Харальд? – выдохнула она слабым голосом. – Я не могу тебя понять... Почему ты так далеко? Подойди же сюда, подойди ко мне, Харальд...

Наступила критическая минута, и Фрайтагу ничего не оставалось, как взять на себя роль, навязанную больной женщиной.

Он взял ее руку и нежно погладил ее.

– Я так счастлива, Харальд... Теперь все будет хорошо. Ты не хотел мне верить... Но умирающие не лгут... Я тебе не изменяла. Я – не котенок. Те письма...

– Те письма? – переспросил Фрайтаг.

– Я их никогда не читала... Я ничего не знаю о любовном гнездышке. Как только ты мог такое обо мне подумать... столько лжи... Гвидо? Ты не убивал его, Харальд. Это была его жена, Этта... Сначала его, потом меня.

– Но Этты не было в квартире.

– Была... Она стояла за дверью.

– За какой дверью?

– В ее квартире... Она впустила меня в дом, а дверь в квартиру была открыта... Я поднялась по лестнице, услышала музыку, а потом голос... «Входите, я в постели...»

– Это был голос Этты Ахенваль?

– Да, да.

– Вы узнали его?

– Да... Но она не лежала в постели... Она стояла за дверью, ждала меня, а потом – потом ударила.

– Как выглядит Этта Ахенваль?

– Блондинка, как и я... Ты же знаешь, Харальд. Мне жаль ее. Может быть, и я могла бы так ненавидеть. Но моя голова! Мне так больно... Останься со мной, Харальд. Они не могут тебя забрать! Я хочу жить, жить! – Лора тяжело вздохнула, и сознание покинуло ее.

– Все, достаточно, – взволнованно проговорил профессор Троге и вызвал медсестру, которая сразу же появилась в палате.

Фрайтагу здесь больше нечего было делать, и он, попрощавшись, удалился.

Он шел по больничному коридору, погруженный в размышления, и даже не заметил своего помощника Дундалека, пока тот не схватил комиссара за руку и указал на высокого рыжеволосого мужчину, стоящего у окна.

– Фройдберг объявился у нас час назад. Его допросил инспектор Борхард и потом послал меня с ним сюда.

– Я скажу ему пару слов, а вы подождите, – кивнул Фрайтаг и подошел к мужчине. – Господин фон Фройдберг?

Тот нервно повернулся к комиссару.

– Что вам угодно?

Фрайтаг слегка улыбнулся.

– Ничего официального, господин Фройдберг. Мы же не монстры... Я только хочу сказать, что у вашей жены дела не так уж и плохи, и ее жизни ничего не грозит. Думаю, вы рады это слышать.

Фройдберг облегченно вздохнул и сразу же стал вежливым.

– Спасибо, господин комиссар, она в сознании?

– Еще не совсем, нужно какое-то время. Поговорите с профессором Троге. Он вам все объяснит. Мне жаль, что мы не сумели предотвратить...

– Вот именно, – перебил его Фройдберг. – Как можно было допустить подобное? Разве квартира не охранялась?

– Для этого не было никакого повода, так как там никто не жил. Ведь госпожа Ахенваль живет в отеле.

– Но она договорилась встретиться с Лорой в своей квартире.

– Вы знали об этом, господин Фройдберг?

– Нет. Мне только что сказала об этом Рут Хинрих.

– Рут Хинрих?

– Да. Я был у нее и хотел узнать, что случилось с моей женой. Я не имел ни малейшего представления о произошедшем и был просто в шоке.

– Что вам рассказала Рут Хинрих?

– Что моя жена мертва, убита... Тем же способом, что и Гвидо Ахенваль. Я сразу помчался в полицию, но сначала мне пришлось ответить на сотню глупых вопросов, прежде чем я узнал, что моя жена осталась в живых. Якобы это нужно сохранять в тайне.

– Правильно. Убийца должен быть уверен в том, что его план удался... Пожалуйста, зайдите потом ко мне еще раз, господин Фройдберг. Осталось несколько вопросов, на которые вы можете мне ответить.

– В любое время в вашем распоряжении, – ответил Фройдберг.

Фрайтаг подошел к своему помощнику.

– Вперед, Дундалек! В гостиницу «Принц Адальберт». А потом в – пансион, где живут Рут Хинрих и Роман Кайзер.

– Будем кого-нибудь брать?

– Лучше всего – всю банду, – недовольно проворчал про себя Фрайтаг.

Они сидели вчетвером в фойе отеля и пили кофе. Рут разломала шоколад на дольки.

– Бери, Этта... Ты же почти ничего не ела.

Но Этта рассеянно помешивала свой кофе и даже не посмотрела на нее.

– Ты же знаешь, Рут, я не люблю его.

– Спасибо, я тоже не хочу, – холодно произнес Виктор. – Я курю..

Рут удивленно подняла брови.

– Вижу, у вас с Эттой одинаковые потребности.

– А какие у Этты потребности?

– Нельзя иметь все на свете. Чем скромнее желания, тем счастливее человек...

За обедом Рут выпила довольно много красного вина, и сейчас находилась в странном взвинченном настроении. Несмотря на это, она успела рассказать о своей встрече с Харальдом Фройдбергом.

– Все-таки Роман прав, это не Харальд. Харальд, определенно, ни о чем не знал, иначе он не вернулся бы.

Вдруг Роман легко коснулся руки Этты.

– Не будь такой убитой, скоро все кончится. Теперь уже недолго, – прошептал он.

– Что недолго?

– Да вся эта неразбериха... Начинается последняя глава. Скоро конец.

– Конеч, – беззвучно повторила

Этта. – Спрашивается только, какой?.. Как это все кончится, Роман?

– С тобой ничего не произойдет, Этта, верь мне. Ты уже заплатила большую цену... И ни за что. Но на этот раз платить будут те, кто виноват.

– Почему вы говорите во множественном числе? Разве был не один? – удивился Виктор.

– И убитый может быть виноватым... – неопределенно проговорил Роман.

У Виктора при этих словах появилось чувство, что Роман знает куда больше, чем говорит.

Рут неожиданно вскочила с места. Ее черные глаза блестели, а нижняя губа гневно дрожала.

– Не знаю, что на тебя сегодня нашло, Роман. Твоя болтовня не имеет смысла. Я знаю, что вы хотите успокоить Этту, но от слов легче не станет!

Роман многозначительно посмотрел на нее.

– Этте не грозит никакая опасность... Она никого не убивала.

– Даже если никого не убивала. Разве ты никогда не слышал о судебных ошибках?

– В этом случае не будет судебной ошибки, дитя мое...

Их разговор прервал неожиданный вой сирены, и все тут же повернулось к окну. К отелю подъехали два полицейских автомобиля.

Виктор заметил, что в глазах Рут вспыхнуло нечто похожее на триумф, а Роман побледнел. Он обнял Этту, как бы желая ее защитить.

– Спокойствие, Этта... Только спокойствие.

Из автомобиля вышли трое полицейских, впереди шагал комиссар Фрайтаг с непроницаемым выражением лица.

– Можно мне поговорить с вами, госпожа Ахенваль?

При этих словах Этта закрыла лицо руками, а Виктор возбужденно спросил:

– Это что, арест? Тогда я должен привлечь адвоката.

Фрайтаг холодно посмотрел на него.

– Мы еще не дошли до этого, доктор Брюль. Об аресте никто ни слова не сказал.

– Разрешите мне сопровождать мою кузину, господин комиссар, – обратился к Фрайтагу Роман.

– Нет никакой необходимости, молодой человек. Мы никуда не уходим из гостиницы... Оставайтесь все на своих местах. Позже я поговорю с каждым из вас.

Этта встала и на несгибающихся ногах последовала за комиссаром в холл.

Они сели за стол у окна, при этом Фрайтаг не спускал с Этты глаз.

– У нас есть новые показания, госпожа Ахенваль. Показания, которые противоречат вашим. Утверждают, что вы находились в своей квартире в то время, когда в субботу после обеда туда пришла госпожа Фройдберг. Вы пришли не тогда, когда она уже была мертва, вы ждали ее там.

– Кто это утверждает? Это ложь! Я ведь ушла отсюда в пять часов.

– Когда вы ушли, меня не интересует. Главное,

что вы были в квартире до госпожи Фройдберг.

– Но я там не была. Иначе бы знала, кто...

– Действительно, тогда вы должны были знать, кто ее убил. Вот и утверждают, что вы это очень хорошо знаете. Согласно показаниям, которыми мы располагаем, вы ждали госпожу Фройдберг в своей квартире. Вы включили музыку и стояли за дверью. А когда госпожа Фройдберг позвонила снизу, вы нажали на кнопку, открывающую входную дверь и одновременно открыли дверь квартиры. Она начала подниматься по лестнице, а вы ей крикнули: «Входите, я лежу в постели». Госпожа Фройдберг и вошла, ничего не подозревая. А когда закрыла за собой дверь, вы ее ударили.

– Я? Ударила?

– Именно так. Что вы на это скажете?

– Если это не злостная ложь, тогда какая-то ошибка... Мой голос никто не мог услышать... Меня не было в квартире, когда пришла госпожа Фройдберг. Я ее не впускала и не говорила, что лежу в постели. И я не стояла за дверью.

– Но кто-то же стоял.

– Это была не я! – в отчаянии крикнула Этта и вдруг выпрямилась. – Может быть, это тот, кто дал такие показания?

– Исключено.

– Тогда мне больше нечего сказать.

– Итак, вы настаиваете на своем показании, данном в субботу после обеда?

Этта кивнула.

– Настаиваю. Я пришла в квартиру, когда госпожа Фройдберг была уже мертва. Она лежала не в прихожей, а там, где вы ее видели. Я ни к чему не прикасалась и сразу позвонила вам... Ничего другого сказать не могу.

Фрайтаг молчал с отсутствующим выражением лица. Через несколько секунд он поднялся.

– Пока все, госпожа Ахенваль... Нам нужны только отпечатки ваших пальцев.

– Отпечатки?

– И не только ваших... Всех. – Фрайтаг повернулся к Дундалеку. – Скажите людям в соседней комнате, что мы все сейчас поедem в отдел криминалистики уголовной полиции.

Этту вели по лабиринту коридоров, ей приходилось ждать то в одной комнате, то в другой, потом у нее сняли отпечатки пальцев. Фрайтаг попрощался с ней кивком головы и передал ее полицейским.

Она не знала, что происходит с Виктором, Романом и Рут. Только мельком услышала, как один полицейский говорил другому:

– Сначала Хинрих... И сразу к доктору

Вуншману.

После того, как ей предложили вымыть руки, Этта подошла к раковине и вдруг расплакалась. По природе она никогда не была малодушной, но сейчас мужество покинуло ее.

Вдруг рядом с раковиной открылась дверь, которую Этта сразу не заметила... Медленно, беззвучно, на маленькую щелочку...

Она затаила дыхание и увидела что-то черное. Может, это пальто Рут?

Да, это была Рут. Она стояла там, за дверью, и горящими глазами смотрела на Этту.

– Что, Этта? – шепнула Рут. – Тебя арестовали?

– Не знаю. Мне еще ничего не сказали... – выдала из себя Этта.

– Идем, быстро! – Рут подняла руку и открыла дверь пошире.

Поколебавшись мгновение, Этта все же решилась и выскользнула в коридор. Они с Рут вернулись за угол, побежали по лестнице... Пересекли двор, площадь...

На углу улицы стояло такси.

– Главный вокзал! – крикнула Рут водителю.

В такси она обняла Этту за плечи.

– Положись на меня... Я все обсудила с Романом. Но мы поговорим об этом на вокзале.

– Роман там?

– Мы увидимся с ним позже.

У вокзала они остановились, вышли из машины и заскочили в закусочную. У Рут был готов план.

– Этта, ты должна на некоторое время исчезнуть. И Роман теперь согласен, что другого выхода нет. Если не сегодня, то завтра тебя арестуют.

– Я знаю, Рут.

– Помнишь, что я сказала перед тем, как объявился Фрайтаг? Что болтовня не имеет никакого смысла, и нам надо подумать, как мы можем тебе помочь... Слава Богу, мы еще не опоздали. Мне удалось поговорить с Романом, правда, немного, его вызвали на допрос сразу после меня...

– А Виктор?

– Он сидел в другой комнате и ждал своей очереди. Но мы ни в коем случае не будем посвящать его в наши планы. Это останется между нами. Понимаешь? Во-первых, ты не можешь обременять своими проблемами чужого человека, а во-вторых, это же все не надолго. Рано или поздно, убийца будет найден.

– А если нет?

– Немного мужества, Этта, ты же всегда была такая... Через пару недель или даже дней дело будет закрыто. Правда, в нем есть еще маленькая загадка, о которой мы ничего не знаем.

– Да. И я все время об этом думаю. Не может ли в этой игре участвовать еще какая-нибудь женщина?

– Другая женщина? Как это могло прийти тебе в голову?

– Может быть, у Гвидо, кроме Лоры, был еще кто-нибудь? Ты же знаешь, у него всегда были женщины. А когда они ему надоедали, он порывал с ними... Вдруг у одной из них произошел нервный срыв, и она убила свою соперницу... Такое ведь бывает.

Рут задумчиво посмотрела на нее из-под нахмуренных бровей.

– Ты Фрайтагу об этом говорила?

– Мне тогда не пришло в голову. Я была слишком взволнована. Думаешь, нужно было сказать?

– Да, определенно надо было это сделать. Но ничего, я сама ему скажу.

– Ты?!

– Конечно. А ты должна просто исчезнуть. Это сейчас самое важное.

– А что ты обсуждала с Романом? Он придет сюда?

– Мы встретимся вечером в твоём доме на Аммерзее.

– На Аммерзее?

– А ты что, против? – отчужденно спросила Рут.

– Ты не думаешь, что Фрайтаг именно там и будет меня искать?

– Не сегодня. Еще нет приказа на твой арест. Завтра, может быть, завтра полиция начнет искать тебя, может, и в твоём доме. Но завтра тебя там уже не будет.

– А где же я буду?

– В санатории, в Шварцвальде... Роман знаком с тамошним главврачом, он тебя и отвезет туда завтра утром. Ты будешь жить там под другим именем и пройдешь курс лечения, который тебе действительно необходим. А сейчас я отправлюсь за твоей машиной и возьму еще пару мелочей, которые тебе будут нужны. Ты подождешь меня здесь, а потом мы встретимся с Романом и обсудим дальнейшее. Хорошо?

Этта кивнула, открыла свою сумочку и достала ключ от машины.

– Приезжай скорее...

Рут коснулась губами виска Этты.

– Через полчаса я вернусь. И не делай глупостей, Этта. Роман, наверно, уже за городом и топит камин...

Когда Рут отъехала, Этта встала и пошла к телефонным будкам. Она должна сказать хоть несколько слов Виктору. Нельзя так просто исчезнуть, не сказав... не дав маленькой надежды...

Виктор спокойно ходил взад-вперед по фойе отеля, когда вдруг его окликнул порттье.

– Вам звонят, господин доктор... вторая cabina...

Виктор вбежал в крошечную кабинку и схватил трубку.

– Брюль у телефона.

– Это вы, Виктор?

– Да, Этта... А вы где?

– Где-то в городе... Я только хотела сказать, я... я уезжаю. Но обещаю вам, я обязательно вернусь.

– Ради всего святого, Этта! – закричал он. – Мне нужно увидеться с вами.. Теперь, сейчас... Вам нельзя уезжать!

– Ничего другого не остается... Не беспокойтесь, я не одна.

– Кто с вами? Что вы задумали? Я боюсь за вас...

– Так надо. Поверьте мне... Сейчас я ничего не могу объяснить. Но я вернусь... Прощайте... Сегодня вечером буду думать о вас...

После этого раздался щелчок – Этта положила трубку.

Виктор вышел из кабинки и подошел к широкому окну. Ему все больше и больше не нравилось это дело. Что же все-таки там затевается? Почему

Этта уехала сломя голову? Кто уговорил ее спрятаться? Ведь ее исчезновение только подстегнет подозрение полиции.

Вдруг Виктор резко повернулся, выбежал из отеля, сел в машину и поехал на встречу с Фрайтагом.

В отделе убийств было полно народу, а дверь кабинета Фрайтага открыта.

– Извините за беспокойство, господин комиссар. Это очень важно...

– Что случилось, господин Брюль?

– Можно задать вам прямой вопрос?

– Хоть сто вопросов... Другое дело, смогу ли я на них ответить. О чем идет речь?

– Я хотел бы знать, собираетесь ли вы арестовать Этту Ахенваль?

– Нет, у меня нет ни малейшего намерения. А что заставляет вас так думать?

– Но она боится этого... И я думаю, что убийца воспользуется ее страхом в своих целях.

– Убийца? Я ничего не понимаю. Вам придется объяснить.

– Он убедил ее уехать с ним вместе... куда-то, чтобы спрятаться. И в своем паническом страхе она пошла на это. У меня такое чувство, что ей грозит беда.

Этта подошла к раковине и вдруг расплакалась. По природе она никогда не была малодушной, но сейчас мужество покинуло ее.

– С кем она уехала?

– Это может быть только Роман Кайзер.

– Роман Кайзер? – протяжно переспросил Фрайтаг. – Вы что, считаете Романа Кайзера убийцей?

– Признаю, что вначале он произвел на меня впечатление милого, симпатичного человека. Но потом я многое обдумал. У Романа была не только возможность убить Гвидо Ахенваля, но и веские мотивы. Видите ли, Роман – единственный родственник Этты Ахенваль и ее наследник. Если предположить, что в субботу ночью он видел, как Ахенваль залез в свою квартиру через балкон, куда Этта только что вернулась, тогда он точно знал, чего хочет Ахенваль. А именно – освободиться от своей жены, чтобы завладеть ее состоянием. Вот Роману и пришла в голову мысль полезть за Ахенвалем в квартиру и убить его. Тем самым он становится единственным владельцем этого состояния.

– Вы имеете в виду, что Роман хотел убить Ахенваля после того, как тот убьет жену?

– Разумеется. Так он освободился бы от обоих. А полиция рассматривала бы этот случай как убийство с целью грабежа, жертвами которого стали оба супруга. Роман унаследовал бы фабрику и магазин, и тогда его невеста согласилась бы,

наконец, выйти за него замуж. Но в ту же ночь Роман понял, что просчитался. Он слишком рано попал в квартиру. Ахенваль еще не закончил своего дела, и Этта была жива. Первым, к кому она побежала после того, как увидела, что случилось, был он сам, ее кузен Роман... Убийца.

– После этого он советует ей как можно быстрее вернуться в отель, чтобы подозрение не пало на нее.

– Да, и это выглядело по-дружески и заботливо, хотя на самом деле – совет весьма дьявольский. Он знал, что подозрение будет направлено на нее.

– А при чем тогда Фройдберг?

– Фройдберг? О нем я еще не думал. Предполагаю, что Роман не знал, что он уже в Мюнхене. Ему было важно, чтобы подозрение пало на Этту.

В глазах Фрайтага заблестели маленькие смешливые огоньки.

– А после того, как мы удовлетворили его желание арестовать Этту Ахенваль, он, не долго думая, тут же убивает Лору Фройдберг, чтобы усугубить подозрение против Этты Ахенваль. Или мог быть какой-то другой мотив?

– Минуточку... Вы меня совсем запутали, господин комиссар. Я не это имел в виду... У него не было никаких оснований убивать Лору.

– Ага... Теперь до меня начинает доходить логика ваших рассуждений. Он просто перепутал.

– Вот именно... Принял Лору за Этту Ахенваль.

– А как он проник в квартиру?

– У него был ключ.

– Но ведь госпожа Фройдберг звонила у входной двери, и этот звонок должен был заставить его задуматься. Обычно в свою собственную квартиру не звонят, ее открывают своим ключом.

– Каждый может забыть свой ключ.

Фрайтаг откинулся назад и закурил.

– Ваша версия довольно умна. В ней – только одна ошибка, доктор Брюль. В тот час, когда была убита Лора Фройдберг, Роман Кайзер находился на другом конце города в своем офисе.

Сжав губы, Виктор мрачно смотрел перед собой.

– Если это не Роман Кайзер, тогда не знаю... Я сдаюсь.

– Ладно, довольно комбинаций. Давайте факты... Почему вы считаете, что Этта Ахенваль сбежала?

– Она позвонила мне... – И Виктор подробно рассказал о телефонном разговоре. Потом добавил: – Она не назвала имен, только сказала – я не одна. Не знаю, но чувствую, что все это каким-то образом связано с Романом. Говорите, что хотите, господин комиссар!

– Да я ничего и не говорю, – улыбнулся Фрайтаг. – И не спорю с вами. Роман действительно причастен к этому делу. Но то, что он хотел убить Этту, чтобы стать ее наследником... тут я вам не поверю. Впрочем, он бы и не смог этого сделать, даже если бы очень хотел.

– Не смог бы? Кто же ему помешает?

– Мы, дорогой доктор. Роман

Кайзер круглосуточно находится под нашим наблюдением.

Виктор удивленно посмотрел на комиссара.

– А почему? Вы же сами говорите, что его не подозреваете.

– У нас есть основания наблюдать за ним, но мы преследуем совсем другую цель, господин доктор. Во всяком случае, вам не надо бояться, что он может убить Этту Ахенваль. Это единственное, чего он точно не сделает.

На столе Фрайтага зазвонил один из телефонных аппаратов.

– Извините, – пробормотал он и снял трубку. –

Комиссар Фрайтаг. – Больше он ничего не сказал, лишь молча смотрел на Виктора остекленевшим взглядом. Затем резко поднялся и вежливо произнес: – Мне придется прервать наш разговор, господин доктор.

– Это связано с... госпожой Ахенваль?

– Еще не совсем понятно. Не могу сказать ничего определенного. Но, если хотите, посидите в приемной и подождите. Я потом все расскажу, если будет возможно.

– Что возможно?

На лице Фрайтага мелькнула загадочная улыбка.

– То, чего я жду.

Часы на доске приборов показывали 22.10, когда Этта остановила машину перед своим участком. Ставни дома были плотно закрыты, и она разочарованно прошептала:

– Романа еще нет

– Ничего страшного, – ответила Рут. – Он вот-вот приедет... Выключи фары.

– Я не знаю... Давай лучше подождем Романа в машине, – с сомнением в голосе предложила Этта.

– Зачем же? Ты что, привидений боишься?

– Я так давно не была в этом доме, Рут... Собственно говоря, никогда не любила его... даже летом... Он всегда такой мрачный, холодный и сырой...

– Не хватает, чтобы ты еще сказала «зловещий». Зловещий дом... – засмеялась Рут. – Пойдем, не будь ребенком, Этта. Через пять минут у нас будет тепло и уютно.

Обе женщины вышли из машины и направились к дому. Этта открыла тяжелую дубовую дверь, и через маленькую прихожую они прошли в большую комнату.

– Хотела бы я знать, – глядя вверх на лестницу, ведущую на второй этаж, сказала Этта, – кто может чувствовать себя здесь уютно.

– Наверно, твой отчим, который тебе все это завещал.

– Наверняка, нет. Он же сам получил его по наследству.

– Ну, садись же, наконец. – Рут подтолкнула Этту к камину. – Не снимай пальто, а шаль оберни вокруг ног. Я зажгу огонь в камине и полдюжины свечей, они тоже будут греть... Хочешь, приготовим глинтвейн.

– Было бы неплохо... Я бы могла сейчас...
 – Ничего ты не будешь. Только тихо сидеть, спокойно дышать и чувствовать себя в надежном, защищенном месте. – Рукой, одетой в черную перчатку, Рут слегка прошла по щеке Этты и принялась за работу.

Зябко поеживаясь, Этта наблюдала за ней и прислушивалась, не прибавится ли к окружающим звукам звук подъезжающей машины Романа. Ей хотелось бы, чтобы Роман был уже здесь.

Рут вытащила из огромной сумки пестрые упаковки с печеньем и засахаренными фруктами, а в маленькой кухне уже булькал глинтвейн, пахнувший гвоздикой и корицей.

Вроде бы так все спокойно и уютно, но Этта не чувствовала никакого покоя.

– Разве Роман не собирался выехать сразу?

– Ему надо было еще вернуться на фабрику.

Наверно, его там задержали. – Рут обернулась и посмотрела на нее. В ее глазах появилось странное выражение – застывшее, отсутствующее.

– О чем ты думаешь? – занервничала Этта. – Ты ведь не считаешь, что Роману что-то помешало?

– Что ему может помешать?

– Не знаю... Но сейчас – половина восьмого.

Разве он не должен быть уже здесь?

– Ну, и что? Половина восьмого... У нас же есть время... много времени... до завтрашнего утра...
 – Что это значит? – воскликнула Этта. – Мы не будем ждать здесь до утра. Я этого не выдержу!

– Я и не знала, что ты такая трусиха.

– Я – не трусиха, но...

– Я – не трусиха, но...

– Что здесь с нами может случиться? Здесь ты в безопасности, и Роман знает это, поэтому и не будет нестись сломя голову.

Рут вышла на кухню и вскоре вернулась с дымящимся глинтвейном.

– Я очень рада побыть с тобой наедине, Этта... Думаю, нам есть, о чем поговорить, объясниться...

– Объясниться? В чем мы должны объясниться?

Рут загадочно улыбнулась и присела на диван напротив камина.

– Нам надо знать все друг о друге, Этта... Мы близкие подруги, и я готова к главной исповеди.

Этта нахмурила брови.

– Ах, оставь, Рут... Я ничего не хочу больше слышать о том, что было. Лора мертва, и Гвидо тоже... А что касается моей роли в этом деле... Все прошло и забыто.

– Разве ты не за то, чтобы между людьми всегда была ясность во всем?

– Для этого не нужна генеральная исповедь, Рут. Или все знаешь, или не знаешь ничего.

– Ты так считаешь?

– У меня есть опыт.

– С Гвидо?

– Да, с Гвидо, – почти грубо ответила Этта. – Но это то, о чем я хотела бы говорить в последнюю очередь.

– Могу себе представить. Конечно, ты права... Без слов понятно, что мы многое знаем друг о

друге. Но, несмотря на это, я нахожу замечательным однажды сказать настоящую правду от всей души.

– Пожалуйста, Рут, будь благоразумной. По крайней мере, пока не придет Роман. Если и тогда тебе захочется исповедоваться, можешь еще что-нибудь выдать. Но не сейчас.

Рут окинула Этту быстрым взглядом.

– Ты принадлежишь к тем сильным личностям, которые справляются со своими проблемами сами, да? Я, к сожалению, нет... Мне иногда хочется излить душу. И потом, я чувствую себя освобожденной.

– У тебя же есть Роман.

– Роман? Какое отношение имеет Роман к тому, что нам надо сказать друг другу? Это касается только нас двоих: тебя и меня.

– Пусть прошлое останется в прошлом, Рут. Если тебе мешает то, что ты не всегда была со мной откровенна... я могу это понять. В конце концов, Лора была твоей подругой.

Продолжая гнуть свою линию, Рут таинственно улыбнулась.

– Тебе известен роман «Исповедь убийцы», рассказанная за одну ночь» Йозефа Рота? Это была такая же ночь, как сегодня.

Этта напряглась, но в следующий момент в ней вдруг проснулась холодная ярость.

– К черту! Что значит вся эта бессмыслица? Ты что, хочешь изобразить леди Макбет? Или кого-то еще?

Рут хихикнула.

– Это был бы Шекспир... А я говорю о Йозефе Роте... Подожди минутку. – Она встала и снова пошла на кухню.

Этта в полной растерянности смотрела ей вслед.

Почему Рут выбрала именно этот вечер, чтобы изобразить из себя сумасшедшую? Или это вовсе не игра? Что за всем этим стоит? И Роман никак не приезжает... Где же его носит?

Она вскочила и подбежала к боковому окну. Ставня была закрыта, но она слышала, как завывает ветер и шумит дождь. Вдруг ставня открылась, и Этта заметила чью-то руку, а затем – размытое пятно белого лица...

Она отшатнулась и резко вскрикнула. Рут опрометью вбежала в комнату.

– Что случилось?

– Лицо... На улице...

Рут распахнула окно и высунулась наружу.

Никого. Только вдали, на другой стороне озера, мерцал в ночи одинокий огонек. Казалось, что он движется. Но двигался не огонек, а волнующаяся под напором ветра листва деревьев.

– Вот, что ты приняла за лицо! – воскликнула Рут и подняла руку. – Лампочка на той стороне, видишь ее? Ты ее приняла за лицо!

Этта растерянно вглядывалась в темноту. Неужели она ошиблась?

– Но... но там еще была и рука, – заикаясь, произнесла она.

– Ты с ума сошла, – холодно проговорила Рут и захлопнула ставню.

В комнате сразу стало тихо и неуютно, как в склепе.

Обе женщины отчужденно смотрели друг на друга.

И тут Рут заговорила. Голос ее звучал злобно и неестественно.

– Итак, ты не так сильна, как тебе бы этого хотелось? Да ты же вся дрожишь от страха. Тебя преследует дух Гвидо?

– Ты что, лишилась разума, Рут? – тихо спросила Этта. – Пора прекратить этот спектакль.

– Какой спектакль? Ты не понимаешь, что это не игра? – Рут встала за диван и расправила плечи. – Я же тебе сказала, я все знаю!

– Что ты знаешь?

– Что ты убила Гвидо! Я знала это с первой минуты! Ты – убийца!

Этта в полной растерянности смотрела на Рут, будто та на ее глазах превратилась в чудовище. Может, она действительно сошла с ума?

– Но это же неправда, Рут! – в отчаянии вырвалось у нее. – Это же...

– Оставь свою ложь! Ты здесь не перед судом и никогда перед ним не предстанешь. Об этом я позабочусь. – Глаза Рут горели яростью и... мстью.

Да, вот, пожалуй, на чем она помешалась.

Мстять! Внезапно у Этты появилось ужасное подозрение: не заманила ли ее Рут в ловушку?

– Чего, собственно, ты от меня хочешь, Рут? – спросила она, стараясь быть твердой, насколько это возможно. – Я даже не развелась с Гвидо. Почему я должна была убить его?

– Из подлости! – крикнула Рут и швырнула свои черные перчатки в воздух. – Потому что ты для него не существовала. Потому что ты могла хоть на голову встать, а его это не трогало. Со всеми твоими дорогими платьями и мехами ты возбуждала его так же, как железная вешалка.

– Ну, и что, – холодно отреагировала Этта. – Я его уже давно не любила.

– Да, конечно, не любила. Но твоя нордическая гордость не смогла вынести того, что он любил другую. Поэтому ты его и убила! Не хотела отдавать его никому!

– Да он в любое время мог иметь эту другую, ты же знаешь. Но ты также хорошо знаешь, что для этого ему нужны были деньги.

– Твои деньги, твои деньги... – презрительно продолжала Рут. – Плевал Гвидо на твои деньги!

– К сожалению, нет. Он даже пытался убить меня. Ты же сама недавно говорила, что Лора без денег никогда бы не вышла за него замуж.

– Да что Лора... – Рут сжала губы и несколько мгновений стояла, как вкопанная. Потом медленно обошла диван, будто что-то обдумывая, и произнесла: – Он любил вовсе не Лору.

– А кого же?

– Меня, меня он любил!

У Этты перехватило дыхание, на нее напал парализующий ужас.

– Тебя?!

– Да, меня... Только меня одну. Ни одной другой женщины, никогда. И тебя не любил! – Рут впадала в какое-то неистовство. Теперь это было не только желание мести, но и откровенная ненависть к Этте. – Ты, гусыня! Ты же никогда этого не замечала. Лора была таким же холодным куском льда, как и ты. С тем же успехом он мог бы остаться и с тобой!

– Значит, у него никогда не было любовной связи с Лорой?

– Конечно, нет! Письма, которые он посылал в Зальцбург, предназначались мне. И тридцать красных роз каждый раз – мне! Сотни красных роз посылались в Зальцбург – все для меня! Все за твои деньги! Котенок – я! Именно я – та женщина, которой он писал: «Ты – любовь моя последняя...» И она была последней. Я – его последняя любовь!

– Вот, значит, что хотела сказать мне Лора, когда искала встречи со мной. И поэтому...

Вся правда мгновенно раскрылась перед Эттой. Теперь она знала, почему должна была умереть Лора, и кто ее убил. Это была Рут, она стояла за открытой дверью, включив музыку, и измененным голосом говорила Лоре: «Входите, я в постели...» Да, Рут способна на убийство.

Эта догадка пронзила Этту, как удар током, и она начала понимать, какая опасность грозит ей самой. Разве может Рут допустить, чтобы Этта ушла живой из этого дома? Она действительно попала в ловушку.

– А где... где же Роман?

– Не надейся, голубка... Роман не придет, никто не придет... Я хотела побыть с тобой наедине. – Рут крепко держала за руку оглушенную страхом Этту. – Ты от меня не уйдешь... Моя исповедь закончилась, я призналась и чувствую себя свободной. Теперь – твоя очередь. И тебя надо освободить...

– Рут, – задыхаясь, заговорила Этта. – Что ты выиграешь, если убьешь меня?

– Ты забрала у меня Гвидо, – сквозь зубы прошипела Рут, – и ты должна за это заплатить. А я еще получу, что хочу. Все твои деньги! Роману достанется все, когда ты умрешь, а я – я выйду за него замуж! – Она вдруг подняла руку в черной перчатке, сжимающую пистолет. – Теперь ты сама себя убьешь, моя голубка!

Этта вскочила, но, запутавшись в шали, тут же упала на пол, больно ударившись головой о железную решетку камина.

– Ты, трусливая душонка! Всего-то и нужно, чтобы все выглядело, как самоубийство! – Рут наклонилась над ней, схватила ее и...

Порыв ветра пронесся по комнате. Быстрые шаги... Топот... Родной голос...

Но все это Этта воспринимала уже исчезающим сознанием. А потом...

Сначала ей показалось, что она видит сон. Откуда-то появился Роман. С ожесточенным лицом он стоял за спиной Рут и крепко держал ее, скручивая руки.

Рут вырывалась, не могла освободиться. Тугой

узел ее волос развязался, черные волосы закрывали лицо.

– Отпусти меня, – шипела она. – Я же только хочу...

– Я знаю, что ты хочешь. Я стоял на улице и все слышал. Ты и твой Гвидо стоите друг друга.

– Этта – не лучше! – с ненавистью крикнула Рут. – Она убила Гвидо!

Лицо Романа исказилось, обнажая зубы. А глаза буквально окаменели.

– О-о, нет, не Этта – я! Я... – Больше он ничего не успел сказать.

Резкий металлический голос у двери перебил его откровения.

– Это признание, Роман Кайзер? – На пороге стоял комиссар Фрайтаг.

Роман отпустил Рут, провел рукой по мокрым волосам и устало проговорил:

– Да, это я убил Гвидо Ахенваля.

Комната мгновенно наполнилась какими-то мужчинами, среди которых был и Виктор. Он быстро подбежал к Этте и заботливо поднял ее.

Помощник Фрайтага Дундалек и еще один полицейский плотно закрыли дверь, встали перед ней и включили свет.

Рут забралась в угол. Ее глаза, полные тупого отчаяния, были направлены на Романа.

– Он лжет, – сказала она. – Он не убивал, просто хочет взять убийство на себя, чтобы защитить свою любимую кузину.

– Во всяком случае, он только что не дал вам убить ее. Это однозначно. Мы все свидетели, – обернулся к ней Фрайтаг, затем наклонился и поднял с пола револьвер. – Откуда у вас оружие?

Рут выпятила нижнюю губу и ничего не ответила.

– Я могу вам это сказать, – продолжал Фрайтаг. – Револьвер принадлежит Фройдбергам. Его привезла Лора Фройдберг, а вы взяли его из ее сумочки, после того как убили Лору в квартире Этты Ахенваль. Вы признаете это?

– Все, что вам угодно.

– Вы арестованы, Рут Хинрих, – спокойно проговорил Фрайтаг.

В ответ она лишь пожала плечами и упрямо повторила:

– Роман невиновен. Он не убивал Гвидо Ахенваля. Он и не мог этого сделать.

– Почему же?

– Потому что он всю ночь был в своей комнате, наверху, в пансионе. Его комната – рядом с моей, и я слышала его.

Роман стоял, прислонившись к двери кухни, и смотрел в сторону Рут.

– Ты вообще ничего не слышала, Рут. Ты приняла снотворное и сразу уснула... Даже не слышала, как я звонил Этте и просил ее уйти в отель.

– Конечно, я...

– Да что там, – сердито отмахнулся Роман. – Ты вообще проснулась только тогда, когда к нам потом поднялась Этта... Чего ты, собственно, добиваешься?

– Чего я хочу? – Рут сделала шаг в его направлении, глядя на него своими большими пылающими глазами. – Чтобы ты не рисковал из-за Этты головой. Ты – дурак...

Роман глубоко задышал.

– Я бы хотел, чтобы ты поняла, куда тебя затащило, Рут.

– Закончим дебаты, – прервал их Фрайтаг. – Я хочу услышать от вас, что было после звонка.

– После какого звонка?

– После того, как вы позвонили Этте Ахенваль и посоветовали ей уйти в отель. Что вы предприняли потом?

– Я пошел в свою комнату, встал у окна и начал ждать. Я хотел убедиться, что Этта последовала моему совету. Я очень беспокоился.

– Беспокоились, – деловито повторил Фрайтаг. – Почему? Вы знали о плане Ахенваля заказать убийство своей жены?

При этих словах Этта вздрогнула и почувствовала резкую боль в голове. Виктор успокаивающе положил руку на ее плечо.

– О плане я ничего не знал, – продолжал Роман. – Но что-то предчувствовал, подозревал... В тот вечер все сошлось.

– Что все?

– Мне стало ясно, что... – Роман замялся. – Что моя невеста была любовницей Ахенваля, – медленно проговорил он, не глядя на Рут. – У меня уже давно были догадки, но я считал невозможным такой обман. Но в тот вечер я вдруг прозрел.

– Значит, поэтому вы хотели, чтобы Этта Ахенваль ушла в отель. Вы вознамерились расчитаться с Ахенвалем, когда он вернется ночью домой.

Роман удивленно поднял глаза, не понимая ход мыслей Фрайтага.

– Нет, – потряс он головой. – Все не так. У меня не было плана убить Ахенваля.

– Как же? А почему вы посоветовали вашей кузине провести ночь в отеле?

– Я уже вам говорил... Я боялся за нее...

– Хорошо... Что вы предприняли после того, как Этта ушла в отель?

– Я стоял у окна, курил и думал.

– О чем?

– О чем только не думал... О любви, страсти и смерти... Через пару минут Этта вернулась, и это мне не понравилось. Я как раз подумал, не спуститься ли мне и не проводить ли ее, как вдруг я увидел его. Ахенваля... Он крался, пригнувшись, вдоль домов, бесшумно, как зверь. И тут я понял, что он идет за Эттой, чтобы убить ее.

– Вы видели Осси Шмерля?

– Нет, его не было. То, что Ахенваль договорился с Осси и что он уже был на стройке, когда я говорил с Эттой по телефону, я узнал потом... Из окна я наблюдал только за Ахенвалем, который шел из бара, и видел также, как Этта шла перед ним в темноте. Тогда-то, наверное, ему и пришла в голову мысль сделать все самому.

– А почему вы сразу не подняли тревогу?

На бледных впалых щеках Романа зарделись маленькие красные пятна.

– Это бы не помогло... Ахенваль стал бы все отрицать, а Этте снова грозила бы беда. Я должен был уличить его и хотел абсолютной уверенности. Ее я и получил, когда зашел в квартиру и увидел Ахенваля с ржавым крюком в руках.

– У вас было с собой оружие?

– Нет.

– Как же разыгралась последняя битва?

– Я прямо сказал Ахенвалю, что знаю о его замыслах.

– О каких именно?

– Что он хочет убить Этту, чтобы жениться на Рут. И он цинично подтвердил мою догадку. Тогда я попытался выхватить у него железку. Ахенваль закричал: «Руки прочь!» и пошел на меня. Он будто потерял рассудок, ему уже нечего было терять.

– Что значит, нечего было терять? – спросил Фрайтаг. – Что вы имеете в виду?

– Рут без денег не вышла бы замуж за Ахенваля, точно так же, как и за меня. Разница только в том, что Ахенваль знал об этом с самого начала и никогда не строил иллюзий по поводу своей любовницы. Он знал, что Рут из тех женщин, которые любят мужчину за его банковский счет.

– Итак, вы вырвали у него железный крюк и ударили его по голове...

– Мне не оставалось ничего другого. Он вынул меня.

– Вы сразу поняли, что он мертв?

– Да, сразу.

– И потом вы ушли. Опять через стройку?

– Да, и вернулся в свою комнату в пансионе.

– Вам не приходила в голову мысль обратиться сразу в полицию? Ведь это однозначно была вынужденная оборона.

– Я думал о Рут.... Все еще надеялся, что у нас с ней будет так, как было когда-то. А теперь все кончено.

Фрайтаг подошел к Роману и положил руку на его плечо.

– Мужчина иногда переживает такое, Кайзер. Вы еще молоды. Я рад, что ваше дело чистое, как я и предполагал, и что вам больше не в чем упрекнуть себя. – Он повернулся к остальным и сказал: – Все готово? Тогда поехали.

На улице комиссар на мгновение остановился, посмотрел на небо и глубоко вдохнул свежий ночной воздух.

Была суббота, полдень. Последние листья пламени на деревьях длинной аллеи, ведущей от застекленной террасы кафе в парк.

Этта приехала всего лишь час назад, и сейчас они с Виктором гуляли по парку и тихо разговаривали.

– Как дела у Романа? Расскажите, Этта.

– Самое страшное Роман пережил. Адвокат, которого вы рекомендовали, очень оптимистичен и надеется на оправдание.

– Это было бы замечательно... А Рут?

По лицу Этты пробежала тень.

– Счастье, что Лора осталась жива, – прошептала она. – Иначе Рут грозил бы пожизненный срок.

– А как Лора?

– Все хорошо... Я была у нее вчера в больнице. Мы не могли наговориться и распутали все узлы. Вообще, она мне нравится.

– А ее брак? У них все в порядке?

– Это счастливый брак... Харальд Фройдберг не понимает теперь, как он мог так потерять голову.

– Из-за любовных писем?

– Да... Они лежали в шкатулке Лоры, и Лора, само собой разумеется, их никогда не читала, только хранила для Рут. Рут всегда ее уверяла, что это маленький безобидный флирт, и ничего больше.

– Разве Лора не сказала мужу, что эти письма предназначались Рут, когда он нашел их?

– Сказала, но он не поверил. Там ни разу не было названо ее имя, все время только «котенок». И потом, в Зальцбурге уже пошли слухи.

– О Лоре?

– Да, именно о Лоре, а не о Рут... Рут считалась невестой Романа, и никому не приходило в голову, что она одновременно еще и любовница Ахенваля. На людях она никогда не бывала с ним одна, только с Лорой и иногда с ничего не подозревавшим Романом... Фройдберг постоянно находился в командировках, и поэтому стали судачить о Лоре.

Они свернули на одну из боковых дорожек, усыпанную опавшими листьями, шуршащими под ногами, и Виктор залюбовался золотистым цветом кожи Этты и ее ярко-голубыми глазами под темными ресницами. Он не думал больше ни о Фройдбергах, ни о Романах, ни о Рут. Главное – Этта сейчас рядом, ее тонкий профиль, ее светлые волосы, длинные стройные ноги, ее грациозная походка...

– Между прочим, – улыбнулась Этта, – ко мне приходила ваша сестра Рената.

– Рената? Что ей было от вас нужно?

– Ничего особенного... Просто поболтать со мной, ведь мы так давно живем в одном доме, и до сих пор не знали друг друга.

– И о чем же вы разговаривали?

– Обо всем... Она очень бойкая и открытая.

– И слишком много болтает. Давайте сейчас забудем обо всем, Этта...

И они молча пошли по тропинке, ведущей к вершине холма.

– Как долго вы еще пробудете в Шварцвальде, Этта? – нарушил молчание Виктор.

– Недели три... Или четыре... А потом я хочу однажды проснуться и не помнить ничего, что произошло, потому что оно больше не имеет никакого значения.

– Мне бы хотелось, чтобы это время уже наступило, – низким от волнения голосом произнес Виктор. – И так прекрасно, что у нас все впереди, и все только начинается.

– Начинается... – прошептала Этта, а Виктор взял ее лицо в свои руки и нежно поцеловал. ☞

Подпишись через редакцию!

1. Заполните купон.
2. Заполните и оплатите квитанцию.
3. Отправьте копию оплаченной квитанции и заполненный купон одним из следующих способов:
 - по факсу: (499) 257-13-78;
 - по почте: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный пр., д. 14, стр. 1;
 - по электронной почте: sales@smena-online.ru; jurnal@smena-online.ru

Купон и квитанция редакционной подписки: *

Количество номеров начиная с № за 2009 год

Стоимость одного номера (включая НДС и стоимость доставки) — **84 руб. 70 коп.**

Ф. И. О.

Индекс Область Город

Улица Дом Корпус Квартира

Домофон/код Телефон

Электронный адрес Дата рождения

* Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ

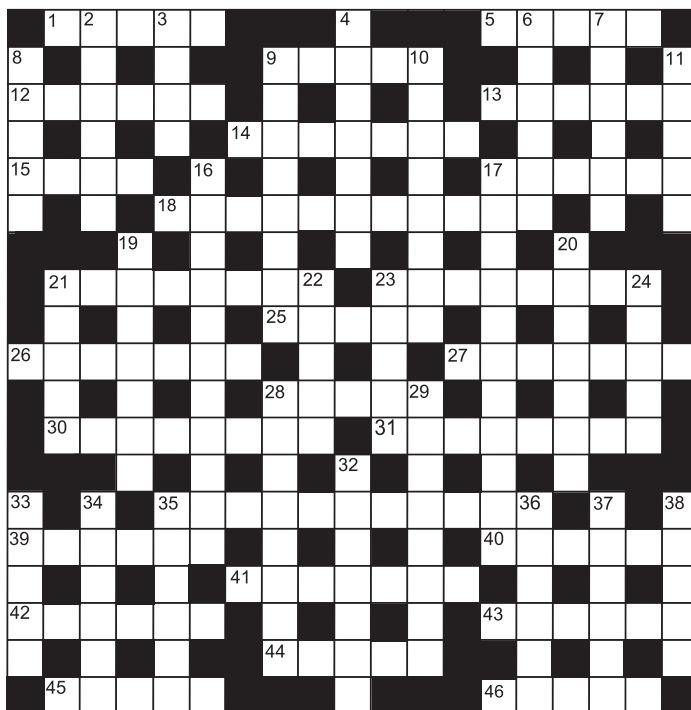

Извещение	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	Подписка на «Смену» 2009 г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» 200_г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
Квитанция	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2009 г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» 200_г. (подпись плательщика)		
Кассир			

Кроссворд

По горизонтали: **1.** Самоцвет в покое, где очутилась пушкинская Людмила, похищенная Черномором. **5.** Топливо, часто поливаемое кровью. **9.** Ушная прищепка. **12.** Особа, которая, пусти ее в Европу, опозорит свою страну. **13.** Крышка покрывке. **14.** Князь, «владелец» самой тяжелой русской шапки. **15.** У чукчей – яранга, у индейцев Северной Америки – **17.** Французский микробиолог, не раз бывший вне себя от бешенства. **18.** Название у ботаников багульника, от цветения которого в Забайкалье розовеют склоны гор и сопок. **21.** Он человек, быть может, верный, но очень приторный, манерный. **23.** Волочение с делянки спиленных деревьев, губительное для подлеска. **25.** Часть орудия, привлекаемая к похоронам крупных деятелей. **26.** Английский композитор и пианист, начавший сочинять музыку с 8 лет. **27.** Среднеазиатский седой авторитет. **28.** Звуки, летящие из-под копыт. **30.** Строитель домов в десятки этажей или монтажник «заоблачных» линий электропередач. **31.** Джульетта – Капулетти, Ромео – **35.** Технический специалист в экипаже самолета. **39.** Пустить в ... – расстрелять (особенно в гражданскую войну). **40.** Остепенившийся заяц. **41.** Знаменитый питерский музей, даже не упомянутый в английском «Словаре искусств». **42.** Страна, чьего президента Насера Хрущев сделал Героем Советского Союза. **43.** Композитор, с которого в истории искусства начинается, по словам В.Одоевского, «период русской музыки». **44.** Представитель народа, чью цивилизацию в Мексике уничтожили в XVI веке испанские завоеватели. **45.** Авоська, в какой болтается человек с бутылкой. **46.** Цепное кольцо.

По вертикали: **2.** Пьяница, выпрашивающий у прохожих рублики. **3.** Напиток, дарующий вечную молодость, чего пчелы, в отличие от

обитателей Олимпа, не знают. **4.** Русский электротехник, осветивший прожектором будущее. **6.** Полячка с неподражаемым голосом, лучшая, как считают знатоки, эстрадная певица XX века. **7.** «Движитель карьериста» (М.Полинькин). **8.** Женщина, чья половина покоится в земле. **9.** Пресмыкающийся Гена. **10.** Детище Прокруста. **11.** «Часть природы, умирающая стоя» (С.Хохлов). **16.** Защитник от грозы, изобретенный Б.Франклином. **17.** Ручка кресла, ожидающая вашей ручки. **19.** «Каменная фиалка». **20.** Южнорусская собака, особенно опасная для хозяев, если они ущербные люди. **21.** Актер, сыгравший киношную роль деревенского детектива Анискина. **22.** Место, где можно увидеть двойной тупуп. **23.** Концевой

цилиндрический участок первых на Земле высших растений. **24.** Знаменитый мастер кременских скрипок. **28.** Сверхбидон на колесах. **29.** Оружие, делающее войну американских индейцев топорной. **32.** И домовой, и кикимора. **33.** Первоначальное название Тарту (по христианскому имени его основателя Ярослава Мудрого). **34.** Хранительница совести в мире. **35.** Артистическая среда, где плату за квартиру считают непредвиденными расходами. **36.** Последователь Эзопа и Лафонтена, не просто переводивший их басни, а переименовывавший их на русский лад. **37.** Герой в «Казаках» Л.Толстого, от себя ушедший, но к людям не пришедший. **38.** Сильный выдох стихии.

Ответы на кроссворд, напечатанный в №7

По горизонтали. **1.** Отдых. **4.** Баловень. **8.** Шпиц. **11.** Иго. **14.** Человеконенавистник. **16.** Еда. **17.** Ялта. **18.** Слива. **21.** Псалмист. **22.** Арум. **24.** Термит. **26.** Ионизатор. **28.** Ованес. **32.** Творог. **33.** Гро. **34.** План. **36.** Арап. **38.** Двор. **39.** Леон. **41.** Глюкоза. **43.** Инок. **44.** Флиндерс. **46.** Горн. **47.** Родео. **48.** Повтор. **51.** Ткач. **54.** Свиток. **57.** Ор. **59.** Жуир. **61.** Верноподданный. **64.** Дуло. **65.** Иа. **66.** Апо. **67.** Кожа. **68.** Злотый. **69.** Неудача.

По вертикали. **1.** Отчаяние. **2.** Дилетант. **3.** Хива. **4.** Бокал. **5.** Ландвер. **6.** Вена. **7.** Невеста. **9.** Пончик. **10.** Цикута. **12.** Ге. **13.** Усилие. **15.** Одаривание. **18.** Смарагд. **19.** Итог. **20.** Ар. **21.** Пиво. **23.** Узор. **25.** Морозов. **27.** Топление. **29.** Новгород. **30.** Спринт. **31.** Работа. **35.** Дефо. **37.** Экспонат. **40.** Олдридж. **42.** Юр. **45.** Нос. **46.** Го. **47.** Рожок. **49.** Око. **50.** Троп. **52.** Кенга. **53.** Чайка... . **55.** Ввоз. **56.** Трио. **58.** Пагу. **60.** Руа. **62.** Пай. **63.** Дон.

ЭРУДИТ

По горизонтали: 1.

Постимпрессионист, в чьем сердце К.Моне боролся с Ж.Сёра; победил второй.

6. Самоцвет, якобы способный погасить ссору супругов.

10. Изделие, на какое в средневековой Европе расходовали почти весь янтарь. **11.** Очки Е.Онегина в театре. **13.** Рыба, способная почувствовать 100-миллионную долю примеси в объеме воды. **14.** Русская присяга на кресте. **16.** Музыка, изобретенная американскими неграми. **18.** Английская писательница XVII века, одна из зачинательниц «комедии нравов». **19.** Онежский остров, где был записан эпос об Илье Муромце и другие былины. **20.** Знаменитый американский иллюстратор «Острова сокровищ», «Приключений Тома Сойера» и других книг. **22.** Прясть волос, вышедшая из повиновения.

24. Национальность жениха, в доме которого моление сопровождали пироги «Груды молодухи». **26.** Самый крупный ушастый тюлень. **28.** Градоначальник Константинополя во времена Византии. **29.** «Владелец» пирамиды, бывшей до постройки Кёльнского собора самым высоким в мире сооружением. **30.** Состояние, до которого легко доводит себя алкоголик. **31.** Одно из трех животных, первыми взлетевших на воздушном шаре. **33.** Ядовитая змея, устраивающая в виноградниках охоту на воробьев. **34.** Австрийская натуралистка и писательница, погибшая в Африке от любимых ею

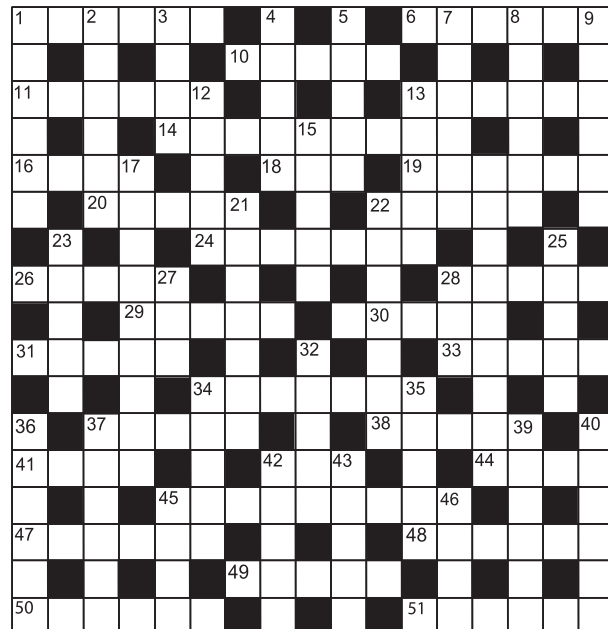
больших кошек. **37.** Чудовище, жертва второго подвига Геракла.

38. Смычковый инструмент жонглеров, менестрелей и других бродячих музыкантов.

41. Понятие: тела действуют друг на друга, а контакта между ними нет. **42.** Всеобщий философский образ китайского мышления. **44.** Крупнейший, надо думать, композитор итальянского кино. **45.** Поэт, чьи «пятницы» в Питере продолжались после его смерти еще 24 года. **47.** Один из двух газов, заполнивших комнату, куда в 1915 году вошел Н.Зелинский, дыша через платок с активизированным углем. **48.** Статуя в центре римского фонтана Треви. **49.** «Отрезок между мечтой и реальностью» (Л.Сухоруков).

50. Аккадская богиня, убитая Мардуком, чтобы из частей ее тела создать землю и небо. **51.** Один из двух поэтов, чьи стихи наизусть по-немецки читал Н.Зинин, ожидая с учениками результата очередного опыта.

По вертикали. 1. Каждая из монет, на которые в Городе Дураков Дуремар нанимал бедняка для «ловли» пиваков. **2.** Живший в Париже немецкий психиатр и писатель, посвятивший книгу «Вырождение» Ч.Ломброзо. **3.** Охотничье название бобра на первом году жизни. **4.** Каждое океаническое «ущелье», в том числе и с рекордной глубиной. **5.** Мыслящее существо в романе С.Лема «Солярис». **7.** «... сказание» – литературный памятник 20-х годов XVII века. **8.** Одна из четырех профессий, освобожденных в Древнем Риме от налогов. **9.** Священный участок в Древней Греции,

где ставили жертвенники и возводили храмы. **12.** Хоромы старухи после третьей просьбы пушкинского старика у золотой рыбки. **13.** Брат кукушки в болгарских легендах. **15.** Итальянский композитор, написавший «Реквием» на смерть писателя А.Мандзини. **17.** Последний этап, по Л.Гумилеву, в развитии любого этноса. **19.** «Резонатор того интеллекта, с которым человек к нему обращается» (В.Гаврилов). **21.** Кайтен – это ... управляемая японцем-смертником. **22.** Летняя королевская резиденция в Великобритании. **23.** Единственный металл, не растворяющийся в «царской водке». **25.** «Зимние ...» – самая русская симфония П.Чайковского. **27.** Китайский монах, отливший из чугуна, по легенде, 20-метровую статую Будды. **28.** Пониженный

песчаный массив в пустынях Северной Африки. **32.** Стихотворение А.Майкова, где запах воскрешает прошлое, как потом в эпосе М.Пруста. **34.** Первый открытый инертный газ. **35.** Огуречный город на Украине. **36.** Мох или орхидея как растение, не связанное с почвой. **37.** Перевод или толкование непонятного слова (впервые применен греками при изучении Гомера). **39.** Место служения ксёндза. **40.** «Титаник» как тип судна. **42.** Наследник французского престола (слово возникло от близкого по звучанию морского животного). **43.** Дерево, способное, по народным поверьям, оживить мертвую змею. **45.** «Родительница» Афродиты. **46.** Снежный человек, чаще всего оставляющий следы для любителей сенсаций.

Ответы на «эрудит», напечатанный в №7

По горизонтали. 1. Иньшань. **7.** Пончо. **10.** Гений. **11.** Пустобрех. **12.** ... бурса. **13.** Зотов. **15.** Лаура. **19.** Полдень. **20.** Доре. **22.** ... жерло... **23.** Гармонист. **24.** Блин. **26.** Ябеда. **29.** Хейнс. **31.** Кельт. **35.** Севр. **36.** Анаксагор. **37.** Ергын. **38.** Хикс. **39.** Мухомор. **42.** Тости. **45.** Сидор. **48.** Цитра. **49.** Джорджоне. **50.** «Бочка». **51.** Стафф. **52.** ... юагиры.

По вертикали. 2. Наука ... **3.** Шатер. **4.** Набу. **5.** Чехов. **6.** Пироп. **8.** Осуждение. **9.** Честность. **10.** Гёз. **14.** Вормс. **15.** Лыжня. **16.** Утрие. **17.** ... адоба. **18.** Эрлих. **21.** Фаянс. **25.** Нерон. **27.** Бандурист. **28.** Доксограф. **30.** Семик. **31.** Крест. **32.** Логос. **33.** Танги. **34.** Парос. **40.** Ритон. **41.** Водка. **43.** Обжиг. **44.** Тенор. **46.** Ржа. **47.** ... фрак.

Юлиан СЕМЕНОВ

Четким почерком, видимо, тяжело превозмогая себя, Высокый написал:
«Михайлу Шемякину, чьим другом посчастливилось быть мне. — Как зайдешь в бистро-столовку, по пивку ударишь. — вспомни! Всегда про Вовку: «Где мол, друг-товарищ?»,... Вспомни! Быть может, Вовчик: «Помидузский не учи! Как хороши, как свежи были маки, из коих смерть схимичили врачи... Милый! Милый! Брат мой Мишка! Разрази нас гром! Поживем еще, братишка, По живьем!»

